РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАНІЕ

П. Песоцкаго.

I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

М. Лермонтовъ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 1 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕРЕДѢЛЕННАЯ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО,

П. Г. Ободовскимъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сиръ Вильямъ Довер-стонъ, содержащійся въ домѣ умалишен-ныхъ . . . . . *Г-нъ Каратыгинъ 1.*
Агнеса, дочь его . . . *Г-жа Жукъ.*
Лордъ Альфредъ Станлей, мужъ ея . . . . . *Г-нъ Смирновъ.*
Клара, дочь ихъ, 8 лѣтъ. *Г-жа Виноградская* (восп.)
Сиръ Мильвиль, старый другъ Довер-стона . . *Г-нъ Каратыгинъ 2.*
Мисъ Елиза, дочь его *Г-жа Волкова.*
Графиня Бриджъ, старая щеголиха . . . . . *Г-жа Телешова.*
Главный докторъ въ боль-ницѣ умалишенныхъ *Г-нъ Третьяковъ.*

Фанни, содержательница модного магазина . . . . . *Г-жа Шенаева.*
Дѣвушка изъ ея магазина . . . *Г-жа Соловьева.*
Мистрисъ Виль, сосѣдка Фанни . *Г-жа Гусева.*
Геприхъ, женихъ Фанни . . *Г-нъ Леонидовъ.*
Робертъ, слуга Станлея . . . . *Г-нъ Фальевъ.*
Джонъ, смотритель въ больницѣ сумасшедшихъ . . . . . *Г-нъ Сосновскій.*
Томасъ, старый слуга Доверстона *Г-нъ Алексѣевъ.*
Лакей . . . . . *Г-нъ Фалле.*
Швейцаръ . . . . . *Г-нъ Чайскій.*

Члены медицинскаго совѣта, дѣвушки въ магазинѣ Фанни, слуги, сторожа.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостинница въ Ньюкестлѣ, небольшомъ городѣ близъ Дублина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агнеса и Робертъ.

Агнеса (*сидитъ у стола.*)

Сюда пріѣдетъ онъ, — ты, Робертъ, говоришь,
И съ нами онъ въ Дублинъ поѣдетъ изъ Ньюкестля
Къ родителю, — такъ самъ назначилъ онъ.

Робертъ.

Давно бы здѣсь онъ былъ, когда бъ не задержали
Его дѣла по выборамъ. Милордъ
Впередъ меня послалъ, хотѣлъ насъ успокоить:
Ужели здѣсь его недѣлю ждете вы?

Агнеса.

И какъ я жду его! Глазъ не спожу съ дороги—
Во всѣхъ проѣзжихъ вижу я его.
И даже — мнѣ признаться стыдно, Робертъ,

И къ шуму дождя прислушиваюсь я —
Ночь цѣлую о немъ лишь я мечтаю,
Ни на минуту не смыкаю глазъ.
Годъ, цѣлый годъ его я не видала, Робертъ.
Скажи мнѣ, успокой меня, мой другъ:
Всегда ли въ Лондонѣ онъ былъ здоровъ и весель?
Мой старый другъ, скажи, онъ вспоминалъ ли хоть разъ,
Среди своихъ честолюбивыхъ плановъ,
(въ сторону.)
О бѣдной, горестной женѣ своей, къ которой
Онъ такъ привѣтно охладѣлъ? —

Робертъ.

Милордъ
Все время посвящалъ Парламенту и пренья̀мъ,
И не обѣдалъ дома никогда,
Все посѣщалъ значительные домы,
И вышелъ весь запасъ его визитныхъ картъ.

Агнеса.

Но гдѣ же чаще онъ бывалъ, скажи мнѣ, Робертъ.

Робертъ.

Я провожалъ его всѣхъ чаще къ той Маркизѣ,
Сестрѣ Министра, не припомню я
Прозванія — у ней еще есть дочь —
Красавица, какой не видано въ столицѣ.
Фіорентини, такъ зовутъ ее, да, такъ. —

Агнеса *(содрогается, но принимаетъ равнодушный видъ.)*

Фіорентини! Я въ Шотландіи слыхала
Объ этомъ чудѣ свѣта! Гдѣ жъ еще
Бывалъ Милордъ?

Робертъ.

У самого Министра;
Съ нимъ въ карты онъ игралъ, и часто
Проигрывалъ ему, нарочно или нѣтъ —
Не намъ судить; но слуги говорили,
Что баринъ мой разсѣянно игралъ,
Особенно когда сидѣла близъ Министра
Племянница его — проговорился я —
Миледи — виноватъ — довѣренности вашей.
Вы удостоили извлечь меня,
Какъ стараго слугу, и я, глупецъ, быть можетъ,
Границы перешелъ.

Агнеса *(въ притворною холодностью.)*

Ни чуть; я рада знать
се, что касается Милорда; мнѣ пріятно,
Что безъ меня супругъ мой не скучалъ.

Робертъ.

Напротивъ, веселъ былъ; одно лишь появленье
Маркизы Юліи одушевляло вдругъ
Милорда; — самъ не свой, глядѣлъ онъ на нее.
И въ спѣхъ толковать злорѣчье начинало,
Что онъ въ нее влюбленъ. —

Агнеса *(быстро встаетъ.)*

Не правда, лгутъ! —
Остань меня, старикъ.

Робертъ.

Что съ нами,
Какъ поблѣднѣли вы!

Агнеса.

Я не спала всю ночь,
И слабость чувствую; лишь ожиданье мужа
Въ меня вдохнуло свыше крѣпость силъ.
Изнемогать я, Робертъ, начинаю: —
Покоя *(садится)* жажду я; остань меня. —
Когда пріѣдетъ онъ, меня о томъ увѣдомь.
(Преклоняется на столъ въ сильной горести.)

Робертъ.

Что бъ это значило, какъ пожелтѣла вдругъ!
Прогнѣвается ей не за что — кажись бы.....
(Уходитъ, разсуждаетъ про себя, разводя руками.)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Агнеса *(одна.)*

Какъ онъ меня разсказами встревожилъ!
Ему не вѣрю я, — онъ не изобличитъ мнѣ,
И растерзать на части не захочетъ
Онъ сердца бѣднаго, которое ему
Лишь изъ одной любви къ нему неодолимой
На жертву принесло дочерній долгъ и честь,.
Я заглушу въ душѣ пустое подозрѣнье,
Утѣшусь мыслью сладостной, что съ нимъ
Вступлю опять подъ сѣнь родительскаго дома,
И вымолю себѣ прощеніе отца: —
Шесть лѣтъ раскаянья загладятъ мой проступокъ.
Дитя мое умилостивитъ гнѣвъ,
И, можетъ быть, еще меня объятья приметъ
Родитель мой, меня благословитъ
И назоветъ меня опять своей Агнесой!
Альфредъ! О, поспѣши прибытіемъ своимъ,
Мнѣ возвратн отцовскія объятья!
Благословеніе отца мнѣ возвратн. —
Шумъ слышу я колесъ, о Боже, не Альфредъ ли?
Такъ, это онъ! (*Бѣжитъ къ окну*) Окна не смѣю отворить;
Взглянуть не смѣю я, изъ страха, чтобъ не встрѣтить,
Чтобъ не увидѣть чуждое лицо.
Ну, не безумна ль я, могу ли я ласкаться
Надеждою, что онъ пріѣздомъ поспѣшилъ?
Взошли на лѣстницу — его шаги — Альфредъ!
(Въ это время входитъ Станлей, она бросается къ нему на шею.)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Алфредъ, Агнеса.

Алфредъ.

Что сдѣлалось съ тобой?

Агнеса.

Что сдѣлалось со мною?
Еще меня ты спрашиваешь? То,
Что плачу я, что я тебя не ожидала,
Что я ждала тебя, что цѣлый годъ
Не видѣла тебя; ты понялъ ли, что значитъ
Годъ, цѣлый годъ разлуки, и еще
Желаешь знать, Алфредъ, что сдѣлалось со мною!

Алфредъ.

Пріѣди въ себя.

Агнеса.

А я тебя винила,
Я думала, что ты забылъ меня.
Ахъ, я была къ тебѣ несправедлива;
Прости же мнѣ; но ты не знаешь: каждый день
Я плакала, скучала, что не пишешь;
Вѣдь ты три мѣсяца, жестокій, не писалъ!
Вотъ почему — О чемъ я говорила?
Я растерялась всѣ. — О, поцѣлуй меня!

Алфредъ.

Дѣла меня въ столицѣ задержали;
Я членъ Парламента; теперь передо мной
Открылося блистательное поле.
Въ Шотландіи я тунеядцемъ жилъ
Шесть лѣтъ съ тобой; теперь настало время
И честолюбію дань сердца принести.
Но для тебя я ускорилъ пріѣздомъ.

Агнеса.

Ты зналъ, что я томилась ожиданьемъ:
До завтра отложить пріѣзда ты не могъ,
Ты бѣдную жену хотѣлъ собой утѣшить —
Все тотъ же ты, Алфредъ, другъ сердца моего.

Алфредъ.

Мнѣ нужно говорить съ тобой на единѣ.

Агнеса.

На единѣ?
(*Алфредъ дѣлаетъ знакъ утвержденія.*)
Открыть мнѣ хочешь тайну?
(*Она удаляетъ Роберта.*)

Алфредъ.

Я жертвы отъ тебя одной хочу просить.

Агнеса

Какъ, у меня, Алфредъ? О, какъ же я счастлива:
Я чѣмъ нибудь могу тебѣ служить.
Не хочешь ли продать мои брилльянты —
Быть можетъ, въ деньгахъ ты нуждаешься,
Алфредъ.

Агнеса.

Такъ что же? Сядь, Алфредъ.

Алфредъ.

Не стоитъ.

Агнеса.

Какъ понимать тебя?

Алфредъ.

Я ѣду сей же часъ.

Агнеса.

И безъ меня?

Алфредъ.

Тебя взять не могу.

Агнеса.

Но ты мнѣ слово далъ со мной въ Дублинъ поѣхать,
Назначилъ мнѣ свиданье здѣсь, и я
Примчалася сюда въ надеждѣ, что съ тобой
Я вымолю себѣ прощеніе отца,
И совѣсти терзанья успокою,
Дождусь душевному мученію конца. —
Когда бы знала я, что ты измѣнишь слову,
Въ Шотландіи осталась бы одна,
Съ тоски бы умерла, но безъ тебя бъ не смѣла
Явиться на глаза несчастному отцу;
И за кого бъ меня тогда одну онъ принялъ —
О Боже! Нѣтъ, Алфредъ, не оставляй меня,
Въ Дублинъ поѣдемъ вмѣстѣ, примиримся
Съ родителемъ; меня возьми съ собой
Куда бъ не вздумалъ ты, хотя на край вселенной.

Алфредъ.

Я ѣхать не могу въ Дублинъ.

Агнеса.

И я
Остануся съ тобой, къ отцу я не поѣду;
Отверженная дочь, съ проклятьемъ на челѣ,
Изною съ грусти я, но не разстанусь съ мужемъ.

Алфредъ.

Та жертва велика!

Агнеса.

На все, на все рѣшаюсь,
Для счастія съ тобою жить, Алфредъ.

Алфредъ.

Но въ Лондонѣ съ тобой мы жить не можемъ вмѣстѣ.
Все состояніе разстроено мое —
А жизнь столичная сопряжена съ большими
Издержками. Я членъ Парламента, и я,
Какъ семьянинъ, жить долженъ цѣлымъ домомъ,
Назначить день визиты принимать.

Агнеса.

Я отрекаюся отъ всѣхъ забавъ столицы,
Я отрекаюся отъ суеты міровой;
Невидимой хочу остаться при Алфредѣ —
А ты одинъ пойди въ придворный свѣтъ.
Въ уединеніи, я отъ него отвыкла,
Я съ дочерью моей остануся одна,
Утѣшуся и тѣмъ, что я тебя увижу

Хотя на нигъ одинъ; я буду знать,
Что подъ одной съ тобой я кровлей обитаю,
Что воздухомъ съ тобой однимъ дышу.
О, согласися взять меня Альфредъ съ собою:
Я утаю отъ всѣхъ, что я жена твоя.

Альфредъ.

Ты вне себя...

Агнеса.

Поговоримъ о дѣлѣ.
Ты жертвы отъ меня имѣть желалъ?

Альфредъ.

Отъ дѣла мы съ тобой не удалились;
Напротивъ, къ цѣли я приблизился моей.

Агнеса.

Увидимъ.

Альфредъ.

Важныя дѣла и перемѣны,
Которымъ я на поприщѣ моемъ
Подвергнуться могу, политика моя —
Все это требуетъ отъ насъ разлуки долгой.

Агнеса.

Годъ цѣлый, цѣлый годъ разлуки разнѣ мало,
Альфредъ: и женскому терпѣнью мѣра есть!

Альфредъ.

Упреки!

Агнеса.

Слезы.

Альфредъ.

Ихъ я не терплю, Агнеса.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, скажи во имя Бога;
Ты неизвѣстностью меня не мучь, Альфредъ.
Ужъ не должна ли я отечество оставить,
Страну, гдѣ мать моя спитъ непробудимымъ сномъ,
Гдѣ мой отецъ о мнѣ тоскуетъ, плачетъ?
Для счастья твоего я и на то рѣшусь.
Лишь срокъ изгнанія опредѣли, Альфредъ,
Я буду жить одной надеждой на свиданье.

Альфредъ.

Напрасный страхъ! Я не хочу, Агнеса,
Тебя съ отеческой страною разлучать,
А ссылки требовать я не имѣю права;
Но согласись сама, Агнеса, что судьба
Ошиблася, тебя со мной соединяя —
Неравенство характеровъ одно
Уже достаточно, чтобъ сдѣлать бракъ несносными.
Шесть лѣтъ довольно ты терпѣла отъ меня,
Отъ пылкости измѣнчиваго нрава.
Я не хочу, чтобъ ты несчастною была:
Меня судьба ведетъ къ предначертаньямъ дерзкимъ,
Ты раздѣлить не можешь ихъ со мной;
Забота обо мнѣ убьетъ тебя, Агнеса;
Я не стерплю того: разстаться мы должны.
Блаженству твоему преградой я не буду,
Свободу возвратя тебѣ, еще могу
Утѣшиться, что ты счастлива будешь.

Агнеса.

Я слушаю тебя, Альфредъ, не понимая.

Альфредъ.

И впрочемъ то, что я предполагалъ
Уже давно почти мы испытала
По бѣдствіямъ, его всѣхъ выгодъ не узнавъ.

Агнеса.

Скажи мнѣ такъ, чтобъ я могла тебя понять.
Нѣтъ! Лучше замолчи, Альфредъ, я начинаю
Ихъ понимать — ужасныя слова!
(*Горько рыдаетъ.*)

Альфредъ.

Межъ тѣмъ какъ средство есть разстаться намъ,
— то средство...

Агнеса.

Лишь слово ты скажи,

Альфредъ.

Законное. —

Агнеса.

Разводъ!

Альфредъ.

Разводъ.

Агнеса (*закрываетъ лице руками.*)

О Боже!

Альфредъ.

Примиритъ все.

Агнеса (*сложа руки.*)

Умилосердися!

Альфредъ.

Тебя страшитъ то слово
Лишь тѣмъ, что завсегда сопряжено бываетъ
Съ огласкою, съ открытьемъ гнусныхъ тайнъ.

Агнеса (*вдикомъ отчаяньи.*)

Я рану чувствую, оружія не видя!

Альфредъ.

Ту рану сердца время исцѣлитъ;
Ты молода..... въ любви другой....

Агнеса.

Въ другой ?
Убей меня, лишь не ругайся мною....
Смерть, смерть, но не позоръ!

Альфредъ.

Къ чему
Пустые возгласы! Они не перемѣнятъ
Намѣреній моихъ.

Агнеса (*съ твердостью.*)

Онъ тигръ, не человѣкъ!
Не ты ли самъ искалъ руки моей и сердца?
Какъ пестрый змѣй явился ты въ цвѣтахъ,
И обольстилъ меня волшебнымъ обаяньемъ,
И въ сердце юное къ себѣ вдохнулъ любовь?

Не для тебя ли я родителя забыла,
Не нарушалась ли я горестью его;
Любви къ тебѣ все принесла на жертву,
Изгнанію себя, пустынѣ обрекла?
Не я ли мать того невиннаго младенца,
Котораго своей отрадою ты звалъ,
Котораго не разъ сжималъ въ своихъ объятьяхъ?
Я знаю, для чего меня ты отвергаешь,
Лишь замыслямъ твоимъ я заграждаю путь.
Ты женишься на дочери Маркизы,
Не такъ ли?

Алфредъ.

Да.

Агнеса.

И своей обѣтъ
На вѣрность ты разрушить долженъ тяжбой!

Алфредъ.

Ни мало; здѣсь о тяжбѣ рѣчи нѣтъ.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, мнѣ объясни точнѣе:
То непонятенъ ты, то слишкомъ ясенъ мнѣ.

Алфредъ.

Взаимное согласіе лишь нужно.

Агнеса.

Меня ты слишкомъ низкой почитаешь,
Когда надѣешься, что добровольно я
Явлюсь предъ судъ, и тамъ собственноручно
Я подпишу своей смертный приговоръ;
Что обреку себя съ малюткой злополучной
На посмѣяніе отчизны, на позоръ.
И объявлю, признавшись добровольно,
Что недостойна я твоей женою быть, —
Ты ошибаешься, и я, какъ мнѣ ни больно,
Кто я, теперь должна тебѣ открыть.
Ужъ я не то ничтожное созданье,
Лишь годное въ разлукѣ изнывать,
Готовое на все, какъ жертва на закланье.
Алфредъ, я не одна жена твоя — я мать.
Въ тѣ ночи долгія, когда я не смыкала
Ни на минуту глазъ, когда въ слезахъ одѣхъ,
Въ молитвѣ пламенной отрады я искала,
Загладила я свой тяжелый грѣхъ —
Душа моя въ страданьяхъ закалилась,
И въ сердцѣ мужество и воля возросла.
Чѣмъ стала я теперь, обязана Алфреду.
Увидимъ, кто въ борьбѣ губительной падетъ:
Сильнѣйшій ты, я слабое творенье;
Оружіе мое святое Провидѣнье;
Щитомъ тебѣ поставлю дочь мою. —
Алфредъ, я на разводъ согласья не даю.

Алфредъ.

Донынѣ отъ меня ты слышала, Агнеса,
Лишь кроткія слова.

Агнеса.

Лишь сятьй къ другимъ прибѣгнуть.

Алфредъ (*подходя.*)

Агнеса!

Агнеса (*холодно, но съ величіемъ.*)

Лордъ Станлей!

Алфредъ.

Несчастная, не знаешь
Еще на что способенъ въ гнѣвѣ я.

Агнеса.

Догадываюсь я.

Алфредъ.

И не трепещешь!

Агнеса (*улыбаясь.*)

Видишь.

Алфредъ (*берётъ ее за руку.*)

Агнеса!

Агнеса (*упадая на колѣни отъ пожатія его руки.*)

Ахъ!

Алфредъ.

Ты предо мной во прахѣ.

Агнеса (*поднявъ руки къ небу.*)

Умилосердись, Господи, надъ мнѣ!
(*Она встаетъ.*)

Алфредъ.

Молися о себѣ — тебя я оставлю.

Агнеса (*бѣжитъ къ нему и обвиваетъ руки около его шеи.*)

Ты не уйдешь, Алфредъ.

Алфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса.

Когда бъ ты зналъ, какъ я тебя люблю.

Алфредъ.

Такъ докажи любовь свою.

Агнеса.

О, мой родитель!

Алфредъ.

Готова ли?

Агнеса.

Ты мнѣ предсказывалъ судьбу.

Алфредъ.

Лишь слово отъ меня.

Агнеса (*зажимая ему ротъ рукою.*)

Его не говори.

Альфредъ.

Согласна ли?

Агнеса.

Лишь выслушай меня.

Альфредъ.

Согласна — кончено, но ни писать мнѣ писемъ,
Ни чѣмъ напоминать мнѣ о себѣ не смѣй.
Прости. —

Агнеса (*удерживая его.*)

Меня не бросишь ты.

Альфредъ.

Проклятье!

Агнеса.

Скорѣе умертви меня.

Альфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса (*падаетъ.*)

Альфредъ!

(*Она встаетъ, простираетъ руки къ нему, и снова упадаетъ безъ чувствъ.*)

О какъ же я люблю тебя, неблагодарный!

Альфредъ.

Она безъ чувствъ, воспользуюсь минутой:
Свидѣтели и судьи ждутъ меня.
Разводная готова, пусть подпишетъ;
Во Францію ее увлю на корабль,
А золото молчать заставитъ капитана.
Для увѣнчанія тѣхъ пламенныхъ надеждъ,
Которыми меня ласкаетъ Фіоренцина, —
Избавиться я долженъ отъ нее. (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Агнеса (*одна.*)

(*Приходя въ себя.*)

Ужасный сонъ, прочь, прочь! Его не вижу я?
Нѣтъ, то не сонъ! Его я слышала проклятья,
Не голосъ ли я слышала отца!
Нѣтъ, не отца, то былъ Альфреда голосъ,
Но что онъ говорилъ? Не вспоминаю я;
Онъ упрекалъ меня въ холодности, не такъ ли?
Онъ ревность мнѣ въ упрекахъ выражалъ....
Что было здѣсь со мной, сообразить не въ силахъ.
Ни въ памяти, ни въ сердцѣ жизни нѣтъ.
Небесный громъ на мнѣ не разражался,
И молнія къ ногамъ не падала погамъ, —
А я мертва, безчувственна, какъ мраморъ,
И потъ холодный катится съ чела.

(*плачетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Агнеса и Робертъ.

Робертъ.

Спасайтеся, Миледи, горе, горе!

Агнеса.

Что сдѣлалось, гдѣ дочь моя?

Робертъ.

Останьтесь.
Узнайте все, что вамъ готовитъ вашъ злодѣй.

Агнеса.

О комъ ты говоришь, тебя не понимаю —
Затмился разумъ мой; кто тотъ злодѣй?

Робертъ.

Альфредъ.

Агнеса.

Что, что готовитъ онъ, скажи мнѣ, — ну, скорѣе,
Не мучь меня, — не лей по каплѣ ядъ,
Дай выпить мнѣ заразъ отравы чашу!

Робертъ.

Сейчасъ подслушалъ я у двери кабинета;
Онъ, капитана корабля призвавъ,
Съ нимъ толковалъ о томъ, какъ бы отправить
Во Францію одну красавицу свою,
Которой ласками прискучилъ онъ. Я слышалъ,
Что въ монастырь ее онъ хочетъ заключить.

Агнеса.

И кто же та несчастная?

Робертъ.

Миледи,
Никто какъ вы; скорѣй спасайтесь бѣгствомъ;
Наутро васъ отправятъ на корабль;
Я васъ спасу. Въ Дублинъ теперь спѣшите
Къ родителю.

Агнеса.

Я остаюсь.

Робертъ.

Миледи,
Онъ хочетъ вашу дочь отдать въ Сиротскій Домъ,
А васъ однѣхъ —

Агнеса.

Не смѣетъ, онъ не можетъ —
Я скрою на груди ее своей — я мать!
Я дочери губителю не выдамъ!
Я брошуся къ ногамъ служителей иноковъ,
Они защита мнѣ!

Робертъ.

Но онъ имъ объявилъ
Что вы не госпожа, а..

Агнеса.

Правосудный Боже!

И ты громомъ своихъ не мещешь на злодѣя?
Теперь, преступница, твой гнѣвъ постигла я—
Иду на смерть, на гибель, не робѣя.
Лишь спасена бъ была малютка, дочь моя!
(*Бѣжитъ въ комнату и выноситъ сонное дитя.*)
Младенецъ спитъ — невинное созданье!
Какъ улыбается еще оно во снѣ!
(*Падаетъ на колѣна и молится*)
Отецъ отвергъ тебя (*твердо*), но Божій міръ
обширенъ: —
Въ немъ благородныя не вымелись сердца;
Пойдемъ... Себя, старикъ, тебѣ я поручаю
И благости небеснаго Отца.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Задняя декорація представляетъ холмистую страну.

Агнеса (*бѣжитъ съ холмовъ, неся на рукахъ дочь*)
Мы спасены! Благодаренье Богу!
Здѣсь отъ гонителей мы скроемся въ лѣсу;
Ихъ голосовъ не слышно въ отдаленьѣ,
И факеловъ не видѣть яркій свѣтъ.
Дубравъ не вдалекѣ; съ того пригорка,
При блескѣ молніи, мелькнулъ передо мной
Высокій шпицъ соборной колокольни.
И въ этомъ паркѣ хаживала я
Съ отцемъ моимъ, — и это мѣсто помню —
Умалишенныхъ домъ вблизи — пойдемъ туда.
(*Хочетъ итти.*)
Я выбилась изъ силъ; иди сама, малютка,
Нести тебя я болѣ не могу.
Ну, встань на ножки, встань, дитя мое. О Боже!
Стоять не можешь ты; какъ ослабѣла ты,
Что сдѣлалось съ тобой, твои колѣни гнутся?
Ужъ не больна ли ты? Ахъ, чѣмъ тебѣ помочь
Не знаю я! Я, какъ Агарь, въ пустынѣ.
(*лаская дочь*)
Тебѣ спать хочется, дитя мое.

Клара.
Устала;
И ноги у меня болятъ вотъ здѣсь, и здѣсь.
Спать уложи меня

Агнеса.
О Боже, что мнѣ дѣлать,
Гдѣ уложить ее? Нести ее не въ силахъ.
(*ищетъ въ кустахъ мѣстечка.*)
Вотъ здѣсь усни, не дуетъ здѣсь, приляг.

Клара (*ложится спать.*)
ишь?

Агнеса.
Я посижу съ тобою;
Не бойся ничего, и спи спокойно.
(*Садится на пень.*)

Клара.
Мама,
Здѣсь жестко.

Агнеса.
Потерпи, дитя мое.
(*Клара уснула.*)
Уснула... Нѣкогда и я, такъ засыпала
И убаюкивалъ меня игривый сонъ;
А нынѣ грозныя видѣнья не отходятъ
Отъ ложа моего. Проклятіе отца
И въ грезахъ слышу я, и трепещу отъ страха.
Альфредъ! Альфредъ, какъ дорого плачу
За нарушеніе священнѣйшаго долга
Дочерняго! Какъ нищая, безъ помощи, одна,
Я подаянія питаюсь проходящихъ.
Съ позоромъ на челѣ стыжусь поднять глаза,
Страшусь, чтобъ моего въ нихъ срама не читали.
Родитель мой! къ тебѣ, въ твои объятья
Я возвращаюсь; меня ты не отринь!
Повѣрь, раскаянье мое чистосердечно,
Прости! Пять, на глаза къ нему я не рѣшусь:
Мнѣ не снести его пронзительнаго взора.
Но будетъ ли еще корить меня отецъ?
Создатель чадъ своихъ заблудшихъ принимаетъ
На лоно тишины, уже ль родитель мой
Отвергнетъ дочь свою?—Я слышу въ отдаленьѣ
Стенанья, крикъ; тамъ пѣнь пылчится по землѣ:
О Боже! ужъ не энгрь ли кровожадный
Сорвался. Нашъ послѣдній часъ
Насталъ. Прими мое раскаяніе,—Боже!
Лишь дочь мою отъ гибели спаси!
(*Гроза, молнія иногда сверкаетъ*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

(*Доверстопъ выходитъ съ лѣвой стороны, влачи на ногахъ кусокъ цѣпи; онъ показывается во всемъ безпорядкѣ человѣка, лишеннаго ума:*

медленно приближается, въ смятеніи, останавливается, пробирается на лѣвую сторону, видитъ Агнесу, и въ страхѣ бѣжитъ въ глубину сцены. Агнеса въ это время недвижна, вперя взоры, въ ужасѣ. Краткое молчаніе.)

Агнеса.

Не призракъ ли? Нѣтъ, нѣтъ! не призракъ.
Убійца, можетъ быть?—Дочь!—если крикъ ея
Убѣжище откроетъ... Нѣтъ, убійца
Для матери младенца пощадитъ. —
(Постепенно шумъ приближается)
Вотъ приближается, его шаги я слышу.
О Господи! Продли ея невинный сонъ.
Отъ ужаса умретъ она не пробужденья!

Доверстонъ.

(*Выходитъ тихо, и чего-то ищетъ руками на землѣ.*)
Я вырвался изъ ихъ желѣзныхъ рукъ;
Я убѣжалъ, и здѣсь отъ нихъ укроюсь

Агнеса.

Онъ не съ лурнымъ намѣреньемъ пришелъ:
Изъ голоса его, изъ всѣхъ движеній вижу;
Быть можетъ, онъ преступникъ, изъ тюрьмы
Онъ убѣжалъ, себѣ спасенья ищетъ.
Мнѣ нечего бояться.
(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Доверстонъ слышитъ и останавливается.*)

Доверстонъ (*судорожно озирается*)

Это кто?
Ты не видала ли гонителей моихъ?

Агнеса.

Нѣтъ, никого; мы здѣсь одни.

Доверстонъ.

Одни,
А чей же слышишь ты громовый голосъ?
Они зовутъ меня, и вотъ дыханье ихъ!
Какъ разнился оно по всѣмъ усталымъ членамъ.
Нѣтъ силъ бѣжать, я весь оцѣпенѣлъ.
Тѣ духи адскіе уже висятъ надъ нами,
И вьются на меня широкими крилами.
О, гдѣ укроюсь я отъ ихъ каленыхъ стрѣлъ!

Агнеса.

Несчастный! Онъ безуменъ, изъ больницы
Онъ убѣжалъ, отъ сторожей своихъ.
Чего вы ищете?

Доверстонъ (*до сего времени искавшій чего-то между кустами.*)

И какъ давно ищу
И спрашиваю всѣхъ о томъ; но всѣ скрываютъ,
Никто не хочетъ мнѣ могилы показать.
Я никому не дѣлалъ зла, за что же
Такъ безпѣтностью терзать, томить меня?
Могилы я ищу возлюбленной, безцѣнной.
Предмета жилаго горячихъ слезъ моихъ;
Ты помоги мнѣ отыскать могилу.
(*Озирается въ страхѣ.*)
Не видишь ли кого?

Агнеса.

Я никого не вижу.

Доверстонъ.

Они за мной гнались, я скрылся здѣсь въ лѣсу,
А мнѣ во слѣдъ они свои послали громы;
Но я и громы ихъ въ побѣгѣ перегналъ.
(*Отступая.*)
Что мнѣ до нихъ; теперь я на свободѣ,
Могилу самъ найду, безъ помощи чужой.
(*Ходитъ по сценѣ, ищя чего-то.*)

Агнеса.

Какъ жалокъ онъ; его я въ темнотѣ не вижу;
Онъ, кажется, старикъ—вотъ онъ идетъ сюда.

Доверстонъ.

Тѣ духи адскіе меня въ когтяхъ сдавили,
Чтобъ я отъ нихъ куда не убѣжалъ;
И бурями они сырую землю взрыли,
Чтобы могилы я нигдѣ не отыскалъ.
Но я найду ее и въ день послѣдній міра,
Когда трубы ударитъ грозный гласъ,
И жизнь, какъ ураганъ, проничется по могиламъ,
И, взрытыя ея дыханіемъ, онѣ
Подпнутся горой къ небесной вышинѣ.
И съ рубищемъ въ пылы свѣшается порфира!
Превыше тѣхъ духовъ я въ небеса взойду,
И въ хаосѣ разрушеннаго міра
Могилу дочери возлюбленной найду!

Агнеса.

О дочери тоскуетъ онъ, о горе!

Доверстонъ.

Мнѣ говорятъ, что дочь моя бѣжала
Съ любовникомъ.

Агнеса.

Бѣжала?

Доверстонъ.

Нѣтъ, неправда!
Могла ль она меня на старости оставить —
Отца, который обожалъ ее.

Агнеса.

О Боже, если онъ? Не можетъ быть.

Доверстонъ.

Неправда!
Дочь умерла моя, и въ томъ увѣренъ я;
Самъ видѣлъ, какъ ее зарыли въ землю,
Самъ бросилъ горсть земли на милый прахъ ея,
Самъ я поздвигъ ей памятникъ надгробный

Изъ мрамора, въ одеждѣ гробовой,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она склонится надъ урной;
Но гдѣ тотъ памятникъ? Не помню, — гдѣ? —
(*Опять ищетъ по сценѣ.*)

Агнеса. (*недвижная въ ужасѣ.*)

Что, что со мной? Вся кровь по мнѣ оледенѣла!
Не я ли та несчастная? А онъ?.. —
Прочь горестная мысль! Одинъ и тотъ же случай,
Всѣ обстоятельства лишь сходствуютъ у насъ.
О, кто разсѣетъ страшное сомнѣнье?
(*Подходитъ къ Довершону.*)

Довершонъ.

О, если бъ знала ты, какъ я любилъ ее!
Въ ней полагалъ я все земное счастье, —
Какъ нѣжила она, покоила меня!
И дней моихъ зима казалась мнѣ весною;
Безъ радостей у насъ не проходило дня;
Какъ вдругъ, не помню я, — могила — да, могила
Раскрылася и приняла ее.
Я увѣнчалъ ее душистыми цвѣтами;
На память удержалъ вотъ эту цѣпь
Изъ бѣлыхъ розъ — она съ могилы тихой,
Гдѣ прахъ Агнесы испробудно спитъ. (*Цѣлуетъ цѣпь.*)
Смотри, еще какъ спѣжи эти розы:
Онѣ отцовскими слезами вспоены,
И грѣлъ ихъ не эсфиръ, отцовскія стенанья!
Я этихъ розъ до гроба не сниму...

Агнеса.

Дай мнѣ взглянуть въ лицо тебѣ..... о Боже!
Отецъ! несчастный мой отецъ!

Довершонъ (*въ бѣшенствѣ.*)

Не я — я не отецъ — я,
Я умерщвлю тебя.

Агнеса.

Я дочь твоя, Агнеса!

Довершонъ.

Я былъ отцемъ и не отецъ я болѣ...

Агнеса (*на колѣняхъ*).

Родитель!

Довершонъ.

Гнусное, презрительное имя!
(*Отталкиваетъ Агнесу, которая обнимаетъ его.*)
Прочь съ глазъ моихъ: тебя я видѣть не могу.
Не тронь меня, руками не касайся,
Все зданіе разрушится мое.
Я Прометей, прикованъ былъ къ Кавказу, —
И черный коршунъ растерзалъ меня;
Но коршуна я разорвалъ руками,
Забросилъ трупъ его я въ бездну водъ, —
И сердца моего клевать не будетъ коршунъ.
Ахъ, нечего клевать ему теперь!
Безъ сердца я; дай руку — ты не слышишь
Біенія въ груди — въ ней болѣ сердца нѣтъ:
Вѣдь растерзалъ его на части черный коршунъ.

Агнеса.

Сей горькій видъ страданій не снесу.
О, Господи! Разрушь меня огнемъ небесвымъ,
Мой гнусный прахъ всели ты бурямъ разметать;
Я довела его до страшнаго безумья,
Дни нѣжнаго отца я отравила, я!...
(*Плачетъ у ногъ его.*)

Довершонъ (*встаетъ, оставаясь нѣсколько времени въ изумленьѣ, потомъ обращается къ Агнесѣ, которая встаетъ на колѣни, и смотритъ на нее съ безуміемъ. Она глядитъ на него въ страхѣ и горести; онъ подходитъ къ ней, потомъ ударяетъ себя рукою по челу, вздыхаетъ и нѣжно говоритъ*).

Ты здѣсь зачѣмъ, бѣдняжка?

Агнеса (*въ восторгѣ беретъ его за руку и цѣлуетъ, рыдая*).

Боже! Боже!

Довершонъ.

Встань, милая; ты плачешь, какъ бы я
Желалъ съ тобой заплакать; — не умѣю —
Всѣ слезы высохли въ глазахъ моихъ, гляди;
Въ нихъ нѣтъ слезы ни капли, всѣ въ печали
Я выплакалъ по дочери своей.
И сколько лѣтъ, какъ по щекамъ увядшимъ
Я слезъ не чувствовалъ отрадной теплоты;
Могилу отыщу, и снова буду плакать.
Вѣдь умерла она, хоть ты повѣрь,
Агнеса умерла моя.

Агнеса.

О если-бъ смерть
Меня постигла въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ,
Онъ этихъ горестей тогда-бъ не испыталъ.

Довершонъ.

Пойдемъ, меня ты не оставишь.

Агнеса.

Могу ль когда тебя оставить я?

Клара (*выбѣгаетъ изъ-за куста*).

Ахъ, маменька, какъ холодно!

Доверстонъ.

Что это?

Агнеса.

Малютка, дочь моя.

Доверстонъ.

Какъ, дочь? Убей ее:
Она не дочь, змѣя — она отрава жизни.
(*Бѣжитъ и отламываетъ сукъ дерева.*)

Агнеса.

О, правосудный Богъ!

Клара.

Ахъ, маменька, спаси!
(*Прячется за нее*).

Доверстонъ.

Ты мнѣ ее отдай, какъ выростетъ она,
Тебя она погубитъ, обезславитъ;
Не лучше ли теперь ей умереть?

Агнеса.

О Боже, Боже! помогите, Боже!

Клара.

Меня убьетъ старикъ; ахъ, мама, онъ убьетъ!
(*Доверстонъ прогналъ Агнесу и схватываетъ Клару.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джонъ и стража.

Джонъ, стражѣ.

Онъ здѣсь, ему свяжите руки.
(*Слуги связываютъ Доверстона, который дѣлаетъ тщетныя усилія вырваться. Джонъ вырываетъ у него сукъ дерева.*)

Доверстонъ.

Злодѣи, варвары!

Джонъ.

Связать его покрѣпче,
А поупрямится — и палкой.

Агнеса.

Боже, Боже!
Не бейте старика, онъ мой отецъ.

Джонъ.

Отецъ!
Не кстати вздумала ты за него вступаться:
По милости твоей вѣдь онъ сошелъ съ ума.

Доверстонъ.

Я убѣгу отъ васъ опять.
(*Хочетъ вырваться.*)

Джонъ.

Ну, попытайся!
Отъ нашихъ палокъ не спастись тебѣ.

Доверстонъ.

Хоть ты мнѣ помоги.

Агнеса.

Молю васъ, пощадите!

Доверстонъ.

Спаси меня отъ ихъ желѣзныхъ рукъ.

Агнеса (*на колѣняхъ, держа въ объятіяхъ Клару*).

Умилосердися надъ нимъ, великій Боже!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Модный магазинъ; среди комнаты большой столъ, два столика по сторонамъ, на которыхъ лежатъ разные платья и уборы; стулья около столовъ и кресла для гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Дѣвушка мететъ комнату, кто-то стучитъ въ наружную дверь; она идетъ отворить ее, и вскорѣ входитъ съ Агнесою, у которой на рукахъ Клара*).

Дѣвушка.

Войди, голубушка. Ту женщину, въ мантильѣ,
Которая шла позади тебя,
Не нужно ли впустить сюда съ тобою?

Агнеса.

Чужая; — не со мной она сюда пришла,
Случайно съ ней мы встрѣтились у двери.

Дѣвушка.

Да, это Мистрисъ Виль.

Агнеса.

Она меня узнала,
И обо мнѣ теперь узнаетъ весь Дублинъ;
Погибла я.... Но гдѣ хозяйка ваша?

Скажите ей, что женщина съ ребенкомъ
Съ ней безъ свидѣтелей желаетъ говорить.
(*Она сажаетъ Клару въ кресла; отираетъ лице платкомъ*).

Дѣвушка (*входитъ въ комнату Фанни.*)

Сейчасъ иду!

Клара.

Мы дома ли теперь?

Агнеса.

Надѣюсь.

Клара.

Гдѣ жъ моя постелька, мама?
Я голодна, устала; спать хочу

Агнеса.

Дитя мое, ты потерпи немного.

(*Подходитъ къ окну.*)

Та Мистрисъ Виль отъ дому не отходитъ;
Сюда въ окно глядитъ, смѣется мнѣ въ глаза;
Нѣтъ снисхожденья здѣсь, и часто строгость нравовъ
Злорѣчію покровомъ служитъ здѣсь.
Но здѣсь найду себѣ пріютъ я безопасный,
И дочь кормилицы въ немъ не откажетъ мнѣ—
Она призритъ виновницу безумья
Отца. О, эта мысль кинжаломъ раскаленнымъ
Вонзается въ мою растерзанную грудь.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Фанни, Агнеса, Клара.

Фанни.

Кто хочетъ говорить со мною?

Агнеса.

Я,
Я, Фанни.

Фанни.

Но чего хотите вы?

Агнеса.

Пріюта
И милостыни.

Фанни.

Вамъ помочь готова я;
Но, кто же вы?

Агнеса.

Какъ? Ты меня не узнаешь!

Фанни.

Вы, госпожа моя, Агнеса! Боже!
(*Въ изумленьѣ.*)

Агнеса.

Ты отъ меня бѣжишь, того я стою Фанни....

Фанни.

Мнѣ? мнѣ бѣжать отъ васъ, отъ госпожи моей,
Забыть всѣ милости, благодѣянья ваши?
Я этого отъ васъ упрека не ждала!
Но изумленье, ужасъ, состраданье
Смутили такъ, что я не вѣрю и глазамъ —
Въ какомъ же видѣ вы! О, Боже правосудный!
(*Бросается цѣловать у нея руки.*)

Агнеса (*отнимаетъ у нее*).

Что дѣлаешь? Не мнѣ твоя покорность,
Не мнѣ, не мнѣ почтительность твоя,
И эта бѣдная крестьянская одежда
Лишь состраданья проситъ одного.

Фанни.

Несчастная! Страдали вы не мало;
Какъ счастлива старушка мать моя,
Что Богъ ее отъ горести избавилъ
Увидѣть васъ въ несчастьѣ.

Агнеса.

Нѣтъ ея,
Кормилицы моей? Я на нее одну
Въ страданіяхъ надежду полагала!

Фанни.

А я на что? Во мнѣ не каменное сердце;
Неблагодарной къ вамъ быть не могу.
Плоды трудовъ моихъ отнынѣ я готова
Съ моею бѣдной госпожей дѣлить.
Ахъ, къ этой мысли я привыкнуть не умѣю!
А это чья малютка?

Агнеса.

Дочь моя.

Фанни.

Какъ, ваша дочь, невинное созданье!
(*Цѣлуетъ ее*).

Агнеса.

Всю ночь она бѣдняжка не спала.

Фанни.

Я уложу ее сейчасъ же. — Леонора!

Агнеса.

Тебя уложатъ спать.

Клара.

Ты спать не ляжешь, мама?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Дѣвушка, Фанни, Клара и Агнеса.

Фанни.

Ты уложи ее въ постель мою.

Клара.

А маму?

Агнеса.

Сейчасъ къ тебѣ прійду. (*Дѣвушка уводитъ Клару.*)
Еще одинъ вопросъ.

Фанни.

Сударыня, меня не спрашивайте болѣ:
Я не могу, не въ силахъ отвѣчать.

Агнеса.

Не объ отцѣ тебя я спрашивать хочу —
Мнѣ жребій горестный родителя извѣстенъ.

Фанни.

Какъ, вамъ извѣстно все?

Агнеса.

Я видѣла его,
О немъ тебя я спрашивать не буду;
Я повѣсть горестей въ глазахъ его прочла,
Безумье и любовь родительскую, Боже! —
(*Она въ отчаяньи, потомъ вздыхаетъ и успокоивается.*)
Поговоримъ о матери твоей:
Ее сразилъ поступокъ мой. я знаю,
Она меня предъ смертью проклила.

Фанни.

Она считала васъ обманутой, ласкалась
Надеждою, что возвратитесь вы
Въ отцовскій домъ, и съ той надеждою скончалась
Въ объятіяхъ моихъ, благословляя васъ.

Агнеса.

Но я раскаяньемъ проступокъ мой заглажу
У ногъ отца, къ нему должна итти.
О, Фанни, какъ могу я доступъ получить
Къ несчастному?

Фанни.

Стараться я готова;
Но чрезъ кого? Ахъ, Боже, Сиръ Мельвиль —
Другъ батюшки....

Агнеса.

Онъ живъ? А дочь его, Элиза?
Ахъ, не чрезъ нихъ! О мнѣ не говори:
Они глушаются преступницей Агнесой.

Фанни.

Напротивъ, всякій разъ, какъ повстрѣчаюсь я
Съ Элизой, рѣчь о васъ всегда она заводитъ;
Жалѣетъ васъ. Она теперь выходитъ замужъ.

Агнеса.

Желаю счастья ей — она его достойна;
Но кто идетъ сюда?

Фанни.

Не бойтесь, ученицы.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Дѣвушка

(*входитъ изъ боковыхъ дверей.*)

Дѣвушка.

Малютка ваша тотчасъ же заснула.
Что за дитя прелестное!

(*Слышенъ стукъ*).

Кто тамъ?

(*Уходитъ*).

Фанни.

Сударыня, теперь покой вамъ нуженъ.
Войдите въ комнату мою, и тамъ
Поговоримъ о вашемъ положеньѣ,
А я межъ тѣмъ схожу къ Мельвилю; — да,
Весь домъ и я сама къ услугамъ вашимъ:
Вы здѣсь хозяйка.

Агнеса.

Фанни, я не въ силахъ
Благодарить. Богъ наградитъ тебя!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

(*Нѣсколько дѣвушекъ входятъ, кланяются Фанни и садятся за работу; Фанни садится на свое мѣсто. Вскорѣ входитъ* Леонаръ съ Графинею Бриджъ, *сопровождаемой двумя лакеями. У обоихъ въ рукахъ по подушкѣ, которыя они кладутъ на кресла, гдѣ сядетъ Леди Бриджъ*).

Дѣвушка (*лакеямъ, которые кладутъ подушки*).

Вотъ здѣсь, на этотъ стулъ.

Гр. Бриджъ.

Нѣтъ силъ, я задыхаюсь:
На этихъ лѣстницахъ пріищется умереть.

Фанни.

Зачѣмъ трудились вы исходить сюда, Графиня,
(*Указывая на дѣвушку*).
Въ каретѣ сей могли бъ все показать,
Что нужно вамъ.

Гр. Бриджъ.

Ахъ, дайте духъ перевести.

Фанни (*садится*).

Визита этого я не ждала сегодня.

Гр. Бриджъ.

Я въ первый разъ зашла сюда,
И тотъ оселъ меня упѣрилъ, что ступенекъ
Немного къ вамъ на лѣстницѣ, и что жъ?

Фанни.

Но ихъ не болѣе пятнадцати.... —

Гр. Бриджъ.

Пятнадцать
Ступеней? Мать моя и я съ моими

Ногами такъ могла взобраться высоко?
Ну, чудо, что со мной не сдѣлалось удара;
Одышкой стражду я.

Фанни (*въ сторону*).
Мудренаго тутъ нѣтъ.
(*Громко.*)
Мнѣ жаль, что вы изъ-за меня....

Гр. Бриджъ.
Ни мало;
Тотъ негодяй всему вина.

Фанни.
Для васъ
Полезенъ моціонъ.

Гр. Бриджъ.
Я развѣ мало
Хожу съ утра, изъ спальни въ кабинетъ,
Въ гостиную иду изъ кабинета,
Потомъ пройти должна покоя три
До залы, все пѣшкомъ, да, милая, пѣшкомъ.
Потомъ сажусь въ карету, разъѣзжаю,
То въ лавки загляну, то въ модный магазинъ;
Усталая къ обѣду возвращаюсь.
Послѣ стола, по комнатамъ хожу;
Двѣ моськи у меня живутъ на пенсіонѣ,
Къ нимъ захожу, сама лѣплю ихъ, кормлю;
Имъ нуженъ моціонъ: гуляю съ ними въ залѣ,
И съ моськами сама, признаться, устаю.
Потомъ въ театръ; оттуда ѣду въ гости,
Сажусь за вистъ, мѣста мѣняю я.
Мнѣ въ вечеръ двадцать разъ прійдется встать
за листомъ
И обойти пѣшкомъ вкругъ карточныхъ столовъ;
Все, милая, пѣшкомъ, и потому здорова,
Что дѣлаю такой прекрасной моціонъ.

Фанни.
Какъ можете еще сносить его, Графиня?

Гр. Бриджъ.
Пока мы молоды, все можемъ переность;
Но я притомъ свѣжа, крѣпка; ты видишь,
Я въ цвѣтѣ лѣтъ, себя умѣю сохранять.
Награнетъ старость намъ, тогда все отзовется,
Чѣмъ въ молодости мы себя не берегли.
Едва племянницу свою я выдамъ замужъ,
Я отдохну: тогда съ полушекъ не сойду.

Фанни.
Что дѣлаетъ Графиня, Миссъ Элиза?

Гр. Бриджъ.
Что дѣлаетъ невѣста? Презабавно!
Съ часу на часъ дня свадьбы ждетъ она;
Но полно толковать, поговоримъ о дѣлѣ.
Готовъ ли мой уборъ? Примѣрить дай.

Фанни (*подаетъ токе съ розами.*)
Готовъ давно.

Гр. Бриджъ (*примѣриваетъ чепецъ*).
Къ лицу мнѣ эти розы.
Прошу васъ не жалѣть Французскихъ блондъ
А платье? Какова накладка, не бѣдна ли?
(*Ей показываютъ платье, она разсматриваетъ.*)
На балъ я всѣхъ нашихъ дамъ убью;
Графиню Польскую зарѣжу, доканаю,
А Генеральша Вильдъ съ ума сойдетъ.
Бѣдняжка, жаль ее, какъ слышно, промоталась
Ей стоитъ дорого послѣдній фаворитъ!
Вы знаете, домашній, черномазый.
Что въ немъ она нашла! А Баронесса Смитъ
Съ своею дочерью, съ той мраморной невѣстой,
Которая какъ мраморъ холодна.
Опѣ, повѣрьте мнѣ, теперь не въ состояньѣ
Со мной тягаться въ модахъ щегольскихъ:
Я первая теперь.

Фанни.
Но, говорятъ, что Миссъ
Помолвлена за богача.

Гр. Бриджъ.
Не правда,
Та свадьба разошлась, и Миссъ едва
Не осрамилася такимъ же поведеньемъ,
Какъ знаменитая Агнеса Доверстонъ.
А гдѣ теперь она? Не знаете ль?

Фанни.
Не знаю.

Гр. Бриджъ.
У васъ о ней не спрашиваютъ въ свѣтѣ;
Тамъ имени ея произнести нельзя.

Фанни.
Прошу о ней со мной не говорить.

Гр. Бриджъ.
Помилуй, мать моя, что за бѣда —
Дочь недостойную, позоръ всего семейства,
Нахъ нечего щадить, и обществу она
Стыдъ нанесла....

Фанни.
Молю, не говорите громко.

Гр. Бриджъ.
Забавно! Не отъ тихъ ли хочешь ты скрывать
Романъ ея и всѣ ея проказы?
Пусть эти дѣвушки узнаютъ, кто она.
(*Разсказываетъ дѣвушкамъ, разводитъ руками, кому говоритъ на ухо.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мистриссъ Виль.

Мис. Виль (*въ бѣшенствѣ*).
Гдѣ дочь моя, Бригита, гдѣ?

Брось все, и вы, Гортензія, Розальба,
Работу на полъ, вонъ скорѣе, вонъ отсюда,
Родители мнѣ васъ велѣли взять.

Фанни.

Что значитъ, Мистрисъ Вилль?

Мис. Вилль.

Что значитъ?
Ты смѣешь спрашивать! Не думаешь ли ты,
Что не узнали мы? О томъ весь городъ знаетъ,
И всѣ глушаются тобой, браня тебя,
И женщинѣ такой, какъ ты, не можемъ
Повѣрить дочерей.

Гр. Бриджъ.

Скажи мнѣ, что такое,
Голубушка.

Мис. Вилль.

- И вы не знаете еще,
Что бѣглая Агнеса возвратилась?

Гр. Бриджъ.

Мис. Вилль.

Да, и эта госпожа
Изволила ее принять въ свой домъ!

Гр. Бриджъ.

Агнеса,
Со мною подъ одною кровлей? — Прочь!
Отсюда прочь! Ахъ, бѣдный мой уборъ,
И бальный мой нарядъ, онъ обезславленъ ею!..

Фанни.

Послушайте, Графиня, разувѣртесь.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и два лакея входятъ.

1-й Лакей.

Княгиня Русская, которая въ сосѣдствѣ
Живетъ отъ насъ, все отмѣнить велѣла,
Что заказала вамъ.

Фанни.

О, правосудный Богъ!

Шекспиръ.

Хозяйка дома вамъ убраться приказала
Отсюда; на нее вамъ запретила шить.

Фанни.

Кто можетъ быть меня несчастнѣе, о Боже!

Мис. Вилль.

Вонъ, вонъ отсюда всѣ, здѣсь моровая язва.

Гр. Бриджъ.

Что до меня—и я въ васъ болѣ не нуждаюсь.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Агнеса.

Агнеса (*выходитъ*).

Агнеса Довертонъ презрѣнія достойна!
Преступница, для всѣхъ позоръ и срамъ,
Но бѣдная Агнеса не допуститъ
Изъ-за нея ту разорить въ конецъ,
Которая ее согрѣла, пріютила.

Гр. Бриджъ.

Она! Ее узнала тотчасъ я.

Мис. Вилль.

Еще на улицѣ, какъ шла она сюда,
Ее узнала я, въ кварталѣ разсказала,
Какъ вы, сударыня, у насъ не терпятъ здѣсь;
Изъ-за тебя почтенный твой родитель
Съ ума сошелъ. Отцеубійца ты,
И дочерямъ въ примѣръ тебя мы презираемъ!

Агнеса.

Я внемлемъ Всевышняго молю,
Останьтеся (*обращается къ Графинѣ*)
И выслушайте.

Гр. Бриджъ.

Прочь!
Не смѣй ко мнѣ и подойти.

Фанни.

Графиня!
Лишь дайте вымолвить.

Гр. Бриджъ.

И слушать не хочу.
Мнѣ съ нею говорить! Что послѣ скажутъ въ свѣтѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Генрихъ.

Генрихъ.

Что здѣсь за шумъ, что сдѣлалось, скажите.

Мис. Вилль.

Вы кстати къ намъ пришли, теперь узнайте вы,
На комъ намѣрены жениться!

Гр. Бриджъ.

Какъ? На Фанни,
Онъ думаетъ жениться?

М. Вилль.

Точно такъ.

Гр. Бриджъ.

Fi donc! Стыдитеся!

Генрихъ.

Чего?

М. Виль.

Она сраминтъ
Себя и васъ; смотрите, съ кѣмъ сдружилась,
Кого въ свой домъ она сегодня приняла.

Генрихъ.

Кто эта женщина?

Гр. Бриджъ.

Изящная Агнеса.

М. Виль.

Всѣхъ добродѣтелей достойный образецъ —
Агнеса Доверстонъ!

Генрихъ.

Агнеса Доверстонъ?

Агнеса.

Я та несчастная, отверженная свѣтомъ,
Я недостойная участія слезы,
Раскаяньемъ сердечнымъ уязвленъ
Осмѣлилась пріюта я искать
У добродѣтельной, моей невинной Фанни.
Теперь она изъ-за меня одной
Подверглася злословью, поношенью,
Какъ отъ чумы бѣгутъ всѣ отъ нее;
Я въ домъ ея внесла позоръ и разоренье!
Но нестерплю того, пусть жизнь ея течетъ
По прежнему въ трудахъ, въ довольствѣ тихомъ;
Я предаюсь опять моей судьбѣ — иду,
Съ терпѣніемъ неся тяжелый крестъ несчастья!

Фанни.

Нѣтъ, васъ я не пущу, останьтеся со мною;
Для васъ я все снесу — злорѣчье, нищету....

М. Виль.

Она стоитъ горою за Агнесу!
Своей своему вѣдь по нравамъ другъ.

Гр. Бриджъ.

Не знала я, что такъ злонравна Фанни!

М. Виль.

Останется безъ ученицъ она!

Гр. Бриджъ.

Никто изъ знатныхъ домъ работъ сей не закажетъ.

М. Виль.

И вы на ней не женитесь теперь?

Генрихъ.

Не торопись, пускай модистка Фанни
Останется на вѣкъ безъ ученицъ;
Пускай весь знатный свѣтъ лишитъ ее работъ,
Приказывать ему не властенъ я того;
Но что теперь женой моей не будетъ Фанни,
Зависитъ отъ меня — и свѣтъ мнѣ не законъ.

Гр. Бриджъ.

Какъ можешь ты, мой милый, уважать,
Когда она связалась съ развращенной!

Генрихъ.

Прошу не досказать, Графиня, и отъ васъ
Такихъ похвалъ я не намѣренъ слушать
Агнесѣ Доверстонъ; ужели долженъ я
Невѣсту презирать за то лишь, что рѣшилась
Принять ее? И васъ прошу о нашей братьѣ,
Мѣщанахъ, лучшее понятіе имѣть.
Еще мы до того душой не очерствѣли,
Чтобъ состраданье заглуша въ груди,
Захлопнуть дверь могли предъ сирымъ, неимущимъ!
Я осуждалъ Агнесу за вину —
Раскаянье насъ примиряетъ съ нею:
Я руку помощи охотно ей подамъ.
(*Становится между Агнесою и Фанни.*)
Останьтеся у насъ Агнеса — презирайте
Злорѣчіе толпы; а ты, мой милый другъ,
Ты возвеличилась въ глазахъ моихъ поступкомъ:
Сегодня же моей женою будешь ты.

Гр. Бриджъ.

Я слушать не хочу; онъ грубіянъ, негодный!
(*Уходитъ, за нею лакеи.*)

М. Виль.

А мнѣ что здѣсь стоять: пойду, всѣмъ раскажу
На перекресткахъ, всѣмъ разблаговѣщу. Дѣти!
За мной, за мной!

Фанни (*Генриху*).

Ты слышишь ихъ угрозы?

Генрихъ.

Ихъ презираю я; не всѣ жестокосерды!
И можно ли жестокосердымъ быть
При видѣ горестной страдалицы? Нѣтъ, Фанни,
Чего бъ ни стоило, ее не выдамъ я:
Я не богатъ; но съ ней готовъ дѣлиться
Послѣдней коркой.

Фанни.

Камень съ сердца спалъ!
Ты не гнушаешься сиротой Фанни!...

Агнеса.

Генрихъ!
Достойный другъ, я словъ не нахожу
Для выраженья чувствъ признательности; вы
Лишь эти слезы — дань моей души.
О Господи! Стези твои непостижимы!
Путями горести ты велъ меня сюда —
И здѣсь надѣюсь я желаніе исполнить,
Которое давно въ груди моей ношу;
Ту мысль ты самъ вдохнулъ въ меня, Всевышній,
И къ совершенію ея напутствуй ты!

Фанни.

Куда идете вы?

Агнеса.

Къ Мельвилю.

Фанни.

е ходите,
Тамъ оскорбленія вы встрѣтите однѣ.

Агнеса.

На все готова я!

Генрихъ.

Вы городомъ пойдете,
Средь бѣла-дня, — что, если чернь
Обидитъ васъ?

Агнеса.

Обиды, поношенье,
Безъ ропота снесу, какъ терпитъ мой отецъ.
Мнѣ время дорого.

Генрихъ.

Васъ провожу къ Мельвилю.

Фанни.

И я.

Агнеса (*Генриху и Фанни, которые удерживаютъ ее*).

Не допущу васъ до того, друзья!
Я не хочу, чтобъ вы подверглись порицанью,
Я не хочу на васъ позоръ навлечь;
О не держите такъ меня, не убѣждайте,
Не поколеблете вы твердости моей.
Храните дочь мою, въ ней вѣру поселяйте,
О бѣдной матери твердите чаще ей,
Пусть въ памяти хранитъ меня малютка Клара:
Она одна отрада дней моихъ.
Простите! Обо мнѣ въ молитвахъ помяните —
Онѣ отъ чистыхъ душъ, и Богъ услышитъ ихъ!
(*Убѣгаетъ, Фанни и Генрихъ, отирая слезы, глядятъ ей вслѣдъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ больницѣ; большой столъ съ книгами, колокольчикъ; чернильница, стулья для трехъ чиновъ больницы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Сиръ Мельвиль, Членъ общества и Швейцаръ.

Сиръ Мельвиль.

Такъ, господа, она достойна состраданья,
Ея раскаянье чистосердечно.

Докторъ.

Къ вамъ
Пришла она въ увѣренности твердой,
Что не отринете ее — вамъ честь, Мельвиль;
Вы призрѣли ее на перекоръ злословью;
Но чѣмъ же мы полезны можемъ быть?

Мельвиль.

Доставить ей съ отцомъ свиданье.

Докторъ.

Легко сказать. Отецъ ея взбѣшенъ
Неблагодарностью ея, побѣгомъ, срамомъ;
Онъ въ смутныхъ грезахъ видитъ лишь ее,
И мы ее безумному представимъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, Мельвиль! за то я не берусь.

Мельвиль.

Позвольте лишь явиться ей предъ вами,
И, я увѣренъ, васъ растрогаетъ она.

Докторъ.

Занятья насъ довольно очерствили.
Мягкосердечіе — не слабость наша. (*Звонитъ и зоветъ швейцара*). Эй!
(*Швейцаръ входитъ*).
Введите госпожу, которая въ прихожей.

Мельвиль.

Нашъ докторъ храбреца изволитъ представлять.
Увидимъ, устоитъ ли онъ отъ слезъ Агнесы.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Агнеса. (*Швейцаръ вводитъ ее и уходитъ.*)

Докторъ.

Мельвиль — она въ прежалкомъ состояньи.

Мельвиль.

Послушайте ее, что скажете тогда.

Докторъ.

Чего угодно вамъ?

Агнеса.

Молю о снисхожденьѣ.

Докторъ.

Мы чувствовать его не можемъ къ вамъ —
Поступокъ вашъ ужасенъ!

Агнеса.

Осудите
Со всею строгостью законовъ; не могу
Ни чѣмъ вамъ возражать, однимъ стыдомъ, молчаньемъ
И этими слезами.

Мельвиль.

Ну, теперь
Отриньте бѣдную.

Докторъ

То было бы жестоко.
Скажите, какъ дошли вы до того,
Что безъ пристанища блуждаете по свѣту?
Злорѣчію здѣсь нищей стали вы,
И всѣ о васъ разсказы такъ различны;
Хотѣлось бы узнать отъ васъ самихъ
Цѣпь горестей, которымъ вы подверглись.

Агнеса.

Счастливыхъ дней описывать не стану,
Которые въ дому отцовскомъ провела.
Невинная, свое блаженство полагала
Въ любви отца, въ заботахъ объ отцѣ.
Упадѣла его — и сладкій міръ на вѣки
Изъ сердца улетѣлъ. Какъ былъ прекрасенъ онъ,
Какъ обольстителенъ; воображеньемъ юнымъ
Онъ овладѣлъ мощно, а вскорѣ и душой!
И я повѣрила наружности Алфреда.
Напрасно батюшка старался разорвать
Сѣть адскую, куда увлекъ меня коварный:
Его совѣты отвергала я,
Смѣялась я его строжайшимъ приказаньямъ,
И въ сердцѣ нѣжный гласъ природы заглушa,
Увлекшись страстью пламенной, рѣшилась
Оставить все, отца и родину! — Зачѣмъ
Тогда порогъ родительскаго дома
Не всталъ грозящею громадой предо мной?
И море, унося корабль нашъ окрыленный,
Не выступило все изъ врачныхъ бездонъ своихъ,
И хищника не залило потопомъ? (*Останавливается отъ сильнаго душеваго волненія*).

Мельвиль.

Но онъ вину свою загладилъ, сочетавшись
Съ тобой узами брака?

Агнеса.

Въ Голиредъ
Мы прибыли, и тамъ, въ смиренномъ храмѣ,
Мнѣ поклялся супругомъ быть Алфредъ.
Ночь мрачная была, и море клокотало
У нашихъ древнихъ стѣнъ, а я безъ чувствъ,
одна,
Я полумертвая у алтаря стояла,
И клятву страшную тогда я произнесъ.
И мнѣ казалося, что съ клятвой той упало
Все небо съ трескомъ на главу мою, и стонъ
Родителя слился съ упылымъ посиѣ бури.

Докторъ.

Несчастная!

Агнеса.

Въ Шотландію увезъ
Меня Алфредъ, и тамъ въ уединеньѣ
Я стала матерью. Малютка, дочь моя,
Росла на радость мнѣ, и потъ въ старинномъ
замкѣ
Мы прожили пять лѣтъ безъ общества, одни.
Изъ замка моей Алфредъ нерѣдко отлучался,
Съ друзьями буйными носился по лѣсамъ:
Охота для него въ привычку обратилась;
Какъ другъ ухвалъ въ Лондонъ, цѣлый годъ
Я съ нимъ жила въ разлукѣ; слухъ носился,
Что членомъ сталъ тогда Парламента Алфредъ,
Что честолюбіе въ груди его проснулось.
На письма мнѣ онъ рѣдко отвѣчалъ;
Въ нихъ умоляла я къ родителю явиться
И вымолить прощеніе себѣ.
И наконецъ Алфредъ мою исполнилъ просьбу:
Отправиться сюда одной мнѣ приказалъ,
И жалъ его прибытія въ Ньюкестлѣ,
И тамъ.... (*Останавливается и закрываетъ лицо платкомъ*).

Докторъ.

Что сдѣлалъ онъ?

Агнеса.

Личину снялъ съ себя;
Онъ объявилъ, что женится изъ видовъ
Политики, и принуждалъ меня....

Мельвиль.

Возможно ль?
Такъ стало быть разводъ освободилъ его
Отъ данныхъ клятвъ?

Агнеса.

Разводъ отвергла я.
Избавиться меня насильственно желая,
Корабль онъ снарядилъ, хотѣлъ послать меня
Во Францію, къ своей суровой теткѣ,
Въ монастырь меня на вѣки заключить,
А дочь мою, сокрывъ ея происхожденье,
Хотѣлъ отдать въ спротскій домъ;
Но я нарушила всѣ замыслы злодѣя:
Въ Дублинъ бѣжала я, гонитель мой за мной,
И здѣсь, въ лѣсу, въ моей увѣрился онъ смерти,
И здѣсь, въ лѣсу, я встрѣтилась съ отцемъ,
А остальное вамъ извѣстно. Безъ защиты,
Съ младенцемъ-дочерью одна сюда пришла,
Слезами я съ себя омыла срамъ,
Раскаяньемъ я съ небомъ примирилась,
И потъ теперь судьбу свою вручаю вамъ.

Мельвиль.

Что скажете, любезный докторъ?

Докт оръ (*сквозь зубы*).

Что?

Ну, ничего, да, ничего и только.

Мельвиль.

Какими рѣзкими чертами, посмотрите,
Страданья отпечатись на нертвенномъ челѣ!

Докторъ.

Чего же вамъ, сударыня, угодно
Отъ насъ?

Агнеса.

Я непросить пришла себѣ
Лишь позволенія принять служанки должность
Въ Больницѣ, гдѣ страдаетъ мой отецъ.
Первѣйшимъ благомъ я считаю быть при немъ,
Ходить за нимъ и близъ одра болѣзни
Просиживать надъ нимъ, и день и ночь;
Любовью дѣтскою и нѣжною заботой,
Быть можетъ, я еще могу успѣть
Въ немъ оживить изнеможенный разумъ;
И если же напрасенъ будетъ трудъ,
Я мыслью той утѣшуся отрадной,
Что я раскаяньемъ загладила вину.
Вотъ милости, какой прошу у васъ.

Мельпиль.

Тропитесь
Судьбой ея. (*Переговоръ между членами меди цинскаго совѣта и главнымъ Докторомъ.*)

Докторъ.

Согласны вы?

Члены Совѣта.

Согласны.

Докторъ.

Агнеса Доверстонъ, приближьтесь. Въ упа-
женье
Страданій вашихъ, дозволяемъ вамъ
Служить отцу въ больницѣ. Приготовьтесь
Итти къ нему. Прислужницы нарядъ
Готовъ для васъ; вы соберитесь съ силой
Увидѣться съ несчастнымъ. (*Звонитъ.*)
Госпожу
Ведите въ камеру подъ нумеромъ двадцатымъ.

Агнеса.

О благодѣтель мой!

Докторъ.

Умѣрьте вашъ восторгъ,
Еще не знаете, какъ приметъ васъ родитель.
(*Уходитъ.*)

Агнеса (*одна*).

Готова все снести! Умру отъ рукъ его!
Одушеви меня, дай силы, Вседержатель,
Загладить стыдъ поступка моего!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Комната съ бѣлыми стѣнами, въ которыя вбиты желѣзныя кольца и цѣпи; съ лѣвой стороны небольшая постель. Окно и дверь объ желѣзною рѣшеткою. Простой столъ, двѣ скамьи, кружка съ водою. Всѣ стѣны исчерчены углемъ; видны изображенія мозга, урнъ и всѣ съ именемъ Агнесы.*)

Доверстонъ (*одинъ*).

(*Сидитъ на постелѣ, рисуетъ на стѣнѣ углемъ*),
Агнеса, дочь моя, ты не отвѣтишь мнѣ
На голосъ мой! Напрасно я взываю!
Къ тебѣ въ могилу плачъ не долетитъ.
Такъ, умерла она, безъ чувствъ, оледенѣла,
Не слышитъ ничего, не видитъ слезъ моихъ;
Несчастная! (*встаетъ*). Скажите же, гдѣ гробъ?
Такъ, это онъ! Снимите крышку съ гроба, —
И саванъ съ блѣднаго отдерните лица:
Мнѣ дайте поглядѣть. Она! Погасли очи,
Уста сомкнулися и блѣдность на щекахъ.
Агнеса, встань, открой свои объятья,
Прими къ себѣ на грудь несчастнаго отца.
Агнеса, дочь моя! Исчезла, нѣтъ могилы.
Гдѣ гробъ ея — не вижу. Дочь моя!
(*Въ безуміи ходитъ по комнатѣ, вдругъ ветеранъ является.*)
Но я найду ее, гдѣ бъ ни была Агнеса.
(*Подходитъ къ стѣнѣ и рисуетъ гробъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Агнеса, Джонъ и Доверстонъ.

Агнеса (*вбѣгаетъ прислуживницы госпиталя*).

Меня по имени онъ назвалъ.

Джонъ.

Да,

Онъ только и твердитъ что это имя. —

Агнеса.

Что?

Что дѣлаетъ теперь?

Джонъ.

Рисуетъ.

Агнеса.

Что?

Джонъ.

Могилу.

Вы видите могилы на стѣнахъ:
На каждой онъ Агнесы имя пишетъ,
Я доставляю уголья ему.
Отъ скуки онъ бесѣдуетъ съ могилой,
Съ той мертвой головой хохочетъ часто онъ,
То плачетъ, то приходитъ въ ярость.
Послушайте.

Доверстонъ (*обратясь къ голо-
вѣ*).

Но гдѣ же черепъ милый?

Онъ улыбается коварно на стѣнѣ,
Въ пустыхъ глазахъ признательность читаю,
Нѣтъ, не признательность, коварство... Че-
репъ, прочь.
(*Хохочетъ.*)
Какъ испугался онъ, какъ по гробамъ запры-
галъ!

Но чей же черепъ тотъ? Какъ измѣнился онъ
(*плачетъ*);
Онъ не ея! Гдѣ алыя ланиты?
Гдѣ очи ясныя, улыбка гдѣ ея?
Ахъ, очи ясныя теперь на вѣкъ закрыты:
Подъ камнемъ гробовымъ почіетъ дочь моя!
(*Плачетъ горько.*)

Агнеса (*разсматриваетъ его и потомъ нѣжно вздыхаетъ*).

Довирстонъ (*увидѣвъ ее, вскрикиваетъ отъ радости и бѣжитъ къ ней въ радости, потомъ вдругъ останавливается, безумно смотритъ на нее, кладетъ руку на чело, и вздыхаетъ глубоко.*)

Нѣтъ, не она, та умерла.

Агнеса.

Жива!

И горести твои она искупитъ жизнью.
Родитель мой! взглянн, здѣсь дочь твоя:
Узнай меня, по голосу, стенанью...
О, Боже, онъ меня не слышитъ, горе мнѣ!
Надежды нѣтъ, его не воззову я къ жизни!
(*Упадаетъ на скамью и плачетъ.*)

Довирстонъ (*подходитъ къ ней и береть ее за руку*).

О чемъ, бѣдняжка, плачешь?

ЯВЛЕНІЕ V.

Докторъ, Мельвиль и прочіе, въ дверяхъ за рѣшеткой.

Мельвиль.

Посмотрите,
Онъ приласкалъ ее, ее погладилъ.

Докторъ.

Браво!

Довирстонъ.

Я не хочу, чтобъ тосковала ты,
Не знаю почему, мнѣ жаль, когда ты плачешь.

Агнеса (*вставая.*)

Я весела опять, ты видишь, я не плачу.
(*Дѣлаетъ усилія быть веселой.*)

Довирстонъ (*весело*).

Развеселимся же и посмѣемся оба.
(*Перемѣнясь.*)
Нѣтъ, я смѣяться болѣ не могу.

Агнеса.

И даже въ обществѣ моемъ?

Довирстонъ.

Съ тобой мнѣ веселѣе,
И я давно такъ веселъ не бывалъ.

Мельвиль.

И вправнѣ, ее узнаетъ онъ.

Докторъ.

Не скоро.

Довирстонъ.

Мнѣ весело, тебя отрадно слушать;
Какъ нѣженъ голосъ твой; онъ арфа для души:
Мнѣ помнится, его я гдѣ-то слышалъ,
Нѣтъ, нѣтъ — не здѣсь, здѣсь мертвые одни...
Тебѣ въ глаза гляжу я, какъ небо
Въ весенній день, бывало, я глядѣлъ....
Я сходство нахожу. Агнеса, нѣтъ, моя Агнеса
Свои глаза сомкнула вѣчнымъ сномъ,
Какъ ты на грудь мою не склонится, не скажетъ
Съ улыбкой мнѣ привѣтныхъ словъ любви,
Не пропоетъ мнѣ сладкозвучной пѣсни.
Безчувственна!.... И плотоядный звѣй
Впился въ нее, ея онъ сердце точитъ.
О, если бъ змѣя могъ отбросить я!
Я взялъ бы дочь въ горячія объятія,
У сердца своего я бъ отогрѣлъ ее, —
Ее молилъ бы я: дитя мое, проспися,
Взглянн хоть разъ на бѣднаго отца!
Я здѣсь одинъ, забытъ, оставленъ пѣсни.
Взглянн, какъ страшенъ я, какъ бородой обросъ...
И дочь бы сбросила съ себя оковы смерти —
Но я не знаю гдѣ сокрыть дочерніи прахъ.
Мнѣ говорятъ: она жива — не правда,
Когда бъ жива была, я не страдалъ бы такъ,
До горести меня не довела бъ Агнеса!

Агнеса (*удерживая слезы и стенанья*).

Я здѣсь приставлена лелѣять, нѣжить васъ.
(*Бѣжитъ исправлять его кровать.*)

Довирстонъ.

Что дѣлаешь?

Агнеса.

Постель вамъ поправлю.

Довирстонъ (*бѣжитъ къ ней, хватаетъ ее за руку и остана вливаетъ*).

Мельвиль.

О, Боже! онъ убѣетъ ее, смотрите.

Агнеса (*въ страхѣ*)

Вамъ не угодно, чтобъ служила я?
(*Довирстонъ оставляетъ ее, вздыхаетъ, медленно садится на постель, вперя взоры въ Агнесу.*)

Агнеса (*тихо.*)

Онъ взоръ въ меня вперилъ, и смутныя понятья,
Родятся въ головѣ. О, Боже! освѣти
Лучемъ своимъ его разсудокъ поврежденный!

Доверстонъ (*говоритъ про себя слѣдующіе стихи, припоминая*).

Ахъ, мои померкли очи!
Скоро весь угасну я,
И во мракъ могильной ночи
Жизнь закатится моя!

(Агнеса *удивляется, услышавъ стихи, слушаетъ внимательно, и замѣтя, что онъ не можетъ припомнить продолженія, читаетъ стихи сначала и продолжаетъ, поправляя постель*).

Ахъ, мои померкли очи!
Скоро весь угасну я,
И во мглу могильной ночи
Жизнь закатится моя!

Не оплакалъ я не буду,
Гробъ травой не зарастетъ,
И печальныхъ камней груду
Бурный вихрь не размететъ.

Дочь заботливой рукою,
Сохранитъ отца пріютъ;
И по смерти, надо мною
Розы жизни расцвѣтутъ!

Доверстонъ (*при послѣднихъ стихахъ показываетъ знакъ неудовольствія, и встаетъ безпокойно ходитъ*).

Да, да, Агнеса, прахъ мой сберегла бы,
Оплакала бъ его — бѣдняжка, нѣтъ ее!
Похищена неумолимой смертью!

(*Въ безуміи ходитъ по сценѣ безъ цѣли.*)

Агнеса.

Я не стерплю жестокаго томленья.

(*Упадаетъ на ложе.*)

Колѣни гнутся подо мной, нѣтъ силъ!

Мельвиль.

Она безъ чувствъ упала у постели!

Докторъ.

Поможемъ ей (*обѣ отходятъ отъ рышетки*).

Доверстонъ (*пристально глядя на нее*).

О, какъ она блѣдна,
Обезображена....

Агнеса (*приходя въ себя*).

Неслыханнымъ злодѣйствомъ.

Доверстонъ.

Чей голосъ слышу я?

Агнеса.

Агнесы!

Доверстонъ.

Дочь, Агнеса!

(*Восклицаетъ, хочетъ обнять ее, падаетъ на ложе.*)

ЯВЛЕНІЕ VI

Тѣ же, Докторъ, Мельвиль.

Агнеса (*бѣжитъ къ нимъ и встрѣчу*).

Меня узналъ, меня по пѣсни онъ назвалъ;
Я пѣсенку его любимую прочла;
Припомнилъ и черты мои, и голосъ!
Благодарю тебя, о милосердый Боже!

Мельвиль.

Когда онъ васъ узналъ, быть можетъ, онъ узнаетъ
И друга своего. Здорово, Доверстонъ,
Ты вспомнишь ли Мельвиля?

Доверстонъ (*хватаетъ его за грудь въ нетерпѣніи задушить*).

Кто ты?

Кто ты, злодѣй!

Мельвиль.

Умилосердись!

Доверстонъ.

Гдѣ?

Гдѣ ты зарылъ Агнесу, дочь мою?

Мельвиль.

Что сказать мнѣ?

Докторъ.

Любезный Доверстонъ!

Агнеса.

Отецъ мой!

Доверстонъ (*услышавъ слово отецъ, трепещетъ и выпускаетъ изъ рукъ Мельвиля*).

Я отецъ!

Отецъ я дочери неблагодарной!
Я задушу тебя въ объятіяхъ моихъ.
Я дочери отецъ! (*Хохочетъ.*) Зиѣй коварный,
Проклятье на тебѣ и на сынахъ твоихъ.

(*Падаетъ безъ чувствъ на руки Доктору и Мельвилю; Агнеса у ногъ его въ отчаяньи.*)

Докторъ.

Къ спасенію еще осталось средство,
И завтра же его мы испытать должны.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Садъ, въ глубинѣ котораго прекрасный домъ съ стеклянною дверью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Мельвиль и Агнеса.

Докторъ

Здѣсь все ли такъ, какъ прежде?

Агнеса.

Все.
Лишь съ небольшею перемѣной.

Докторъ.

Браво!
На этомъ я весь планъ леченья основалъ.
Свободно ль можемъ мы распоряжаться въ домѣ?

Мельвиль.

Жилецъ его намъ уступилъ, узнавъ
Съ какою цѣлью мы его занять пришли.

Агнеса.

Такъ вы надѣетесь?

Докторъ.

Надѣюсь, но не смѣю
Васъ увѣрять; — теперь одни вы врачъ его.

Агнеса.

Вы поскрепаете меня, и я готова
Орудьемъ вашимъ быть.

Докторъ.

Послушайте меня:
Отецъ нашъ одержимъ душевною болѣзнью.
Поступокъ вашъ его глубоко поразилъ.
Мысль о безчестіи въ его запала душу,
Но онъ себя старался утѣшать
Надеждою, что вы безвременно скончались;
Вотъ отчего онъ врачевъ, молчалинъ,
Вотъ отчего приходитъ въ изступленье.
Я это наблюдалъ въ свиданье ваше съ нимъ;
Въ душѣ своей еще онъ васъ припомнилъ.
Введемъ его въ домашній прежній бытъ:
Отецъ и дочь пусть посѣлятся оба
Подъ кровомъ тишины и счастья прежнихъ
лѣтъ.
Вы соблюдайте всѣ родителя привычки,
Старайтесь окружить его людьми
Знакомыми и старыми слугами.
Вамъ Томаса теперь я уступлю;
Онъ нѣкогда у васъ былъ въ услуженьѣ:
Пусть ходитъ за больнымъ, а Фанни пусть
хозяйствомъ
Завѣдуетъ; она служила у него
При матери своей. Все, кажется, удачно.
Я не могу еще успѣха обѣщать,
Содѣйствовать могу къ сему лишь облегченью.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Томасъ.

Агнеса.

Ну, вѣрный Томасъ мой, удался ль опытъ нашъ?

Томасъ.

Едва лишь выпилъ онъ спотворное вино,
Какъ тотчасъ и заснулъ, а вы его не видѣли
Сюда перенесли, въ его покой, — вонъ тамъ.
Спокойно спитъ въ своихъ широкихъ крес-
слахъ,
По старому одѣтый....

Докторъ.

Вы теперь
Одѣньтесь такъ, какъ хаживали дома.

Агнеса.

О благодѣтели! Да наградитъ васъ Богъ!
При вашей помощи, быть можетъ, мы
Спасемъ его отъ страшнаго недуга,
И вечеръ дней страдальца усладимъ.
(Уходитъ.)

Докторъ.

А вы, Мельвиль, на знакъ условленный пойдите.
Не бойтесь ничего, я не оставлю васъ.
(Уходитъ.)

Мельвиль.

Игру опасную затѣялъ докторъ нашъ:
Безумцу волю далъ; что, если въ изступленьѣ
Меня опять сожжетъ въ объятіяхъ своихъ,
Оборони насъ Богъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III,

Мисъ Элиза *(бѣжитъ къ нему съ лѣвой стороны.)*

Насилу васъ нашла.

Мельвиль

Что надобно, Элиза?

Элиза

Я новость вамъ несу — пріятнѣйшую новость.

Мельвиль.

Какую?

Элиза.

О восторгъ, счастливая Агнеса!

Мельвиль.

Но что такое?

Элиза.

Вотъ онъ самъ идетъ сюда.
(*Смотритъ въ ту сторону, откуда вышла.*)

Мельвиль.

Но кто?

Элиза.

Узнаете отъ самого его,
А я бѣгу обрадовать Агнесу (*убѣгаетъ*).

Мельвиль.

Элиза! Господи, въ умѣ ль она, прекрасно?
Вотъ утѣшительно: сказала новость мнѣ!
Безумье здѣсь прилипчиво, какъ видно.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мельвиль и Станлей.

Станлей.

Гдѣ, гдѣ она, молю васъ, нескрывайте
Отъ недостойнаго; готовъ загладить все.

Мельвиль.

Ну, вотъ еще одинъ изъ дома сумасшедшихъ;
Прошу покорно, что угодно вамъ?

Станлей.

Здѣсь нѣтъ ея, когда меня не хочетъ видѣть,
Когда лишь не проститъ, умру у ногъ ея.

Мельвиль.

Часъ отъ часу нелегче; но кого же
Вы ищете, сударь?

Станлей.

Агнесу Доверстонъ.

Мельвиль.

Но кто вы таковы?

Станлей.

Безчестный, недостойный!

Мельвиль.

Хорошій же себѣ вы дали аттестатъ.
По немъ узналъ кто вы, любезный Лордъ, поздненько;
Пришли загладить вы поступокъ гнусный свой,
Которымъ вы сгубили Доверстона.

Станлей.

Раскаянье не поздно никогда.
Я все узналъ, постигъ мое злодѣйство,
И каящійся здѣсь, у ногъ ея
Заглажу всю вину. — Надеждою ласкаюсь,
Которую въ меня внушила ваша дочь,
Что мнѣ проститъ вину мою Агнеса.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Элиза.

Элиза.

Я разсказала ей о васъ, Милордъ; сначала
Съ негодованіемъ она отозвалась о васъ;
Я убѣдительно ее просила, и надѣюсь,
Что милая Агнеса вамъ проститъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Докторъ (*въ страхѣ выбѣгатъ изъ дома,*)

Докторъ.

Сокроемся, друзья, за деревомъ; проснулся, —
Проснулся Доверстонъ.

Мельвиль.

Ну, каково идетъ?

Докторъ.

Еще онъ ничего сообразить не можетъ:
Смущенъ, растерянъ весь; но есть еще надежда.

Элиза (*Станлею.*)

О счастіе!

Мельвиль (*Станлею*).

Извольте-ка, Милордъ,
Полюбоваться вашимъ славнымъ дѣломъ:
Вотъ до чего вы старца довели!
(*Всѣ скрываются за деревьями.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Доверстонъ *одѣтый благопристойно въ платье темнаго цвѣта, въ кругломъ парикѣ, выходитъ изъ дома, Фанни слѣдуетъ за нимъ въ въ нѣкоторомъ разстояніи.*)

Доверстонъ.

Какъ мнѣ легко дышать, не чувствую стѣсненья
Въ груди моей. Чья нѣжная рука
Уврачевать могла растерзанное сердце?
Мнѣ помнится — она была при мнѣ. —
Въ сіяніи таинственномъ, я помню,
Ея слетѣла тѣнь эѳирная ко мнѣ,
И съ ней носились мы въ лазури поднебесной;
Превыше тучъ земныхъ парили мы,
И мѣсяцъ золотой катился по лазури,
И звѣзды вѣчныя... Я видѣлъ сладкій сонъ;
Мнѣ помнится, мы съ ней могилу отыскали
И образъ мраморный Агнесы. Какъ теперь
Я вижу дочь, въ вѣнкѣ и въ бѣломъ покрывалѣ;
Надъ урною она склонилася главой,
И какъ же плакалъ я надъ прахомъ! Мнѣ казалось,
Что самый мраморъ плачъ услышалъ мой:
Въ немъ состраданіе нѣмое просіяло,
Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка
Откинулось отъ лика покрывало;

ука,
е, я помню,
теплоту.
ескія объятья,
е — мечту!
ано стало.
ръ (*тихо*).
льзуемся мы.
тонъ (*дико озираясь*).

ни.
бя (*удерживая Доверстона*).
ь и ясенъ. Сиръ Вильямъ,
ія надъ нами,
верди голубой.
тонъ.
снѣ я видѣлъ,
щъ золотой.

ни.

тонъ (*радостно*).
дбищѣ;
къ здѣсь я отыщу

ни.
ы взяли это?
тонъ (*разсматриваетъ статую, что-то шепчетъ и разсуждаетъ*).
ни (*Доктору*).
ротокъ и послушенъ.
оръ (*погружается въ уныніе; садится на скамью*).

VIII.

омасъ (*съ трубкою*).
съ.
убка, баринъ.
одаетъ.)
тонъ.
Томаса, всматриваетъ, не знаетъ что съ нею дываетъ ко рту, начи- дико смѣется.)
ни.
, на ту скамью,

ни.
одъ липой.

Доверстонъ (*улыбаясь*).
Подъ липой?

Фанни.
Отдохнуть пріятно тамъ.

Томасъ
Пожалуйте,
(*Оба они ведутъ его и сажаютъ на зеленую скамью подъ деревомъ.*)

Мельвиль.
Онъ какъ дитя послушенъ.

Докторъ.
Еще въ смятеніи, безъ памяти.

Элиза.
Ну, точно
Лунатикъ.

Доверстонъ (*бросаетъ трубку, встаетъ и начинаетъ ходить.*)

Фанни.
Сиръ, чего угодно вамъ?

Доверстонъ.
(*Закрывъ лице руками, останавливается*).

Докторъ.
Онъ грустенъ, теперь его разсѣять должно.
Мельвиль, явитесь вы.

Мельвиль.
Ну, если онъ?...

Докторъ.
Не бойтесь.
(*Дѣлаетъ знакъ Томасу, тотъ уходитъ.*)

Фанни.
Что вы задумались?

Довеерстонъ.
Уйдемъ отсюда.

Фанни.
Какъ вамъ угодно, Сиръ; но вотъ идетъ вашъ Томасъ.

Томасъ (*возвращается*).
Прикажете ли, Сиръ, принять гостей,
(*Доверстонъ не разумѣетъ его, пристально смотритъ на него.*)
Мельвиля съ дочерью и Доктора?

Доверстонъ.
Дочь, дочь!
(*Трепещетъ при этомъ словѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Мельвиль, Элиза, Докторъ.

Мельвиль.
Здорово, Сиръ Вильямъ; мы проѣзжали мимо,
И завернули посѣтить тебя.
(*Элиза цѣлуетъ Доверстона; Доверстонъ, при видѣ ея, улыбается отъ удовольствія, прижимаетъ ее къ груди, смотритъ на нее нѣжно, вздыхаетъ и отталкиваетъ отъ себя.*)

Докторъ (*поздоровавшись съ Доверстономъ*).

У васъ прекрасный садъ, Сиръ Доверстонъ;
Прохладно здѣсь; у васъ довольно тѣни.

Мельвиль.

Здѣсь и въ тѣни меня бросаетъ въ жаръ.
Вынимаетъ табакерку, и со страхомъ подчуетъ Доверстона.)
Вамъ не угодно ли? (*Смѣется*) Добрый знакъ!
(*Доверстонъ улыбается, беретъ; вдругъ измѣняется и принимаетъ серіозный видъ.*)

Мельвиль.

Онъ гнѣвенъ.

Докторъ.

Да, у васъ самихъ табакъ отмѣнный,
Поподчуйте своимъ васъ табакомъ.
Доверстонъ ищетъ въ карманѣ, находитъ табакерку, открываетъ, удивляется тому, смѣется и предлагаетъ Доктору.)

Докторъ (*въ сторону*).

Прекрасно!

Мельвиль.

Слышалъ ли, мой другъ,
Въ Парламентѣ не принятъ биль, который
Съ тобой вчера читали мы.

Доверстонъ (*глядя на Элизу*).

Похожа,
Но не она.

Мельвиль.

Что скажете на то?
Порадуйтесь.

Доверстонъ.

Посмотрите,
Такъ взоръ ея горѣлъ, такая же улыбка
Играла на устахъ ея, и гдѣ жъ она?
(*Элизѣ.*)
Въ могилѣ! Ты не вѣрь, когда злодѣи скажутъ,
Что дочь моя жива—нѣтъ, нѣтъ ее въ живыхъ!
Она въ могилѣ спитъ, подъ мраморомъ тяжелымъ;
Сама она, блистая бѣлизной,
Въ вѣнкѣ изъ розъ и длинномъ покрывалѣ
Надъ урною склоняется главой;
Но гдѣ тотъ памятникъ, не помню! О, когда бы
Нашелъ его, какъ былъ бы счастливъ я!
(*Онъ погружается въ уныніе.*)
(*Въ эту минуту раздается за сценою трогательная музыка; тихо переливаются звуки арфы. Доверстонъ внимательно слушаетъ; наконецъ раздается пѣніе любезной его аріи. Доверстонъ содрогается, въ оцѣпенѣніи устремляетъ взоры въ ту сторону, откуда раздаются звуки. Онъ сильно потрясенъ, трепещетъ, повторяетъ несвязно болѣе замѣчательное мѣсто пѣсни, слышется, блѣднѣетъ, то вдругъ растрогается, то весь вдругъ оцѣпенѣетъ, и переходитъ постепенно отъ одной страсти къ другой; пѣніе замираетъ.*)

Доверстонъ.

(*Онъ озирается, занавѣсъ въ павильонѣ отдернутъ; видны памятникъ Агнесы. Она сама стоитъ въ бѣломъ платьѣ, въ покрывалѣ и въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, преклонившись на урну.*)
Что вижу я! Вотъ памятникъ Агнесы!
Она сама изъ мрамора! Дочь, дочь!
(*Бросается къ памятнику и опирается на урну.*)
Восторгъ не изъяснимъ! О, что со мной: я плачу!
Впервые слезы брызнули изъ глазъ.
И камень спалъ съ изнученнаго сердца!
О, какъ же долго я искалъ твой милый прахъ!
И вотъ нашелъ тебя, дитя мое, проснися,
Взгляни хоть разъ на бѣднаго отца!
Я одинокъ, забытъ, оставленъ всѣми;
Я безъ тебя на вѣкъ осиротѣлъ;
Клонюся къ смерти я, и слабѣютъ силы;
Кто безъ тебя закроетъ мнѣ глаза?
Мнѣ стонъ послышался, ужели изъ могилы?
(*Удаляется на нѣсколько шаговъ отъ памятника.*)
Поколебался мраморъ: то не сонъ!
Въ немъ состраданіе нѣмое просіяло;
Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка
Откинулось отъ лика покрывало;
Вотъ отдѣлилась бѣлая рука!....
(*Приближается и беретъ руку дочери.*)
Она въ моей рукѣ, она тепла, трепещетъ,
О, Боже праведный! ужели это сонъ!
Я оживаю весь отъ нѣжнаго пожатья,
Я простираю къ ней отповскія объятья,
Я обнимаю.... (*бросается въ объятія.*)
Дочь!

Агнеса.

Родитель!

Докторъ.

Онъ спасенъ!
(*Доверстонъ падаетъ безъ чувствъ въ объятія дочери. Станлей, Клара и весь окружаютъ его и составляютъ картину.*)

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Князя А. А. Шаховскаго.)

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго Морей, и въ соединеніи съ Нормандскими воинами составившіе одно обширное Государство (*), пріобрѣли, при помощи оружія, отъ сопредѣльныхъ съ ними Грековъ, вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, первыя начала народнаго образованія. Торжество Православной Церкви, родственныя связи Русскихъ Князей съ Византійскими Императорами и взаимныя выгоды торговли, сблизили, еще въ то время, Святую Русь съ источникомъ древняго и новаго Европейскаго просвѣщенія, и наши любознательные предки, утоляя въ немъ жажду вѣдѣнія всего нужнаго, полезнаго и изящнаго, гораздо прежде причастны были просвѣщенію, нежели западные Христіане (а). Но бѣдственная система удѣловъ, заимствованная не отъ Востока, разслабила Русское Государство. Раздробленіе Россіи на удѣлы допустило вторженіе Татаръ, и продолжило ихъ владычество, уничтожавшее въ раздѣленной и порабощенной Россіи благодѣтельнія Византійскаго ученія, оставленнаго въ небреженіи пашими Князьями, несчастными данниками, и даже царедворцами Могольскихъ Царей. Русская земля потемнѣла, но Русская Церковь, какъ лампада, засвѣченная Богомъ и Богу, не преставала и въ земномъ мракѣ теплиться небеснымъ огнемъ. Просвѣщеніе, изгнанное Турками изъ павшей Греціи въ Латинскую Европу, хотя и миновало отатаренную Русь, но прежъ

(*) При В. К. Святославѣ, племена, обитающія въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ, племя Чудское и жители Финскаго поморья, Тмутаракань, и берега Азовскаго Моря, были въ подданствѣ Руси, и Святославъ говорилъ, въ построенномъ имъ на Дунаѣ Переяславлѣ: *«Ту среда земли моей,»* подразумѣвая Булгарію, а можетъ быть и самый Царьградъ, какъ бы уже покоренными его оружіемъ. и эта самонадѣянность завоевателя повторилась въ наше время. Наполеонъ, громя нѣмецкую землю, называлъ Россію сопредѣльницею его Имперіи. Но надъ нами ознаменовалась истина святаго изреченія: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ. Владиміръ Великій и Александръ I оставили наслѣдіе свое въ Европѣ почти въ одинаковой обширности, если сравнить древнюю Русь отъ Русскаго Галича и Чермной Россіи, съ нынѣшнею Россіею, съ Крымомъ и Финляндіей.

ніе дары Греціи, скрывались подъ спудомъ въ книгохранилищахъ нашихъ первосвятителей и въ тишинѣ монастырскихъ келій (*).

Въ самое темное время нашего отечества, когда, подъ гнетомъ Татарской дикости, досужіе умы нашихъ предковъ были единственно озабочены сверженіемъ чужеземнаго ига, наши Архипастыри навѣщали еще Христіанскій Константинополь, чтобъ благословляться на Русскую Митрополію, и сношеніе ихъ съ просвѣщеннымъ Греческимъ Духовенствомъ не прерывалось Татарскою властью. Святители наши, особенно Св. Алексій, убѣжденіемъ высокаго краснорѣчія и силою Боговдохновеннаго слова(**), умягчали буйство и алчность Ордынскихъ самовластителей. Наша Православная Церковь, Святая проповѣдница міра, терпѣнія и любви, не громила проклятіемъ мірскія знанія и наслажденія искусствами, дарованными Всесоздателемъ человѣку. Наши Богомудрые Святители, съ отцовскимъ радушіемъ, снисходили къ изящнымъ отрадамъ общественной жизни ихъ духовныхъ дѣтей, и, по примѣру великихъ учителей Восточной Церкви (***), любили древнюю поэзію и умѣли отличать суемудріе софистовъ отъ любомудрія язычника Платона, такъ же, какъ и мракъ многобожія отъ свѣтлаго творчества Омира, Эсхила и Софокла; а потому первые опыты благообразныхъ драматическихъ зрѣлищъ проявились у насъ въ духовныхъ училищахъ. Въ нихъ, попечительные наставники хотѣли замѣнить чувственныя потѣхи пылкаго юношества сердечными и умственными наслажденіями, и можно смѣло сказать, что въ самое то время, когда Галликанская Церковь тщетно проклинала сдѣлавшійся народною необходимостью театръ и всѣхъ его соучастниковъ (б), напротивъ того, на Святой Руси, Аѳинская сцена, очищенная ѵссопомъ благочестія, сдѣлалась первымъ поприщемъ драматической поэзіи. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, равный просвѣщеніемъ и любомудріемъ Св. Алексію, Первосвятителю всей Россіи, сочинилъ нѣсколько трагедій, коихъ содержаніе извлечено изъ священныхъ книгъ, и одну совершенно піитическую: *Кающійся Грѣшникъ*. Она, по волѣ Императрицы Елисаветы, была представлена на Придворномъ Театрѣ со всѣмъ сценическимъ великолѣпіемъ, и потому уже можно назвать эту драматическую аллегорію, сообразную съ Эсхиловыми твореніями, нашею первою трагедіею.

Самое названіе: *Кающійся Грѣшникъ* уже показываетъ содержаніе и цѣль сей нравственной драмы, а дѣйствіе и сценическое устройство убѣждаютъ въ томъ, что творецъ ея зналъ и совершенно постигъ первѣйшаго изъ Греческихъ трагиковъ (*). Три дѣйствующія лица, съ

(*) Доказательствомъ тому служитъ библіотека Митрополита Алексія (изъ рода бояръ Плещеевыхъ). Въ ней хранится богатѣйшее собраніе рукописей Омировыхъ и другихъ Эллинскихъ твореній, и безпрестанно открываемыя въ нашихъ монастыряхъ сокровища давняго просвѣщенія.

(**) Татарскіе цари и ханы, убѣжденные мудростію и добродѣтелями нашего высшаго духовенства, освободили отъ податей и налоговъ монастырскія и церковныя имущества, и строго повелѣвали своимъ баскакамъ оказывать уваженіе къ священнослужителямъ нашей всегдашней благотворительницы, Православной Церкви. Она не щадила сохраненныхъ ею имуществъ и крови своихъ священнослужителей на спасеніе Русскаго Христіанства и на возстановленіе его силы, величія и просвѣщенія.

(***) Василій Великій и Григорій Богословъ оба были риторами Аѳинской Школы, еще наполненной язычниками, а послѣдній знаменитымъ поэтомъ своего времени.

(*) Эсхила, отца древняго Аѳинскаго Театра, перваго сочинителя трилогіи или трагедіи, раздѣленной на три части, изъ которыхъ каждая представляла особое дѣйствіе или содержаніе, и всѣ три части вмѣстѣ составляли полную трагедію, объемлющую большое пространство времени и мѣста. *Кающійся Грѣшникъ*, сообразный формою и дѣйствіемъ съ Эсхиловымъ творчествомъ, кажется подражаніемъ не полной трилогіи, а одной ея частію, изъ которыхъ каждая, въ печатныхъ изданіяхъ Эсхиловыхъ твореній, называется особою трагедіею, хотя, соединенно съ другими двумя, составляла въ древности полное зрѣлище.

хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы, занимаютъ сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ, завѣшенной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется, во все время дѣйствія, между Ангеломъ-Хранителемъ и врагомъ рода человѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоры небесныхъ силъ и демоновъ; съ одной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое геенскимъ огнемъ, воспаляется до неистовой ярости; съ другой — богодохновеніе, умѣляемое воплощеннымъ словомъ, предается упованію на всеотчее милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Адъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе Ангельскаго лика, напоминающее прощеніе разбойника, укрощаетъ обуреванія плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ, молитвой покаянія, безсмертный духъ къ источнику благости. По мѣрѣ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ, и наконецъ бѣлая одежда вполнѣ проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснію. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ, и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаяномъ завываніи подземныхъ духовъ.

Вотъ изложеніе *Кающагося Грѣшника*, писанное съ словъ И. Аѳ. Дмитревскаго, участвовавшаго въ его представленіи на Придворномъ Театрѣ. Я, согласно съ его же мнѣніемъ, нахожу, что сія первая наша драматическая поэма, не взятая изъ священныхъ книгъ, а сотворенная вдохновеннымъ даромъ поэта, предобразовала Русскую трагедію, и что она гораздо ближе къ нашему народному духу, нежели та, которая цѣликомъ перенеслась къ намъ съ Парижской сцены, и уже послѣ вѣка Лудовика XIV.

Устройство и великолѣпіе зрѣлища, раздѣленіе и содѣйствіе хоровъ, соучастіе музыки и механики, а еще болѣе піитическое изобрѣтеніе и нравственное содержаніе *Кающагося Грѣшника* ясно доказываютъ, что благочестивый творецъ этой піесы не только хорошо зналъ Греческихъ классиковъ, но глубоко вникъ въ сущность дѣйствія и цѣль древней трагедіи, и заставляютъ думать, что онъ желалъ превратить ее, духомъ Христіанства, въ наше народное зрѣлище, или хотя назидательное занятіе праздныхъ времени семинарскихъ питомцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ свойствомъ и дѣйствіемъ древней трагедіи признается священный ужасъ и умиленіе, а грѣшникъ, обуреваемый адомъ и охраняемый небесною благостью, не долженъ ли производить въ душахъ зрителей-христіанъ такого же умиленія и ужаса, какіе возбуждались въ сердцахъ язычниковъ, при видѣ Ореста, поищеннаго въ Эсхиловыхъ Эвменидахъ, между вѣчною гибелью и спасеніемъ! Оба первые Аѳинскіе трагика стремились возвысить душу зрителей явнымъ сближеніемъ неба и земли, составляющимъ нравственную цѣль древней трагедіи, особливо Софокловой. Сей истинно вдохновенный поэтъ представилъ смерть страдальца Эдипа, не конечною гибелью человѣка, не предметомъ страха и муки, но небесною наградою за жизненныя страданія, и переселеніемъ изъ юдоли горестей въ безпечальный міръ. Но западные драматурги и, къ несчастію, увлеченный ими нашъ знаменитѣйшій трагикъ, отчуждились отъ сей божественной мысли, и *Кающійся Грѣшникъ*, кажется мнѣ, гораздо ближе къ древнимъ зрѣлищамъ, нежели всѣ любовныя приключенія новыхъ классиковъ, хотя всѣ они, перефранцуживая древнія происшествія, нравы, лица, и упитчожая велелѣпіе древней сцены, считали себя возродителями Греческаго Театра. Чрез-

вычайный успѣхъ *Эдипа въ Аѳинахъ*, произведенный именно тѣмъ, что нашъ (по сіе время лучшій) трагикъ заимствовалъ у Софокла, доказываетъ сочувствіе наше съ зрителями Греческаго Театра. Озеровъ, воспитанный (какъ всѣ его ровесники) въ благоговѣніи предъ Французской Драматургіей, запуганный, съ ребячества, правилами, всклепленными на Аристотеля, разжалобленный любовными нѣжностями театральныхъ принцессъ, и пріученный къ пухлой высокопарности находульныхъ героевъ, но возбужденный силою вдохновеннаго дара и Русскаго духа, стряхнулъ съ себя привычное нашимъ трагикамъ раболѣпіе къ Парижской сценѣ, и показалъ близкій образецъ тому, чѣмъ бы могла быть наша трагедія, тотчасъ послѣ *Кающагося Грѣшника*, если бъ въ слѣдъ за симъ духовнымъ творцемъ явился даровитый міряninъ, исполненный піитическимъ духомъ Древнихъ Грековъ, напитанный божественнымъ ученіемъ нашей церкви и пламенно влюбленный въ свое отечество, въ свой языкъ и въ животворное искусство, обладающее народнымъ взоромъ, слухомъ, умомъ и сердцемъ. Такой внезапный поэтъ, еще за долго до Ломоносова, могъ бы угадать и образовать Русское стихотворство и Русскую рѣчь, и, какъ Эсхилъ, прямо создать, по духу и толку Русскому, народный театръ, который, не смотря на дарованія нѣсколькихъ нашихъ сочинителей и красоты ихъ сочиненій, еще младенчествуетъ, и едва ли еще можно сказать о немъ, что Шлегель сказалъ о Нѣмецкомъ Театрѣ: «*будетъ завтра.*» Нѣмцы, образумясь отъ Французскаго умонаитія, углубились въ Германскую старину, принялись трудолюбиво за свое дѣло, а мы все еще бросаемся отъ одного чужаго къ другому чужому же, и оттого у насъ Русская Драматургія идетъ сбивчиво и не скоро, въ чемъ насъ справедливо могутъ упрекнуть иностранцы, ужасающіеся безмѣрными успѣхами Россіи въ разнородныхъ искусствахъ и знаніяхъ, составляющихъ общность просвѣщенныхъ государствъ. Но давно уже извѣстно, что гораздо легче создать совершенно *новое*, чѣмъ передѣлать *старое*, взгроможденное кое-какъ, на основѣ, не углубленной до самаго материка. Вотъ отчего, многіе и довольно дѣльные труды наши и стремленія къ прочному созданію собственно Русскаго Театра, не были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ! Чтобъ объяснить причины замедленія и показать способъ къ достиженію вожделѣннаго своетворчества нашихъ драматическихъ зрѣлищъ, мнѣ кажется не безполезнымъ, прежде повременнаго обзора ихъ, взглянуть на общій ходъ нашего просвѣщенія.

Россія, какъ я уже сказалъ, родилась, окрестилась, возмужала, образовалась и просвѣтилась подъ вліяніемъ Восточной Имперіи. Она, существуя отдѣльно отъ Западной Европы, до низверженія Татарскаго ига, и понынѣ еще въ народномъ быту и свойствахъ характера сохранила сіе отличіе, которое никакъ не поддается противнымъ ей нововведеніямъ, безъ искуснаго приноровленія ихъ пользы къ Русскому быту (*). Это постигъ совершенно безсмертный Преобразователь нашего отечества, которое, уже оживотво-

(*) Это давнишнее и неистребимое *свое*, болѣе или менѣе сохраняемое въ каждомъ Русскомъ, и едва замѣтное въ высшемъ обществѣ, причиною ложныхъ толковъ и превратныхъ понятій о Россіи западныхъ Европейцевъ, которые судятъ ее, по общимъ всѣмъ имъ, и совершенно чуждымъ для насъ понятіямъ. Образованіе Латинской Европы, составившейся изъ смѣси Римскихъ учрежденій и вторгшихся со всѣхъ сторонъ варварскихъ обычаевъ, заставляетъ ихъ искать того же въ Россіи и перетолковывать собственное *наше*, по своему. Они видятъ въ нашихъ княжескихъ удѣлахъ свое феодальство, въ нашемъ нынѣшнемъ дворянствѣ, крестовое рыцарство, въ нашемъ народѣ, Татарское отродье, а вообще въ нашемъ государствѣ, не Восточную Имперію, а Восточное Азіятство, и во всемъ этомъ обманываются! Даже нѣкоторые изъ ихъ Русскихъ воспитанниковъ, глядя на свое отечество въ очки иностранныхъ учителей, а на чужія земли глазами, привыкшими къ Русскому быту, не понимаютъ ни того, ни другаго, и часто кажутся Русскими, внѣ Россіи, и иностранцами въ Россіи!

репное мудрыми царствованіями первыхъ Романовыхъ, почувствовало давнишнюю жажду любознанія и умственныхъ наслажденій драматическимъ творчествомъ. Любознаніе изъ монастырской кельи пробиснуло зарницей надъ Русскою землею; но тогда ея небосклонъ еще не было очистился отъ тумана чернаго времени, а всходъ Византійскихъ наукъ и искусствъ давно уже былъ втоптанъ въ кровавую грязь Ордынскими конями. Въ безпрерывной и тяжкой борьбѣ съ иноплеменными и единодушными супостатами, святой родинѣ нашей было не до театра, не до словесности и даже не до языка своего, искажаемаго наносными невѣжествомъ, и безобразнаго Татарскими и неизвѣстно откуда взятыми словами (*), замѣнившими благозвучіе словъ Славянскихъ. Праотцы наши только помышляли о свержевіи съ своего отечества чужеземнаго ига; имъ не досужно и не свободно было пользоваться наслѣдіемъ единовѣрныхъ свойственниковъ и пѣступовъ своихъ, Грековъ, порабощенныхъ Турками, истребителями всѣхъ знаній. Когда же Россія возникла въ прежней своей силѣ, упроченной единодержавіемъ, и убѣдилась претерпѣнными ею бѣдствіями, въ истинѣ нашей старинной поговорки: «*Ученье свѣтъ, а неученье тьма,*» тогда уже изъ бывшей Восточной Имперіи просвѣщеніе переселилось, мимо отатаренной земли нашей въ Латинскую Европу, и приноровилось къ ея общему, въ то время, написму, къ тогдашнимъ правительствамъ, понятіямъ, обычаямъ и языку. И потому то Цари нашего возрожденнаго Государства, должны были обратиться къ обладателямъ миновавшаго насъ наслѣдства, чтобъ воспользоваться его необходимымъ для насъ богатствомъ. Но уже народъ нашъ не съ прежней охотой предавался мірскому ученію: оно показалось ему вліяніемъ ереси, враждебной Православной Церкви. Русскіе люди съ ужасомъ смотрѣли на своихъ единовѣрцевъ въ Святомъ Кіевѣ и прилежащей къ нему Западной Россіи, терпящихъ угнетеніе, грабежъ и мучительство отъ изувѣрства папистовъ, и ослѣпленныхъ или силою удрученныхъ ими Уніатовъ, и вспоминаніе недавнихъ еще неистовствъ иноземныхъ, сподвижниковъ самозванства, оправдывали тогдашнюю недовѣрчивость и упорство въ перенятіи западной образованности, хотя сама святолюбивая церковь наша, всегдашняя поборница и мірскаго просвѣщенія, благословляла и способствовала мудрымъ Царямъ нашимъ, къ нововведенію полезнаго государственному дѣлу ученія. Пастыри Русскихъ душъ(*), показывая собою примѣръ повиновенія Помазаннику Божію, соревновали величайшему государственному дѣлу, предпринятому Іоанномъ Грознымъ, начатому съ успѣхомъ Борисомъ Годуновымъ, и приводимому въ исполненіе Царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ. Стараніемъ Симеона Полоцкаго и знаменитыхъ Кефалонійскихъ Іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія, учредилась Заиконоспасская Академія; а помощію принимаемыхъ въ Русскую службу иностранныхъ военноискусниковъ, Брюса, Гордона, Лефорта и другихъ, устроились регулярные полки, издано Государственное Уложеніе, и пе-

(*) Какъ напримѣръ: *глаза* вмѣсто *очей*, *губы* вмѣсто *устъ*, *роть* вмѣсто *устенъ*, *щеки* вмѣсто *ланитъ*, и прочія безъ извѣстныхъ происхожденій, непріятныя для слуха слова, изгнавшія изъ Русскаго языка ихъ благозвучные сословы. Да и самая рѣчь наша искажена и лишена выразительности и силы прежняго Славянскаго слова.

(*) Св. Митрофанъ, Епископъ Воронежскій, вспомоществовалъ Петру Великому въ устроеніи перваго флота. Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Псковскій, бывшій при семъ Государѣ во его походахъ, не только сочинялъ по его волѣ духовный регламентъ, но вспомоществовалъ въ учрежденіи училищъ, писалъ многія государственныя бумаги, и, самъ стихотворецъ, онъ былъ первымъ покровителемъ еще юнаго Ломоносова, въ которомъ предузнавалъ великій даръ поэта и глубокомысліе образователя нашего языка и Академіи Наукъ.

реведены учебныя книги. По кончинѣ сего мудраго Самодержца, достойный его наслѣдникъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, усердствуя народному благу, продолжалъ съ успѣхомъ начатое отцемъ его; но внезапная кончина просвѣщеннѣйшаго изъ Царей нашихъ, едва не уничтожила всѣ благія начала. Царскій скипетръ, падшій между двухъ братьевъ его, слабаго здоровьемъ и способностями Іоанна и еще отрока Петра, былъ схваченъ ихъ сестрою, готовою превратить его въ орудіе истребленія тѣхъ самыхъ знаній, которыми образовался высокій умъ ея. Царевна Софія Алексѣевна, щедро одаренная всею быстротою понятія, всею живостію дѣятельности, всѣми прелестями, но также безпредѣльнымъ властолюбіемъ, всею хитростію своего пола, и пользуясь расколомъ, возбужденнымъ печатаніемъ новыхъ церковныхъ книгъ, завистью Стрѣльцовъ къ липѣцкимъ полкамъ, ненавистію закоренѣлаго невѣжества къ мудрымъ нововведеніямъ, возбуждала мятежи, чтобъ на развалинахъ благаго сотворенія ея воцаренная рода, воздвигнуть свое самовластіе. Наше отечество, не успѣвшее еще свободно отдохнуть отъ вражескихъ стѣсненій и внутреннихъ крамолъ, не оглядѣвшееся еще совершенно подъ свѣтлымъ небомъ, только очищеннымъ отъ черныхъ тучъ, едва не вдало снова въ путы властолюбцевъ, и не покрылось прежнимъ мракомъ. Но Богъ, милосердый къ Россіи, воздвигъ, на спасеніе ея порфирородного юношу; Петръ Великій, умомъ, духомъ, характеромъ и свѣтлою любовью къ своему народу, при первомъ шагѣ своемъ къ наслѣдственному Престолу, облитому слезами гонимой Царицы, Его Матери, былъ встрѣченъ ревомъ изувѣрства, ножами крамолы и обрызганъ кровью своихъ родственниковъ и мудрыхъ сподвижниковъ его отца и брата. Но и крамольная Софья, и мятежи, и расколы и самое упорное невѣжество пали предъ силой Его просвѣщенной воли. Онъ рѣшился воссоздать разрушенное, совершить начатое, пересотворить свое, отдѣльное отъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ Царство въ великую Европейскую Имперію, и Онъ сдѣлалъ то своему, что могъ, и чего не могъ сдѣлать никто, кромѣ Его. Несчастный опытъ удобопотребленія, медленнаго переобразованія и, какъ говорятъ нынѣ, естественнаго хода просвѣщенія, заставилъ нашего Преобразователя дорожить больше всего временемъ, дабы совершить при себѣ начатое. Ему недосужно было прочищать сѣмяна всѣхъ благотворныхъ растеній, бросаемыхъ могучею рукою въ Русскую землю. Онъ предоставлялъ, какъ господинъ пивы (въ Евангельской притчѣ) изплѣвать ее при жатвѣ; но преждевременная кончина первѣйшаго въ мірѣ государственнаго хозяина воспрепятствовала исправить поручу вынужденной торопливости. Съ переносимыми къ намъ, на скоро, изъ Западной Европы полезными знаніями, учрежденіями, гражданскимъ и воинскимъ благоустройствомъ, не могли не захватиться вовсе безсмысленныя причуды общественнаго быта, которыя, будучи пустоцвѣтомъ просвѣщенія, долго мѣшали его плодотворному окорененію. Но и въ этомъ, кажется мнѣ, не должно обвинять Петра Великаго, знавшаго, не хуже Фенелона (сочинителя Телемака), что внутреннее или умственное образованіе переходитъ отъ народа къ народу, вмѣстѣ съ наружными формами или общежительностью. Потому-то Петръ пріучалъ народъ свой къ Европейской одеждѣ и Европейскому общежитію; но, къ несчастію, не достало Его, по краткости жизни, къ ограниченію того, что вышло изъ умѣренности и превратилось, уже не при немъ, почти въ рабственное подобострастіе къ иноземству!

Россія, съ изумившимъ ее воцареніемъ Екатерины Первой и властвованіемъ знаменитаго умомъ, воинскими доблестями, государственными способностями, Князя Меньшикова, слишкомъ отдалилась отъ

своего коренного быта. Новый Князь, не терпѣвшій стариннаго боярства, и не терпимый имъ, какъ счастливый временщикъ, видимо желалъ преобразовать наше высшее общество водвореніемъ въ немъ всѣхъ иностранныхъ обычаевъ. Но Долгорукіе, низверглие его при молодомъ Императорѣ Петрѣ II, по противоположнымъ причинамъ, возбуждали пристрастіе къ старинѣ, перетворенной въ лучшее устройство Петромъ Великимъ, и наконецъ, лишенные власти, смертью обрученнаго съ невѣстой, изъ ихъ дома, Государя, они ухитрились, озаконить свое самоуправство неслыханнымъ и невозможнымъ въ Россіи нововведеніемъ, перенятымъ у нашихъ сосѣдей. Они избрали на Россійскій Престолъ меньшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Анну Іоанновну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, мимо ея старшей сестры и наслѣдниковъ перваго Императора, для удобнѣйшаго ослабленія, въ свою пользу, Самодержавнаго единовластія, извлекшаго Россію изъ бездны народныхъ золъ, и сотворившаго ее сильной и славной Европейской Монархіей; но это умышленіе обратилось имъ въ гибель, ужаснувшую даже ихъ недоброжелателей, и было виною временнаго оскорбленія нашей народности. Недовѣрчивость, возбужденная въ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ своекорыстіемъ избранителей, къ своимъ Русскимъ подданнымъ, должна была усилить довѣрчивость къ приверженнымъ ей иноземцамъ, и Биронъ, которому временное Правительство Долгоруковыхъ и ихъ друзей воспретило въѣздъ въ Россію, налегъ спицовою Нѣмчизной на Русскій духъ, придавилъ въ немъ возбужденное Петромъ Великимъ Европейское досужество, и врожденное въ народѣ нашемъ любознаніе оледенѣло отъ холодности Германскихъ педантовъ. Нѣмцы, занявшіе важнѣйшія мѣста въ гражданскомъ и военномъ дѣлѣ, не только не хотѣли приноровить къ питавшей ихъ землѣ свои иностранные обычаи, но силились онѣмѣчить всю Россію. И такъ, не удивительно, что въ то время Европейское образованіе, къ которому пріохотилъ уже Петръ Великій своихъ подданныхъ, сдѣлалось для нихъ отвратительнымъ, а Нѣмецкій языкъ и обычаи, насильственно овладѣли нашимъ высшимъ обществомъ и ввели въ моду пренебреженіе къ своему, Русскому. На устроенномъ уже при Дворѣ театрѣ, не слышно было Русскаго слова, на немъ давались Нѣмецкія піесы, Италіянскія Оперы и нѣмые балеты. Только на Святкахъ Императрица, для воспоминанія своего Русскаго дѣтства, приказывала представлять старинныя игрища или сказки въ лицахъ: *Феникс, золотое перышко*, и проч. Но въ самое это невзгодье нашей народности, дѣльное просвѣщеніе, пущенное въ ходъ сильной и вѣрной рукой величайшаго изъ Государей, облаготворяло созданную имъ Имперію. Устроенныя имъ войска даровали ей побѣды; Кадетскій Корпусъ приготовлялъ знаменитыхъ военачальниковъ, государственныхъ людей и словесниковъ; вожженное имъ и достигшее еще при немъ любознаніе до береговъ Бѣлаго Моря, воспламенило вдохновенный даръ рыбацкаго сына, и въ то самое время, когда Нѣмецкій языкъ безобразилъ Русскую рѣчь своими исковерканными выраженіями, Русское слово, во всей силѣ и всемъ благозвучіи, загремѣло изъ Нѣмецкаго Университета! тамъ Ломоносовъ воспѣлъ взятіе Хотина, и по всей Россіи раздались пророческіе стихи его:

Где только вѣтры могутъ дуть
Преступятъ тамъ полки Орлины.

Но это первая пѣснь нашего заграничнаго соловья не скоро облагозвучила Русское слово: Биронова гроза привела его въ онѣмѣніе!

Наконецъ, послѣ быстрыхъ переворотовъ чужедѣльныхъ Правительствъ, (*)

(*) Сперва Принцессы Анны Леопольдовны и Бирона, потомъ ея одной, и генералиссимуса, су-

Святая Русь, какъ говорилось въ народѣ: «*вознесла восходомъ на Престолъ нашего краснаго солнышка, дочери перваго Императора, матушки Государыни* Елисаветы Петровны!» Съ этимъ разсвѣтомъ, спалъ свинцовый гнетъ съ Русскихъ умовъ, наше врожденное досужество закипѣло, языкъ заговорилъ по-своему, Русскія имена загремѣли на полѣ брани и послышались при Иностранныхъ Дворахъ; стихотворство зацвѣло, и театръ-самодѣлъ, въ кожевенномъ сараѣ, на берегу свѣтлой Волги, перевесся въ Царскій Дворецъ. Но, увы, хотя онъ уже не былъ ни Нѣмецкимъ, ни Италіянскимъ, и Русскіе говорили на сценѣ своимъ языкомъ, они, все таки, говорили чужимъ смысломъ: этого должно было ожидать! Торопливость пововоспитанія нашего высшаго общества, сближая его съ чужеземщиной, слишкомъ отдѣлила высшее дворянство отъ отечественнаго быта прочихъ сословій. Наши столицы свѣтились чужимъ лакомъ, красовались роскошью просвѣщенія, и поверхность уже признанной всею Европою Имперіи нашей проясняла внутреннюю силу ея. Хотя эта внутренняя сила, въ народной образованности, въ земскомъ дѣлѣ, въ ремеслахъ, въ промыслахъ и художествахъ почти не прибавилась послѣ ея мудраго возродителя, но, слава Богу, умственныя способности и досужество нашего народа не сбились съ Русскаго толка властолюбивыми замыслами времещиковъ, и наша святая родина встрепенулась радостнымъ воцареніемъ дочери Петра Великаго, сказавшей: «Хочу, чтобъ при Мнѣ все было, какъ при Отцѣ Моемъ!» — Это царское слово, взнесенное къ Небу мольбами Православной Церкви и Русскаго народа, низвело духъ Петра Великаго на его прямое потомство и сотворенную имъ Имперію, которая съ той поры возрастаетъ препятствіями и усиливается сопротивностями, впушаемыми завистью, враждою и страхомъ чужеплеменниковъ! —

Царское радушіе Императрицы Елисаветы Петровны не оградило однако жъ ея отъ разлившагося по всей Европѣ пристрастія ко всему Французскому. Маркизъ де ла Шетарди, ловкій Посланникъ Лудовика XV при Русскомъ Дворѣ, умѣлъ замѣнить Нѣмецкую тяжелость Французскою легкостью. Парижская вѣтренница, мода, вскружила головы нашего высшаго общества, взманила въ подражаніе ему второстепенныя общества, овладѣла, при самомъ началѣ, нашею мірскою словесностью и новорожденнымъ театромъ.

Непостижимая всѣмъ народамъ и самимъ намъ — судьба нашего отечества, творящая, въ Россіи и изъ Россіи, нигдѣ и никогда небывалое, обнаруживается въ безотвѣтномъ вопросѣ, какъ, въ царствованіе двухъ природныхъ Русскихъ Государынь, мы, отвлекаясь отъ чужестранства къ чужестранству, могли хвалиться только нашею досужею переимчивостью, и какъ вдругъ Германская уроженка возбудила въ насъ народную гордость, и превратила самыя пріобрѣтенія наши въ Русское самородство? Это кажется невѣроятнымъ, однако же такъ было! Екатерина II постигла вполнѣ Петра Великаго, и напиталась Его творческимъ духомъ! Она глубоко вникла въ родовое семейство и силу своего новаго отечества, слилась съ нимъ душею, полюбила его величіе, и въ началѣ царствованія своего, радѣя о нашей народности, старалась, примѣромъ своимъ, обрусить наше очужестраненное общежитіе и слово, уничтожить подобострастіе къ иноземному, возбудить соревнованіе ко всему пзящному и вдвинувъ свою Имперію въ общій составъ просвѣщенной Европы, сдѣлать ее совершенно Русскою (*). Про-

---

пруга ея, Принца Брауншвейгскаго, Антона Ульриха.

(*) Я слыхалъ въ дѣтствѣ моемъ, что Импи-

пицательный взглядъ, быстрое соображеніе, живость ума и пылкая воля славолюбивой жены, облеченной самодержавною властью, очаровали и свой народъ, и чужеплеменниковъ и, современниковъ, и потомство! Пополнія законы законами, поправляя обычаи обычаями, и умѣя заставлять своихъ подданныхъ хотѣть того, что ей желалось, Она не пренебрегала ни журналистикой, ни театромъ, пользовалась охотою къ новостямъ и зрѣлищамъ, проявлявшеюся только въ высшемъ и среднемъ сословіи Русскаго народа. Посылая въ *Собесѣдникъ*, ежемѣсячно издаваемый по Ея волѣ, записки о Русской Исторіи, могущія возбудить народную гордость, Государыня удосуживалась на драматическія сочиненія, и приспособляла Русскую сцену къ государственному дѣлу. Она не хотѣла даромъ терять способа, предающаго въ волю театральнаго писателя зрѣніе, слухъ, сердечныя чувства и душу нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, собранныхъ для умственнаго наслажденія, и готовыхъ ко всѣмъ душевнымъ впечатлѣніямъ. Цѣль Ея авторства открывается въ театральныхъ сочиненіяхъ. *Олегъ* появился на сценѣ во всемъ блескѣ великолѣпнаго зрѣлища, чтобъ указать Русскимъ древній ихъ путь къ Царюграду, къ которому стремились желанія уже побѣдоносной Императрицы! И даже *Федулъ съ дѣтьми* не спроста выходилъ на театръ, и напѣвалъ крестьянскіе намеки, присказки и поговорки! Они показывали простолюдинамъ, что хотя не названный, но всѣмъ извѣстный сочинитель этой народной потѣхи *не Русскимъ родился, да си Святой Русью породнился* и зналъ ее деревенскій бытъ — не хуже всякаго Русскаго (*). Примѣръ Императрицы скоро нашелъ подражателей и исполнителей воли. Но высокія дарованія творятся вдохновеніемъ, а сильное направленіе умовъ перемѣняется временемъ, и мы должны отъ нихъ надѣяться прочнаго совершенія, начатаго Царскимъ разумомъ Екатерины, и постепеннаго достиженія вожделѣнной цѣли, Ею указанной..... Русскій Театръ начался въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, при Дворѣ, гдѣ новый тогда у насъ Французскій языкъ и его литература самовластно не дозволяли намъ находить что нибудь хорошимъ, сочиненное или представленное внѣ Парижа, и запрещалъ думать по-своему. Такъ первый нашъ драматическій писатель, если бъ хотѣлъ и умѣлъ проникнуть въ сущность древней трагедіи, въ свойства и духъ своего отечества, и вознамѣрился сотворить свое, народное зрѣлище, то бы онъ не смѣлъ и не могъ успѣть въ то время, когда мѣрломъ ума, вкуса, дарованія и искусства было все Французское. И чѣмъ ближе наши произведенія напоминали Французское рабственнымъ подражаніемъ или даже просто переводомъ, тѣмъ больше удостоивались похвалъ и одобреній, а потому наша, едва открытая сцена, должна была покорствовать Парижской, до медленнаго освобожденія ее отъ сего чужевластія и быстраго подпаденія подъ другое, едва ли не погубительнѣйшее для нашей теа-

---

атрицѣ угодно было, чтобы ввести въ праздничный нарядъ Двора своего не только женское, но и мужеское Русское платье. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ Ея одѣлся великолѣпно Русскимъ боярином, но никакъ не могъ представиться къ Государынѣ съ непокрытою и не напудренною головой, и это неодолимое затрудненіе принудило Императрицу, не могущую безъ смѣха видѣть Французскую голову на Русскомъ тѣлѣ, оставить по прежнему при Дворѣ Французскіе кафтаны, пуки и кошелекъ при косѣ.

(*) Эти слова Русскаго купца, мнѣ пересказывалъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ, Эрмитажный Камердинеръ Императрицы Екатерины II. Онъ ихъ слышалъ при представленіи *Федула*, въ театрѣ, куда онъ хаживалъ по приказанію Государыни, когда представляли Ея пѣсы, и возвращаясь долженъ былъ немедленно доносить о всѣхъ подробностяхъ представленія. Высокая Сочинительница съ потерпѣніемъ ожидала домашняго своего зрителя, а щедра по нѣскольку разъ спрашивала, не возвратился ли онъ.

тральной поэзіи и искусства. Это постараюсь я представить, сколько могу вѣрнѣе, въ обзорѣ нашей драматической словесности, который, по старшинству сценическихъ зрѣлищъ, начинаю съ трагедіи.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЗНАМЕНИТАГО ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ МУЗЫКАНТА,

ФЕРДИНАНДА ДИЦА.

Вѣкъ Екатерины II, славный великими мужами по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, славный побѣдами, возвысившими имя Русское, былъ также замѣчателенъ для насъ и многими артистами, заслужившими Европейскую извѣстность. Великая Монархиня, любя науки и искусства, ревностно имъ покровительствовала. Въ ея время было у насъ много самобытныхъ, первоклассныхъ талантовъ. Музыка и сценическое искусство, еще юныя въ нашемъ отечествѣ, имѣли также замѣчательныхъ представителей; имена: *Дмитревскаго, Воробьева, Шушерина, Плавильщикова, Сандунова, Сандуновой, Валберха, Гандошкина, Дица, Мартини, Давыдова* и другихъ были дороги современникамъ. Мы, дѣти новаго поколѣнія, и теперь еще часто слышимъ отъ стариковъ восторженныя похвалы этимъ артистамъ, но современные журналы, гдѣ бы могли мы искать матеріяловъ для біографій этихъ людей, къ сожалѣнію, ничего намъ не представляютъ. На записки, или мемуары, предки наши также были скупы, а потому всякій любитель искусствъ и родной славы долженъ, помѣрѣ силъ своихъ, пока еще есть время, пещись отомъ, чтобы собрать, гдѣ только можно и какъ только можно, свѣдѣнія о жизни артистовъ, которые дѣйствовали на развитіе и успѣхи искусствъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе мы должны заботиться о такихъ артистахъ, которые, кромѣ славы, послѣ себя не оставляютъ ничего, ни какихъ созданій, ни какихъ памятниковъ своего таланта. таковы именно музыканты-исполнители и актеры: могильный заступъ, зарывая тѣло, зарываетъ въ землю все бытіе ихъ, всѣ ихъ мгновенныя, хотя и высокія произведенія. И вотъ отчего такъ затруднительны положительныя и вѣрныя свѣдѣнія объ актерахъ и музыкантахъ, жившихъ не болѣе какъ лѣтъ за сорокъ до насъ. Теперь, когда еще живы многіе изъ ихъ современниковъ, трудно составить изъ нерѣдко противорѣчащихъ фактовъ и мнѣній вѣрный и отчетливый разсказъ о ихъ жизни. Впередъ съ каждымъ годомъ это будетъ труднѣе и труднѣе; потому. То считаемъ обязанностію подѣлиться съ читателями нашими тѣми свѣдѣніями, которыя удалось намъ собрать, и почтемъ себя счастливыми, если наши первые опыты вызовутъ на подобный трудъ другихъ, болѣе насъ свѣдущихъ людей. На этотъ разъ избираемъ

біографію Фердинанда Дица, одного изъ замѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ талантовъ минувшаго вѣка, имя котораго прославлено въ поэтическихъ воспоминаніяхъ Дмитріева (*).

Фердинандъ Дицъ родился въ Нюренбергѣ, около 1742 года, и еще въ младенчествѣ лишился своихъ родителей. Дядя его, извѣстный ландшафтный живописецъ *Іоганъ Христофъ Дицъ*, взялъ его къ себѣ и сталъ учить рисованью; но мальчикъ не имѣлъ рѣшительно ни какой охоты и склонности къ этому искусству, и не смотря на всѣ попеченія и труды дяди, не дѣлалъ ни какихъ успѣховъ. Это приводило въ отчаяніе живописца, и бѣдный Фердинандъ часто подвергался строгимъ наказаніямъ. Въ такія минуты единственнымъ его утѣшеніемъ была скрипка, на которой онъ игралъ самоучкой; но и къ этой отрадѣ могъ онъ прибѣгать только въ отсутствіи строгаго дяди, который не любилъ музыки. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія сдѣлать изъ Фердинанда живописца были напрасны, дядя отказался отъ него, и объявилъ, что онъ можетъ итти куда хочетъ.

Тетка бѣднаго сироты *Барбара Регина* (**), извѣстная также своимъ талантомъ въ живописи, сжалилась надъ нимъ, взяла его къ себѣ, и зная страсть его къ музыкѣ, доставила ему средства учиться. Успѣхи, оказанные имъ, были удивительны, такъ, что скоро онъ превзошелъ своего учителя. Семнадцати лѣтъ былъ онъ принятъ въ капеллу при Соборной Церкви Св. Себальда, и отличался уже чрезвычайно нѣжною игрою и вѣрностью такта; это послѣднее достоинство принесло ему мѣсто первой скрипки и жалованье, обезпечившее его содержаніе. Добрая Барбара радовалась успѣхамъ своего племянника, тѣмъ болѣе, что успѣхи эти были плодомъ, ея заботъ и попеченій. Часто по нѣсколько часовъ сряду, положивъ свои кисти, слушала она игру Фердинанда, который только при ней одной смѣло предавался порывамъ своей фантазіи. Будучи чрезвычайно застѣнчивъ, онъ не могъ ни при комъ играть одинъ: руки его дрожали, смычекъ не повиновался, и онъ, съ краскою на лицѣ, съ волненіемъ въ сердцѣ, задыхаясь, бросалъ скрипку и убѣгалъ прочь. Въ оркестрѣ, въ квартетахъ Дицъ былъ тоже совершенно другой человѣкъ; здѣсь, не будучи исключительнымъ предметомъ вниманія, онъ отличался смѣлостью, энергіею, и переселялись совершенно въ міръ звуковъ, забывалъ все.

Три года былъ уже Дицъ при Себальдовской Капеллѣ; ему исполнилось 20 лѣтъ; для него настала эпоха страстей. Въ одинъ вечеръ, проходя по Максовой Площади, былъ онъ пораженъ сладостными звуками, вылетавшими изъ отворенаго окна одного дома. Дицъ остановился и сталъ прислушиваться. Прекрасный, полный свѣжести и чувства голосъ, пѣлъ какую-то священную пѣснь, прерываемую по временамъ тихими аккордами фортепіано. Дицъ, прижавшись къ стѣнѣ, внемлъ отъ восторга: никогда еще не испытывалъ онъ такого наслажденія! Ему казалось, будто предъ нимъ отверзлись небеса, и пѣсни херувимовъ слетали оттуда на землю; долго стоялъ онъ неподвижно, боясь проронить малѣйшій звукъ; наконецъ голосъ замолкъ, раздалось нѣсколько аккордовъ и все утихло. Дицъ отошелъ и взглянулъ на окно: его закрывали бѣлыя кисейныя занавѣски, за которыми свѣтился огонь. Вдругъ легкая тѣнь мелькнула въ комнатѣ; занавѣска заколебалась, и прекрасная бѣлокурая головка молодой дѣвушки выглянула изъ

(*) Свѣдѣніями о молодости Ф. Дица, обязаны мы почтенному Г. Горну, бывшему Камеръ-Музыканту, и знавшему Дица еще въ Германіи. Князь А. А. Шаховской и нѣкоторыя другія лица также сообщили намъ нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ скрипачѣ.

(**) Барбара Регина Дицъ (Dietzſch), превосходно рисовала птицъ, цвѣты и насѣкомыхъ. Она родилась 1716 г., ум. 1783 г.

окна. Онъ впился въ нее своими взорами; но она скоро исчезла, занавѣски задернулась, окно затворилось, огонь потухъ. Нѣсколько минутъ стоялъ Дицъ, не зная, что съ нимъ сдѣлалось; сердце сильно билось въ груди его, и милое видѣніе, мелькнувшее предъ нимъ, все еще носилось предъ его глазами. Наконецъ онъ какъ будто пробудился, и оглядываясь безпрестанно на завѣтное окно, побрелъ домой. Цѣлую ночь не могъ онъ заснуть; бѣлокурая головка была безпрестанно предъ нимъ, и когда настало утро, онъ опрометью побѣжалъ на Максову Площадь. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо дому, но напрасно: очаровательница не показывалась, и роковыя занавѣски оставались задернутыми. Дицъ не хотѣлъ однако жъ уйти, не развѣдавъ по крайней мѣрѣ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Это не стоило ему большаго труда, и онъ скоро узналъ, что домъ этотъ принадлежалъ богатому серебряннику Іогану Фюрету, у котораго была только одна дочь, Текла. Съ этой минуты Дицъ каждый вечеръ дежурилъ на площади; но ожиданія его не исполнялись, и онъ ни разу не видалъ Теклы. Такая неудача сдѣлала его мрачнымъ, задумчивымъ, унылымъ, и эта задумчивость, это уныніе выливались у него въ дивныхъ звукахъ, которые онъ извлекалъ изъ скрипки. Добрая Барбара замѣтивъ грусть племянника, стала добиваться о причинѣ его задумчивости; но Фердинандъ молчалъ. Наконецъ участіе тетки побѣдило его упорство, и онъ признался ей во всемъ, что таилось у него въ сердцѣ. Барбара старалась утѣшить его, а между тѣмъ въ тайнѣ обдумывала средства, какъ пособить горю племянника. Не знаю, какимъ образомъ удалось ей это; но чрезъ нѣсколько времени Дицъ былъ уже знакомъ въ домѣ Фюрети, и могъ безпрепятственно видѣть Теклу. Присутствіе его, казалось, было пріятно молодой дѣвушкѣ; она находила удовольствіе въ его бесѣдѣ, была съ нимъ ласкова, привѣтлива, и, любя музыку, восхищалась талантомъ Фердинанда; а онъ — онъ былъ счастливъ какъ никогда. Текла сдѣлалась предметомъ всѣхъ его думъ, всѣхъ мечтаній; видѣть, любить ее, было для него блаженствомъ непзъяснимымъ. Пылкая душа его предалась совершенно страсти, имъ овладѣвшей. Наслаждаясь настоящимъ, онъ слѣпо вѣрилъ въ будущее, и это будущее представилось ему въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ; въ немъ видѣлъ онъ Теклу, какъ подругу своей жизни; для нея желалъ онъ прославиться; ей хотѣлъ посвятить все бытіе свое. И что же? Всѣ эти мечтанія, всѣ надежды разлетѣлись какъ дымъ!—Въ одно утро, пришедши въ домъ Фюрети, узнаетъ онъ, что Текла невѣста, что она любитъ жениха своего, что они давно уже узнали другъ друга, и что послѣ свадьбы, назначенной чрезъ нѣсколько дней, она должна уѣхать вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Аугсбургъ, гдѣ тотъ велъ значительную торговлю. Вѣсть эта сразила бѣднаго музыканта; какъ безумный прибѣжалъ онъ домой, заперся въ свою комнату и не выходилъ цѣлые сутки. На слѣдующій день объявилъ онъ Теклѣ, что оставляетъ на всегда Нюренбергъ, и идетъ записаться въ военную службу. Семнадцатая Вюйна была тогда въ сильномъ разгарѣ, и бѣдный юноша надѣялся найти въ ней конецъ своимъ несчастіямъ. Барбара испугалась; не испытавъ никогда любви, она всѣми силами души привязалась къ племяннику, и мысль, что онъ можетъ погибнуть, приводила ее въ отчаяніе. Просьбы, моленія, слезы, все было употреблено ею, чтобъ отклонить Фердинанда отъ принятаго имъ намѣренія; онъ долго противился, но отчаяніе Теклы наконецъ поколебало его: онъ далъ ей слово не записываться въ солдаты, но объявилъ рѣшительно, что не хочетъ оставаться въ Нюренбергѣ, гдѣ все напоминало ему Теклу. Чрезъ нѣсколько дней разстался онъ съ роднымъ городомъ, и былъ уже на дорогѣ въ Вѣну, давъ клятву никогда не

влюбляться и посвятить жизнь свою другой вѣрной, неизмѣнной любовницѣ — музыкѣ.

Въ Вѣнѣ познакомился онъ съ Глюкомъ, трудившимся тогда надъ своимъ *Орфеемъ*, оперой, которой было назначено сдѣлать переворотъ въ музыкальномъ мірѣ. Глюкъ полюбилъ Дица и, будучи самъ отличнымъ віолончелистомъ, часто игралъ съ нимъ дуэты. Онъ же доставилъ ему мѣсто при Вѣнской Оперѣ, и вообще всегда ревностно покровительствовалъ ему. Жизнь Дица текла мирно и тихо въ занятіяхъ музыкою, а между тѣмъ время, этотъ чудесный врачъ, залечивающій всѣ раны, возвратилъ ему спокойствіе; но душа его, и безъ того расположенная къ задумчивости, была сильно потрясена неудачною любовью, и не могла уже никогда сбросить съ себя той меланхоліи, которая въ послѣдствіи превратилась въ болѣзнь.

Около 1770 года Глюкъ, единственный человѣкъ, къ которому Дицъ былъ привязанъ въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Парижъ. Дицъ хотѣлъ было послѣдовать за нимъ; но какія-то обстоятельства удержали его. Въ это время имя его сдѣлалось уже извѣстно, и Вѣна признала его однимъ изъ первѣйшихъ скрипачей. Единственный домъ, въ которомъ онъ игралъ кромѣ театра, былъ домъ Князя Лобковича, куда собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, и гдѣ, въ послѣдствіи, великій Бетговенъ такъ часто восхищалъ слушателей своими дивными созданіями. Тамъ услыхалъ Дица Соймановъ, бывшій въ то время Главнымъ Директоромъ Театровъ въ С. Петербургѣ и находившійся проѣздомъ въ Вѣнѣ. Плѣнясь игрою Дица, пригласилъ онъ его въ Россію. Дицъ согласился, и въ 1771 году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ число камеръ-музыкантовъ Придворнаго оркестра. Чрезмѣрная застѣнчивость не оставляла Дица и въ зрѣломъ возрастѣ; она препятствовала ему сдѣлаться концертистомъ, и онъ никогда не игралъ концертовъ; но за то въ квартетахъ былъ онъ въ своей сферѣ. Ничто не могло сравниться съ пріятностію его смычка, съ тѣми дивными, нѣжными звуками, которые слетали со струнъ его. Онъ былъ превосходенъ, особенно въ адажіо; скрипка его плакала, въ полномъ смыслѣ слова, и заставляла плакать другихъ. Надобно замѣтить, что въ то время Петербургъ, принявъ Дица, имѣлъ много отличныхъ виртуозовъ. Придворный квартетъ былъ составленъ изъ Дица, 1-й скрипки, Роббини Тевиса—второй, Шток-фиша альта, и Дельфино, віолончели; флейтистъ Михель также принималъ иногда въ немъ участіе. По словамъ современниковъ, ничто не могло сравниться съ этимъ квартетомъ, который обыкновенно разыгрывали на Эрмитажномъ Театрѣ или во внутреннихъ покояхъ дворца, въ присутствіи Императрицы и всего Двора. Императрица, умѣвшая оцѣнить необыкновенный талантъ Дица, осыпала его милостями, и избрала въ учители Великаго Князя Александра Павловича. — Дицъ, чувствуя вполнѣ эту высокую честь, старался оправдать сдѣланное ему довѣріе, и ревностно занялся своимъ Царственнымъ Ученикомъ. Въ послѣдствіи Великій Князь Александръ Павловичъ, оказывавшій чрезвычайные успѣхи, принималъ также участіе въ квартетахъ, и разыгрывалъ ихъ, какъ отличный артистъ.

Счастіе, казалось, сдружилось наконецъ съ Дицомъ; онъ имѣлъ независимое состояніе, былъ любимъ, уважаемъ, пользовался заслуженною славою, и могъ бы кончить попріще свое такъ же блистательно, какъ началъ его. Но судьба опредѣлила ему другую участь: расположеніе къ меланхоліи становилось въ немъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе; часто по нѣскольку дней сряду не показывался онъ никому, и сидѣлъ одинъ, погруженный въ какую-то тяжкую думу. Ему было за 50 лѣтъ, и въ эти годы, когда страсти начинаютъ уже остывать, Дицъ, по

словамъ многихъ, со всею пылкостью юности предался любви къ предмету, который не могъ быть для него доступенъ. Несчастная страсть довершила въ немъ разстройство умственныхъ способностей, и онъ наконецъ совершенно помѣшался. Это случилось въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины Великой, какъ будто судьба не хотѣла, чтобъ Дицъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, нравственно, потерю своей благодѣтельницы. Онъ умеръ въ 1798 году.

Дицъ былъ превосходный музыкальный исполнитель, но самъ сочинялъ мало; впрочемъ, нѣкоторые его романсы и пѣсни, преимущественно на слова И. И. Дмитріева, бывшаго, въ свое время, самымъ любимымъ по этомъ гостинствѣ, долго распѣвались въ высшемъ обществѣ, и послѣ того въ народѣ: *Стонетъ сизый голубокъ*, и пр. можно слышать еще и теперь въ провинціяхъ. Музыка этихъ романсовъ отличается чувствомъ и граціею.

П. М.

ТАНЦОВЩИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Въ 1776 году, осеннимъ вечеромъ, въ одномъ изъ некрасивыхъ Стокгольмскихъ домовъ, сидѣла за столомъ молодая дѣвица, поддерживая голову обѣими руками. Слезы канали по лежавшее передъ нею письмо. Бѣдная комнатка, разбитое зеркало, на которомъ висѣли два завялые вѣнка изъ тисса и анемоновъ, печальный свѣтъ лампы, все это составляло странную противоположность съ полною жизни дѣвицею, печальною, задумчивою. Кто же была эта дѣвица? Ея мягкіе, черные волосы, смуглое лице, блѣдное, какъ западное облако, пламенные глаза, не принадлежали Шведскому климату: эта дѣвица, Маргарита Оріоль, была оперная танцовщица изъ Прованса.

Ея скромная жизнь уже сроднилась съ горемъ. Отецъ Маргариты, матросъ, лишившись жены, не могъ дать дочери ни какого воспитанія; Маргарита предоставлена была попеченію тетки, которая давно жила въ Парижѣ, и вышла тамъ за мужъ за флотскаго лекаря. Когда лекарь поступилъ въ Шведскую службу, тетка отправилась съ Маргаритою въ Стокгольмъ, но здѣсь ожидала ихъ крайняя нищета: лекарь умеръ, и сиротою на чужбинѣ съ величайшимъ трудомъ поддерживали себя мытьемъ и шитьемъ бѣлья. Наконецъ, Маргарита, противу желанія, принуждена была опредѣлиться танцовщицею во Французскую Оперу. Своею граціе вдова съ красотою, она вскорѣ обратила на себя общее вниманіе, но вела жизнь скромную, потому ли что страдала тоскою по отчизнѣ, или потому, что презирала любовію, которую предлагали оперной танцовщицѣ дворяне.

Часа за четыре, Маргарита исполняла роль сирены въ операхъ Ѳетида и Пелей, сочиненной Густавомъ III и Веландеромъ,

и положенной на музыку Уттини, и до сихъ поръ не думала расчесывать волосъ, которые ступились густыми, длинными локонами. Отецъ писалъ Маргаритѣ, что его посадили за долги въ тюрьму, умолялъ ее прислать ему триста талеровъ, и тѣмъ спасти родительскую честь. Вотъ отъ чего плакала Маргарита; она была не въ состояніи исполнить просьбу отца! Нѣсколько разъ перечитывала она роковое письмо; письмо говорило ей, что отецъ, по болѣзни вышедшій въ отставку, возлагаетъ всю надежду на дочь. Бѣдная Маргарита страдала съ каждою минутою, зная, что отецъ томится въ тюрьмѣ; она приходила въ отчаяніе отъ мысли, что старикъ ежеминутно ждетъ спасительнаго отвѣта. Сердце Маргариты волновалось мучительно, какъ неспокойное море, но утѣшительная луна для нея не появлялась.

Многіе богатые и знатные люди любовались въ тотъ самый день танцами Маргариты; можетъ быть и теперь, засыпая на роскошномъ пуховикѣ, видѣли передъ собою сильфиду, а между тѣмъ бѣдная богиня плакала, не зная чѣмъ помочь отцу.

Въ первый разъ Маргарита почувствовала вполнѣ свое несчастіе. До сихъ поръ, живя день за день, она не заботилась ни о настоящемъ, ни о будущемъ: Маргарита походила на птичку въ клѣткѣ, которая ежедневно видитъ вокругъ себя одно и то же, и которой дни и мысли становятся наконецъ однообразными, какъ проволочные прутья, ее окружающіе. Но теперь, не зная чѣмъ помочь отцу, Маргарита тѣмъ глубже чувствовала свое горе, что не понимала его.

Что должна была предпринять Маргарита? Надобно было помочь отцу, который всю надежду полагалъ на дочь. Какъ помочь? Бѣдная дѣвушка, вовсе не знакомая съ свѣтомъ, блуждала въ немъ, какъ сирота; она не испытывала еще тѣхъ безчисленныхъ средствъ, которыми люди стараются достигнуть своей цѣли.

Вдругъ свѣтлая мысль озарила безутѣшную душу Маргариты. Отбросивъ локоны, закрывавшіе лицо, Маргарита сказала съ улыбкою:

— Да, батюшка поблагодаритъ меня!

«За что, мой другъ?» спросила тетка, которая въ эту минуту вошла изъ боковой двери.

Маргарита, испуганная печальнымъ приходомъ тетки, указала ей на письмо:

— Я пошлю къ батюшкѣ триста талеровъ....

«Ты пошлешь? возразила тетка съ недовѣрчивымъ видомъ. Какъ же ты можешь послать такую сумму, когда получаешь по десяти талеровъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ три талера надобно отдавать на гардеробъ?»

— Завтра я пойду къ Директору, и попрошу его одолжить мнѣ триста талеровъ, въ счетъ жалованья. Конечно, долго будутъ вычитать у меня, но, можетъ быть, мнѣ прибавятъ, а пока я буду стараться помогать тебѣ, тетушка, стирать бѣлье, чтобъ намъ не нуждаться въ необходимомъ....

«Вотъ какъ!» сухо проговорила тетка Маргариты.

— Я могу также, продолжала Маргарита, давать уроки Французскаго языка, или опять примусь за гитару.... Неужели не найдутся люди, которые бы сжалились надъ нашею бѣдностью?

«Нѣтъ!» отвѣчала отрывисто тетка.

Огорченная Маргарита замолчала.

Тетка придвинула свой стулъ къ племянницѣ, взяла ее за руку, и сказала:

— Ты знаешь, милая племянница, что я всегда была твоимъ лучшимъ другомъ. Я очень хорошо понимаю твое положеніе: ты не можешь спасти своего несчастнаго отца! Просить денегъ у Директора—безполезно. Неужели ты думаешь, что онъ дастъ тебѣ триста талеровъ въ счетъ жалованья? Если ты завтра умрешь, кто же ему заплатитъ за тебя? Нѣтъ, добрая Маргарита, это дѣло невозможное; ты должна покороче узнать свѣтъ.

Маргарита печально потупила глаза.

— Въ нравственныхъ сочиненіяхъ и на театрѣ, продолжала тетка, часто говорятъ о благородствѣ души, но люди не охотно поддаются этой слабости. Въ молодости я также думала, что стоитъ только постучаться у сердца людей, чтобы найти отвѣтъ на всѣ вопросы. Повѣрь моей опытности, Маргарита: трудно уничтожить въ людяхъ тщеславіе или скупость, и никто не подаритъ тебѣ трехъсотъ талеровъ.

Маргарита закрыла платкомъ заплаканные глаза.

— Но отцу твоему мы все таки должны помочь; не оставлять же его умирать въ тюрьмѣ съ грустною мыслію, что дочь забыла его....

Маргарита тихо рыдала.

— Ты знаешь, что я съ удовольствіемъ отдала бы тебѣ послѣднюю копѣйку, но вспомни, какъ мы бѣдны! Кто же подаритъ намъ триста талеровъ? Подумай, не найдешь ли какихъ средствъ?

«Нѣтъ, тетушка, грустно сказала Маргарита, и бросилась въ объятія тетки. Мнѣ остается только умереть!»

— Бѣдняжка! Да вѣдь этимъ ты не поможешь отцу.... А что, если бы я нашла какое нибудь средство?

Маргарита плакала.

— Да, я постараюсь помочь твоему отцу, произнесла тетка съ сильнымъ выраженіемъ, если только ты имѣешь ко мнѣ довѣренность.

Обрадованная Маргарита еще крѣпче обняла тетку.

— Ну, успокойся же и выслушай меня.

Тетка вооружилась всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, которому научилась въ Парижѣ, и начала:

— Ты добрая дочь, любишь меня какъ вторую мать; мы здѣсь на чужой сторонѣ, и чувство прошедшаго соединило насъ еще тѣснѣе. Ты, конечно, во всю жизнь не забудешь тотъ прекрасный вечеръ, когда мы, сидя у камина за чаемъ, вспоминали о родинѣ, о твоихъ родителяхъ, знакомыхъ.... Богъ знаетъ, увидимъ ли мы когда нибудь нашу милую родину, будемъ ли любоваться большимъ каштановымъ деревомъ возлѣ церкви, будемъ ли жить въ твоемъ родительскомъ домикѣ, гулять въ саду, собирать виноградъ.... Теперь мы сироты, и на мнѣ лежитъ обязанность заботиться о твоей участи. Имѣй ко мнѣ полную довѣренность: я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе, которое сначала, можетъ быть, покажется тебѣ страннымъ.

Тетка придвинула стулъ, кашлянула и продолжала:

— Знатные люди, не смотря на свое богатство и всѣ удобства жизни, иногда почитаютъ себя несчастными. Они живутъ въ вѣчномъ принужденіи, вѣчно должны притворствовать, и отъ того часто ищутъ такого состоянія, которое бы позволило имъ отдохнуть отъ стѣснительнаго, утонченнаго образа жизни. Вотъ почему эти люди часто удаляются въ свои помѣстья, гдѣ надѣются подышать чистымъ воздухомъ и найти неиспорченные нравы. Удивительно ли послѣ этого, что какой нибудь вельможа, не обращая вниманія на знатныхъ дамъ, сбрасываетъ съ себя всѣ званія, всѣ чины, возлѣ простой дѣвушки, и становится истиннымъ человѣкомъ? Ты знаешь Герцога С.?

«Знаю, тетушка,» отвѣчала Маргарита простодушно.

Почтенная тетушка хотѣла однако жъ, чтобъ племянница догадалась, о чемъ идетъ рѣчь. Ей уже наскучило итти окольными дорогами до близкой цѣли.

— Герцогъ С. предобрый, премилый человѣкъ. Онъ охотно забываетъ свой санъ, и любитъ простое, непринужденное обращеніе. Прекрасный человѣкъ!...

«Можетъ быть, но ты, тетушка, забыла о моемъ отцѣ.»

— Вотъ то-то и есть, что не забыла, возразила тетка съ предпамѣренною усмѣшкою, которой Маргарита не поняла. Обращаюсь къ рѣчи: къ сожалѣнію, Герцогъ несчастливъ при своихъ благородныхъ чувствахъ; ему несносно, что, вмѣ-

сто добрыхъ сердецъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ корыстолюбіе, тщеславіе или политику. Ты могла бы осчастливить Герцога, добрая Маргарита.

«Я?» воскликнула испуганная Маргарита.

— Да, душа моя. Недавно была у меня очень важная особа: Герцогъ любитъ тебя и надѣется на взаимную любовь.

«Но вѣдь Герцогъ женатъ!»

— А, такъ вотъ что тревожитъ тебя, замѣтила тетка съ улыбкою, отыгрываясь софизмами; пѣтъ, на этотъ счетъ будь покойна. Если бы Герцогъ былъ простой мужъ, которому надобно было бы заботиться о хозяйствѣ, о семьѣ; то, разумѣется, онъ поступалъ бы гнусно, если бы не довольствовался любовію жены. Но люди знатные живутъ иначе; они смотрятъ на супружество какъ на форму, которая упрочиваетъ семейныя связи и даетъ потомство. О семейной любви такіе люди думаютъ рѣдко; имъ надобно жениться для имени. Не есть ли это доказательство добраго человѣка, когда онъ, при своихъ отношеніяхъ, сохраняетъ сердце для истинной любви.

«Тетушка, тетушка! Какъ ты можешь предлагать мнѣ такую любовь, сказала съ рыданіями Маргарита. Ахъ, ты жестоко насмѣхаешься надо мною!»

— Напротивъ, я вовсе не думала шутить; это дѣло серіозное.

«Но ты сама, тетушка, называешь свою честь священною; такъ неужели я должна пи во что ставить свою честь? О, вѣрно я заслужила, чтобы до такой степени ты презирала меня!»

— Глупенькая! Какъ могла ты подумать, что тетка, которая тебя любитъ, отдастъ на посрамленіе свою добрую племянницу? Неужели я позволю, чтобы Герцогъ не уважалъ тебя? Онъ самъ желаетъ только забывать возлѣ тебя о своемъ тягостномъ санѣ, поговорить съ тобою.... Ты обижаешь меня своею подозрительностью, какъ будто я хотѣла торговать тобою.

«Прости меня, тетушка, если я тебя оскорбила; не сердись, вспомни о моемъ безутѣшномъ положеніи. Но чего же ты требуешь отъ меня? Моего спокойствія, моего добраго имени, меня самое? Сжалься надо мною!»

— Повторяю тебѣ, Маргарита, что Герцогъ будетъ уважать тебя, что посѣщенія его будутъ тайныя, и что, слѣдовательно, тебѣ нечего бояться.

«Боже мой! Я все предвижу.... Зачѣмъ я дожила до такого несчастія!»

— Оставимъ же это, холодно сказала тетка, и завтра напишемъ отцу, что не можемъ помочь ему.

«Богъ поможетъ,» прошептала Маргарита, опустивъ въ изнеможеніи руки.

— Богъ не поможетъ, когда мы не хотимъ дѣлать того, что можемъ исполнить. Я не ожидала, чтобы ты приняла въ такую сторону мой совѣтъ, не думала, чтобы ты не согласилась облегчить наше бѣдственное положеніе.... Впрочемъ, я могу какъ нибудь пробиться, но отцу твоему будетъ грустно, что ты такъ дорого цѣнишь ласковое слово, которое бы могло спасти его. Я возвращу деньги.

При этихъ словахъ, тетка положила на столъ нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Невыразимое отчаяніе терзало Маргариту. Ея дѣвственное чувство сопротивлялось обычному повиновенію жизни, честь боролась съ дѣтскою любовію, съ стѣснительными обстоятельствами; сердце обливалось кровію. Если бы Маргарита могла взглянуть на свое положеніе спокойно, съ точки зрѣнія посторонняго человѣка, съ мягкаго дивана, то скорѣе приняла бы истинное намѣреніе, въ полной довѣренности къ божественному Провидѣнію. Но теперь, безъ воспитанія, которое бы могло укрѣпить ее въ надеждѣ на Бога, почти безсознательно, подчинялись мало по малу мысли о несчастіи отца, обманывая себя надеждою, что Герцогъ, быть можетъ, пощадитъ ее, Маргарита не могла выдержать борьбы.

«Я согласна,» прошептала она едва

внятно, и судорожно закрыла лице руками.

«И прекрасно, душа моя,» сказала обрадованная тетка: положись во всемъ на меня.»

Тетка обнила Маргариту, и оторвала отъ лица ея руки.

Маргарита была блѣдна, какъ мраморъ.

— Ты блѣдна какъ смерть! воскричала испуганная тетка.

«Ничего, тетушка! возразила Маргарита съ холодною улыбкою: честь!»....

— Полно, образумься, душа моя! Я увѣрена, что ты скоро поблагодаришь меня за всѣ хлопоты. Вотъ, посмотри: Герцогъ прислалъ мнѣ пятьсотъ талеровъ, разумѣется, не для того, чтобы купить тебя; нѣтъ, черезъ меня онъ узналъ о письмѣ, которое ты получила, и потому желаетъ помочь родителю драгоцѣнной для него особы. Кромѣ того, надобно же намъ поубрать наши комнаты къ его приходу. Завтра мы пошлемъ къ отцу триста талеровъ на выкупъ, да сто талеровъ на вспоможеніе; пятьдесятъ талеровъ надобно употребить на покупку тебѣ приличнаго платья и перчатокъ; остальные пятьдесятъ возьми себѣ....

«Оставь ихъ у себя, тетушка, съ ужасомъ проговорила Маргарита: мнѣ они не нужны»....

— Хорошо, я спрячу. Да утѣшься же, моя добрая, милая Маргарита. Жизнь наша исполнена непріятностей; разумѣется, было бы лучше, если бъ другіе должны были служить тебѣ, а не на оборотъ, но въ нашемъ положеніи, мы избрали себѣ самое лучшее средство. Вспомни только, что, по милости Герцога, мы опять увидимъ родину! Тамъ ты скоро забудешь о печальной жизни въ Стокгольмѣ, особенно о нынѣшнемъ, мучительномъ для тебя вечерѣ; мы заживемъ беззаботно, весело.... Теперь назначь мнѣ день, когда можетъ прійти Герцогъ? Онъ отнюдь не хочетъ безпокоить насъ.

«Завтра, послѣ завтра,» едва проговорила Маргарита.

Тетка, поцѣловавъ племянницу, пошла спать. Маргарита также бросилась на свою постель, но не могла уснуть, а провела всю ночь въ мучительной лихорадкѣ. Маргарита не плакала; сердце ея оледѣнѣло...

Принадлежала ли тетка Маргариты къ разряду постыдныхъ женщинъ? Быть можетъ, она сама себя обманывала на счетъ намѣреній Герцога; быть можетъ, она нарочно ни о чемъ не думала, когда ощутила въ рукахъ своихъ пукъ банковыхъ билетовъ, или, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣла сквозь пальцы на подобныя отношенія. Чрезвычайно трудно сообразить нравственную вину человѣка съ его воспитаніемъ, темпераментомъ, опытностью и внѣшнею независимостью; извѣстно, что большая часть проступковъ имѣетъ источникомъ не злость, но безсознательность, слѣпое стремленіе къ желаемому, необдуманное устраненіе внутренняго убѣжденія.

Тетка, дѣйствительно, любила Маргариту, и если бы Маргарита не обладала такимъ чистымъ, такимъ глубокимъ характеромъ, то рѣшимость ея ничего бы не значила, и не имѣла бы ни какихъ послѣдствій. Но, изъявивъ согласіе, Маргарита чувствовала, что сама на себя подняла руки, что съ этой минуты потеряла къ себѣ уваженіе, и превратила свою жизнь въ вѣчное наказаніе.

Маргарита чувствовала это, хотя и была оперная танцовщица....

Странно: на другой день, Маргарита прилежно принялась за уборку своей комнатки для Герцога; поблеклые вѣнки были спрятаны; Маргарита была серіозна, но обо всемъ заботилась, какъ будто съ произнесеніемъ рокового согласія, потеряла честь, и будто приходъ Герцога было дѣло обыкновенное.

А кто всему виною? Слабая женщина, которая, при другихъ обстоятельствахъ,

прожила бы честно, такъ честно, какъ живутъ сотни, тысячи женщинъ съ спокойною совѣстію.

II.

У Герцогини С. были гости. Общество отличалось людьми умными, образованными, и красотою женщинъ. Густавъ III, племянникъ Фридриха II, Короля Прусскаго, ввелъ при своемъ дворѣ топъ, прелесть котораго соперничествовала съ его образованіемъ. Но Дворъ Густава III имѣлъ даже преимущества передъ Дворомъ Берлинскимъ: утонченную, рыцарскую вѣжливость, родовое наслѣдіе Шведскаго народа, особенно династіи Вазы. Герцогъ С., справедливо считался любезнѣйшимъ мужчиною, угодникомъ прекраснаго пола. Супруга его, милая женщина, не больше двухъ лѣтъ соединенная съ нимъ узами брака, знала слабую сторону Герцога, и, не будучи въ состояніи привязать къ себѣ вѣтренника, старалась предупреждать тѣхъ придворныхъ дамъ, за которыми Герцогъ особенно ухаживалъ.

Не должно, впрочемъ, судить по нынѣшнему времени о легкомысленныхъ связяхъ, которыя считались достоинствами человѣка въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Надобно вспомнить, что религія не имѣла вліянія на тогдашнія отношенія, потому что люди во всемъ видѣли дѣйствіе интригъ, случая, какое-то восточное предопредѣленіе. Причину такихъ пагубныхъ мнѣній должно отыскивать во всеобщемъ разстройствѣ тогдашняго общества.

Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Герцогъ С. былъ въ оковахъ Графини Р., умнѣйшей кокетки, до того привлекательной, что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, ее называли цвѣткомъ Шведскаго Двора. Графиня умѣла воспользоваться этимъ временемъ, по странною чертою ея характера была ревность. Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Герцогъ, соблюдая строжайшее инкогнито, посѣтилъ Маргариту, а Графиня уже обо всемъ знала, и думала только о томъ, какъ бы снова привязать къ себѣ невѣрнаго. Графиня очень хорошо понимала, что этого можно достигнуть не сценою, не уединенными слезами, но искусно обдуманнымъ планомъ, и потому пустила въ ходъ всѣ нити, которыя должны были опутать Герцога, руководствуясь въ этомъ случаѣ вѣрнымъ инстинктомъ женщины, подчиняющей себѣ мужчину.

Однако, планъ Графини не удался. Между тѣмъ, какъ она надѣялась уничтожить прихоть Герцога ѣдкою солью остроумной атаки, въ Герцогѣ произошла удивительная перемѣна. Онъ, въ первый разъ въ жизни, любилъ. Его многочисленныя любовныя интриги, подобно блуждающимъ огнямъ, пролетѣли надъ зеленымъ лабиринтомъ его юности: любовь къ Маргаритѣ согрѣвала, оживляла его, какъ солнце. Миссъ Экерманъ, Миссъ Слотбергъ, и всѣ подобныя имъ женщины, были только разнообразными формами, подъ которыми Герцогъ отыскивалъ одну и туже чувственность. Быть можетъ, Герцогъ любилъ бы свою супругу, если бъ не былъ соединенъ съ нею условіями приличія. Герцогъ купилъ любовь и честь Маргариты, и, какъ будто въ наказаніе за такой поступокъ, подчинился вліянію любви и уваженія. Герцога серіозно занимала мысль объ устройствѣ бущей судьбы Маргариты.

Въ то время, предмстомъ общаго вниманія былъ Китаецъ, какими-то судьбами попавшій въ Швецію. Его часто приглашали ко Двору. Увидѣвъ однажды Графиню Р., этотъ Китаецъ спросилъ черезъ своего переводчика, чего она стоитъ, и изъявилъ желаніе увезти съ собою такую женщину въ подарокъ женѣ. Съ тѣхъ поръ, Графиня, которой, конечно, понравилась Азіятская острота, приняла подъ свое особенное покровительство Китайца. Въ этотъ вечеръ, онъ долженъ былъ показывать тѣни.

Послѣ чая, общество собралось въ тем-

ной гостиной. Катаецъ началъ выводить на стѣнѣ свои фантастическія фигуры. Порою являлся кустъ цвѣтовъ, наполненный райскими птичками, змѣями и бабочками; иногда показывались странные корабли съ развѣвающимися вымпелами; то вдругъ представлялось семейство, сидящее за чайнымъ столомъ, то изображалась охота или гора съ огнедышащими драконами: всѣ фигуры были очерчены весьма явственно.

— Это мужъ мой! закричала вдругъ Герцогиня со смѣхомъ, когда на стѣнѣ явился юноша, котораго молодая рыбачка тащила въ сѣтяхъ изъ воды.

«Въ самомъ дѣлѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ; какое сходство, какая странная случайность!»

Герцогу также показалась смѣшна эта выходка; онъ взялъ лорнетку.

— Да и женщина имѣетъ съ к—мъ-то сходство, хотя и не обращена къ намъ лицемъ.... Не могу вспомнить.

Герцогъ сталъ всматриваться пристальнѣе: сходство поражало его. Онъ узналъ черные, длинные волосы, граціозную, скромную фигуру, и въ одно мгновеніе понялъ всю интригу. Влюбленные соображаютъ скоро и вѣрно.

— Прекрасно, превосходно! Что вы скажете о такой странной случайности, Графиня? обратился Герцогъ къ Графинѣ Р., чтобы нечаяннымъ нападеніемъ сдѣлать съ нея личину.

«Въ самомъ дѣлѣ, странная случайность, Герцогъ! возразила Графиня съ удивительною притворною невинностію. Сюжетъ, вправдѣ, не дуренъ.»

— Да, и хорошо исполненъ.»

«Жаль только, что тѣнь этой любви исчезнетъ скоро.»

— Вы думаете?.... Сѣть, кажется, крѣпка.....

«Рыбачка счастлива! Невсякій ловъ такъ удаченъ.»

— Да, если не вмѣшается тутъ третья...

Гости не слыхали этого разговора; любовь тѣнями, они тщетно старались отгадать, на кого похожа рыбачка. Графиня между тѣмъ улыбалась такъ язвительно, что Герцогъ втайнѣ радовался новому предлогу къ разрыву съ нею. Опытная кокетка жестоко ошиблась въ своемъ маневрѣ: она желала разбить непріятеля враспохъ, а непріятель принудилъ ее къ постыдному отступленію. Впрочемъ, Графиня была столь горда, что не отказалась бы отъ дальнѣйшихъ плановъ, если бы даже и не чувствовала никакой склонности къ Герцогу... Она, надѣялась припомнить Герцогу нынѣшній вечеръ, мысленно упрекала его письма, исполненныя, по обыкновенію, увѣреній и клятвъ, утѣшала свое сердце, или вѣрнѣе, свое оскорбленное тщеславіе, воспоминаніемъ о первой молодости, и въ такихъ мечтахъ пріятно улыбалась. Когда тѣни кончились, утихло и ея душевное волненіе. Графиня простилась, очень любезно съ гостями.

А Герцогъ? Онъ торжествовалъ, потому что могъ теперь на свободѣ предаться своимъ любезнымъ мечтамъ. Никогда Графиня, не была, въ его глазахъ такъ нелюбезна, какъ въ нынѣшній вечеръ; она даже показалась ему противною, когда онъ узналъ интригу ревнивой кокетки. Собственно говоря, Герцогъ стыдился, что далъ полную свободу своимъ чувствамъ; но всякое размышленіе было напрасно: милый образъ Маргариты бралъ надъ всѣмъ рѣшительный перевѣсъ. Герцогъ чувствовалъ, что Маргарита не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ женщинъ, что равнодушіе тяготитъ ея жизнь. Утопая въ мечтахъ, онъ не помнилъ, что душа, свыкшаяся съ большимъ свѣтомъ, находящаяся съ нимъ въ продолжительныхъ, дѣятельныхъ сношеніяхъ, не способна къ дѣтскому, естественному образу жизни.

Графиня замышляла новую интригу. Герцогъ строилъ для Маргариты воздушные замки, и оба не думали, что Маргаритѣ уже не нужно ничего.

III.

Спустя недѣлю послѣ отсылки къ отцу денегъ на выкупъ изъ тюрьмы, Маргарита шла поспѣшными шагами черезъ Звѣринецъ къ пруду. Осмотрѣвшись и видя себя на единѣ, она стала на колѣни, прочитала Отче нашъ, и хотѣла броситься въ воду. Молодой человѣкъ, выбѣжавшій изъ-за куста, удержалъ ее. Испугавшая Маргарита узнала Графа Габріеля Оксенширну, который, читая книгу, гулялъ въ Звѣринцѣ.

— Что вы задумали? спросилъ онъ съ тою кротостію, которая была отличительнымъ его свойствомъ, какъ человѣка и поэта: вы такъ молоды и уже наскучили жизнію.

Смущенная Маргарита не говорила ни слова.

— Благодарю Бога, продолжалъ Графъ, что мнѣ удалось спасти человѣка отъ самоубійства. Если бы я не удержалъ васъ, то теперь, быть можетъ, духъ вашъ носился бы около этихъ мѣстъ, мучимый раскаяніемъ.

Маргарита печально покачала головою.

Вѣроятно, глубокая горесть подвигнула васъ къ такому поступку.?

«Да,» тихо отвѣчала Маргарита.

Уважаю ваше молчаніе, но не могу не желать узнать о томъ, что побудило васъ на такое богопротивное дѣло. Можетъ быть, я въ состояніи помочь вамъ. Имѣйте ко мнѣ довѣренность, я постараюсь оправдать ее.

Танцовщица съ чувствомъ взглянула на Графа.

«Графъ! сказала она, вы человѣкъ благородный; но я не стою вашего участія; я худо поступила съ своею волею, что жизнь стала для меня несносна.»

— Нѣтъ, возразилъ Графъ, тѣмъ глубже вы упали, по собственному вашему признанію, тѣмъ болѣе достойны участія, потому что сохранили чувство своего проступка. Не стыдитесь, говорите со мною, какъ съ врачемъ; мнѣ не достаточно, что я сохранилъ вамъ жизнь.»

«Извольте,» отвѣчала Маргарита послѣ нѣкотораго молчанія. «Вы сохранили мнѣ жизнь; узнайте же, какова эта жизнь.»

Маргарита сѣла на камень; Графъ, сложивъ руки на груди и прислонившись къ березѣ, сталъ насупротивъ. Удивительная сцена! Эта часть Звѣринца была всегда уединенная, тихая; только на вершинѣ высокихъ деревъ порхали возлѣ гнѣздъ своихъ птички, да вѣтерокъ рябилъ поверхность пруда. Небо разстилалось нѣжнокрасивымъ, облачнымъ кушакомъ, и вся эта задумчивая природа оживлялась присутствіемъ только двухъ разумныхъ существъ, которыя за пять минутъ, были чужды другъ друга, а теперь сблизились въ одну секунду необыкновеннаго встрѣчею. Графъ былъ одѣтъ просто, по чертами лица и благородною осанкою обличалъ въ себѣ достойнаго внука знаменитаго, почетнаго рода; онерная танцовщица, блѣдная, растерзанная внутреннимъ волненіемъ, была въ темносинемъ платьицѣ, которое едва смѣла носить какъ печально-сладкое воспоминаніе своей дѣвственной бѣдности. Маргарита дрожала, подобно колокольчику, который мы срываемъ на лугу, возвращаясь домой поздними Октябрскимъ вечеромъ. Чѣмъ болѣе гармонируетъ характеръ человѣка съ окружающими его предметами, тѣмъ яснѣе выказываются его отличительныя свойства: Маргарита, печальную жизнь которой, по справедливости, можно было сравнить съ Октябрскимъ вечеромъ, была необыкновенно прекрасна; мрачныя мысли оживили лицо ея; милая стыдливость разрумянила, какъ утренній разсвѣтъ, ея блѣдныя лапты въ ту минуту, когда она начала разсказывать свою повѣсть.

Маргарита ничего не скрыла; она умолчала только объ имени соблазнителя.

Настала минута молчанія. Маргарита въ недоумѣніи гладила рукою по мшистому камню, Оксенширна безмолвствовалъ; сердце его исполнено было искренняго сострадавія. Маргарита, сначала почувствовала облегченіе, передавъ свое несчастіе благородной душѣ, но, вспомнивъ о мрачной будущности, опять предалась безпредѣльной грусти.

— Съ потерею чести, говорила танцовщица, мнѣ уже нечего было терять, не исключая и самой жизни. Когда я вчера танцовала въ оперѣ, публика, казалось, съ укоромъ смотрѣла на меня; въ звукахъ инструментовъ мнѣ слышался мой позоръ; полъ колебался подо мною.... Но когда я замѣтила, что супруга моего соблазнителя преслѣдуетъ меня въ подзорную трубку, я едва могла добраться до кулисъ, и тамъ упала въ обморокъ..... Къ чему же мнѣ влачить жалкую жизнь? Я никогда не могу быть счастливою, и никогда не знала счастія. Днемъ, я безпрестанно думаю о своемъ проступкѣ; почью, засыпая въ слезахъ, я вижу передъ собою покойную матушку, которая гнѣвно смотритъ на меня, и съ угрозою отталкиваетъ отъ себя.... Нѣтъ, Графъ, вы не знали, какую печальную жизнь мнѣ возвратили; иначе, вы пожелали бы мнѣ смерти.

Оксенширна смотрѣлъ на Маргариту съ сострадавіемъ и какою-то важностію.

«Но неужели вы думаете, возразилъ онъ, что смерть положила бы предѣлъ вашимъ страданіямъ? Неужели вы надѣялись, что душа ваша вдругъ лишится сознанія проступка, и, при переходѣ въ другой міръ, забудетъ о случившемся? Развѣ самоубійство могло загладить вашъ проступокъ. Смерть не возвратитъ вамъ потерянной чести, и вамъ также было бы стыдно передъ жителями другаго міра, какъ и здѣсь..... Не почитайте меня человѣкомъ жестокосердымъ или односторонникъ, за то, что я высказалъ вамъ въ надлежащемъ видѣ вашъ поступокъ. Я говорю съ вами свободно, серіозно, потому что наше необыкновенное знакомство освобождаетъ меня отъ всѣхъ пустыхъ приличій. Прежнимъ спокойствіемъ вы никогда не будете наслаждаться; утро вашей души навсегда миновалось; но, призвавъ на помощь религію и разсудокъ, вы можете укрѣпить растерзанный духъ: Богъ, воскрешавшій мертвыхъ, исцѣлитъ и сердце, лишенное жизни. Прошедшаго, конечно, ни чѣмъ не воротишь, но умѣйте жить въ настоящемъ такъ, чтобы оно разумно соприкасалось прошедшему и будущему. Это не трудно для человѣка съ твердою волею. Положитесь во всемъ на Милосердаго Бога, на время, которое все покрываетъ, и будьте увѣрены, что во мнѣ найдете истиннаго друга.

Маргарита сдѣлала быстрое движеніе, чтобы упасть къ ногамъ Графа; Оксенширна удержалъ ее, и сказалъ:

— Богъ проститъ васъ, простите же и вы сами себя!

Танцовщица смотрѣла на Графа, какъ смотритъ раскаявшійся ребенокъ на мать; въ глубинѣ охлажденнаго сердца она почувствовала пламя, которое вскорѣ обхватило весь ея жизненый организмъ: то была утѣшительная мысль о прощеніи, радостная увѣренность, что нашлась душа, которая понимала не одинъ разговорный языкъ. Маргарита уподоблялась ясновидящей, которая вся переходитъ въ бытіе своего магнетисма, которой жизнь вращается совершенно въ другомъ мірѣ, и вотъ почему она и не помнила, что оставалась на единѣ съ молодымъ человѣкомъ. Маргарита забыла все: она была слѣпа, по ясновидяща, какъ любовь.

Оксенширна, продолжая ободрять несчастную, заставилъ ее дать клятву не думать болѣе о самоубійствѣ. Маргарита поклялась почти безсознательно; она невольно подчинилась волѣ своего спасителя.

Разговарпвая такимъ образомъ, они дошли до входа въ звѣринецъ. Графъ взялъ у Маргариты адресъ, и сказалъ ей,

что черезъ двадцать четыре часа она будетъ въ безопасности.

—Что бы ни случилось, помните только, что Богъ никогда не оставляетъ человѣка, исполняющаго свою обязанность. Провидѣніе, подобно солнцу, никогда не чуждается людей.

Маргарита слѣдила глазами за удалившимся Графомъ. Она чувствовала невыразимую горесть, которая между тѣмъ облегчала душу. Глаза Маргариты постепенно наполнялись слезами, смотря на исчезавшаго вдали спасителя.

Маргарита стояла спокойно, какъ статуя, едва переводя духъ, какъ будто душа ея улетала вмѣстѣ съ Оксенширною. Вдругъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, промчалась коляска, запряженная четверкою: это былъ Герцогъ С. съ своею супругою. Увидѣвъ танцовщицу, Герцогъ наклонился впередъ, равно какъ и Герцогиня, невольно послѣдовавшая примѣру мужа. На бѣдную Маргариту напалъ какой-то ужасъ; она дрожала, думая, что Графиня бросила на нее грозный взглядъ..... Маргарита была въ такомъ смущеніи, что въ ту самую минуту, когда Герцогъ хотѣлъ схватить у кучера возжи, лошади, сдѣлавъ неожиданный поворотъ, перебѣжали черезъ несчастную дѣвицу....

Испуганный Герцогъ приказалъ остановиться, выпрыгнулъ изъ коляски, но оперная танцовщица уже не существовала.

ЛЕКЕНЪ ВЪ ПРОВАНСѢ.

«Проклятое ремесло! Вѣчно и безъ отдыха въ дѣлѣ! То будь мужикомъ, то какимъ нибудь курацапомъ, то слугою, а иногда даже и воромъ. То неси письмо, то подавай ядъ! Слушай громкія и длинныя фразы и отвѣчай, однимъ словомъ, то гни шею подъ тяжелымъ шишакомъ, а спину подъ палкой; кажись вѣчно дуракомъ — словомъ, играй тѣ роли, отъ которыхъ всѣ отказываются: вотъ мое амплуа, вотъ жизнь, которую веду четыре года, безъ славы и пользы, получая скудное жалованье, которое едва достаточно для того, чтобъ не умереть съ голода!....»

Такъ говорилъ бѣднякъ, выйдя въ полночь изъ Марсельскаго Театра и поспѣшая домой, укрыться отъ дождя, который лилъ, какъ изъ ведра. Онъ остановился у двери дома незавидной наружности, махнулъ съ трагическимъ жестомъ своимъ ключемъ, который держалъ въ рукѣ, вложилъ его въ замокъ, отперъ дверь, и вошелъ ощупью въ свое убогое жилище. Зажегши свѣчу, онъ увидѣлъ на печкѣ двѣ бумаги, взялъ въ руки и, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «Прекрасно! Это повѣстка изъ магистрата; — а вотъ письмо отъ Флорины! Ядъ и противоядіе! Спачала возьмемся за дѣла! Что гласитъ повѣстка?.... Въ четвертокъ, сего 22-го Апрѣля 1774 года, мы, и проч. и проч., Г-ну Феликсу Догару, драматическому артисту, объявляемъ нижеслѣдующее: Послику.....» Экій дьявольскій слогъ! Никакъ не могу привыкнуть къ этимъ варварскимъ выраженіямъ! Посмотримъ, однако жъ, что мнѣ объявляютъ!... Что мои мебели будутъ описаны послѣ завтра,

и проданы съ молотка! Превосходно! Мои мебели! Господа подлячіе вознамѣрились мнѣ льстить: милости просимъ описывать всю эту мебель, когда вамъ того непремѣнно хочется! Только жестоко ошибутся господа подлячіе. Жалкая кравватченка, столъ на трехъ ножкахъ, бутылка, заступающая мѣсто подсвѣчника, и старый греческій плащъ, завѣшенный въ окошкѣ вмѣсто занавѣса — вотъ вся роскошь драматическаго артиста Догара! Тутъ, кажется и подъячіе останутся въ накладѣ, а я, между тѣмъ, раздѣлаюсь съ ними, брошу эту квартиру и буду ночевать на баркахъ, въ портѣ! Теперь кстати приближается лѣто!»

Догаръ прервалъ свой монологъ смѣхомъ, исполненнымъ сердечной горести; потомъ продолжалъ философскимъ тономъ: «Какъ люди глупы! Если бъ я послушался отца, я могъ бы быть нотаріусомъ въ какой нибудь веселой деревушкѣ, жилъ бы счастливо, тихо, безсзаботно,описывая, за умѣренную цѣну, свадебные контракты и завѣщанія. Но я воображалъ, что мнѣ назначенъ высшій удѣлъ! Я мечталъ о жизни, полной славы и независимости! Мною овладѣла гордость и меня увлекла пылкость молодости! Я оставилъ свою деревню, и съ тѣхъ поръ бѣдность со мною неразлучна. Авось письмо Флорины, утѣшитъ меня!»

Письмо Флорины было слѣдующаго содержанія:

«Батюшка сказалъ мнѣ, что дочери перваго тенора, управляющаго оркестромъ, такой неизвѣстный актеръ, какъ вы, — вовсе не пара. Онъ рѣшился выдать меня замужъ за кларнетиста, который получаетъ за уроки въ городѣ 36 ливровъ въ мѣсяцъ. Вы надѣетесь на будущность и на успѣхъ. Желаю душевно, чтобъ надежды ваши исполнились. Вы заклинаете меня любовью подождать, пока судьба ваша улучшится; я соглашаюсь, во имя любви, дождаться до конца мѣсяца. Но если до того времени ваше положеніе не улучшится, я буду вынуждена выйти замужъ за ненавистнаго мнѣ кларнетиста. Прощайте!»

— Она хочетъ ожидать до конца мѣсяца, а сегодня уже 22-е число! Какое терпѣніе! Изволь-ка пріобрѣсть славу и богатство въ восемь дней!.... За талантомъ-то у меня дѣла не станетъ; у меня есть умъ, душа, пылкость.... Я знаю наизусть всѣ первыя трагическія роли, и я игралъ ихъ съ успѣхомъ, въ обществахъ! Безъ хвастовства могу сказать, что я не дуренъ собою! Восемь вершковъ, черты лица выразительныя, голосъ звонкій! Конечно, въ средствахъ у меня нѣтъ недостатка; но я никогда не могъ найти случая развить передъ публикой всѣхъ своихъ способностей, и доказать ей, что я созданъ для первыхъ ролей. Пусть только разъ поставятъ меня въ выгодномъ свѣтѣ, и я скоро пріобрѣту себѣ и славу и деньги!

На другой день, Догаръ игралъ самую лучшую роль въ своемъ незавидномъ амплуа; онъ употребилъ все свое усиліе, чтобъ отличиться, и былъ *освистанъ*. Послѣ спектакля хотѣлъ онъ объясниться съ Флориною, но она отъ него отворотилась. «Вотъ женщины!» сказалъ Догаръ: «въ нихъ сердцѣ, какъ на сценѣ: свистокъ явный сигналъ чистой перемѣны декорацій!»

Въ это время важная новость волновала Марсельскій Театръ. Лекенъ долженъ былъ дать нѣсколько представленій въ Провансѣ. Этотъ знаменитый трагикъ, въ первый разъ объѣзжалъ южную Францію, и прибытія его ожидали съ нетерпѣніемъ. Въ 1774 году нужно было не менѣе трехъ недѣль для переѣзда изъ Марсели въ Парижъ; не многіе предпринимали этотъ далекій путь, такъ что немногимъ жителямъ Прованса удалось видѣть Лекена на первомъ Парижскомъ Театрѣ (Théâtre Français). Въ тотъ вечеръ, когда Догаръ былъ освистанъ, директоръ театра получилъ отъ Лекена письмо, которое онъ прочелъ громко, за кулисами, въ присутствіи многихъ. Знаменитый тра-

гикъ извѣщалъ, что онъ пріѣдетъ въ Прованс восемью днями позже назначеннаго срока, и просилъ Марсельскаго директора предварить о томъ своего собрата, директора Эсскаго (Aix) Театра.

Чрезъ четверть часа послѣ этого, режиссеръ позвалъ Догара, и сказалъ: «Отнесите сейчасъ это письмо къ почтальону, который ѣдетъ въ Эсъ, и распорядитесь, чтобъ оно непремѣнно было отправлено завтра утромъ.»

Догаръ принялъ порученіе съ неудовольствіемъ; но онъ былъ такъ униженъ свистомъ партера, что не смѣлъ явно обнаружить чувства оскорбленнаго достоинства. Онъ взялъ письмо и вышелъ, повѣся голову. Гордость его пробудилась только на улицѣ: здѣсь онъ далъ свободу своему негодованію.

«За кого они меня принимаютъ?» говорилъ онъ, размахивая руками, какъ сумасшедшій: «Лакей я, что ли? Имѣютъ ли они право разсылать меня по городу съ письмами, потому только, что я ихъ ношу иногда на сценѣ! Какое униженіе! Два оскорбленія въ одинъ вечеръ, не говоря о презрѣніи Флорины!.... Это ужъ слишкомъ! И я думаю, что мнѣ лучше всего броситься въ море!.... Да и къ чему мнѣ жизнь, въ вѣчной борьбѣ съ нищетою и неизвѣстностью?.... Лекенъ! Вотъ счастливецъ, вотъ человѣкъ, котораго жизнь прекрасна! Слава, деньги, удовольствіе, почести! Что бы ему стоило дать мнѣ ходъ?... Но въ нашемъ искусствѣ возвышаются сами собою, а не чрезъ другихъ!...»

Вдругъ, по среди этихъ мрачныхъ размышленій, свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ Догара.... «Это вдохновеніе свыше, или наважденіе дьявола!» вскричалъ Догаръ. «Но что за нужда, и чѣмъ рискую я въ моемъ положеніи? Я могу поправить дѣла только предпріятіемъ смѣлымъ, отчаяннымъ!.... И такъ, вооружимся мужествомъ и отвагою!»

Догаръ разорвалъ письмо, потомъ, возвратясь въ театръ, сказалъ режиссеру, что порученіе его исполнено. Ночью, смѣлое намѣреніе артиста утвердилось еще болѣе. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ отправился въ дорогу, пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ. Въ полдень, онъ явился къ директору Эсскаго театра.

«Ну! вотъ и я; точность называютъ вѣжливостью таланта! Вы ожидали меня сегодня, не такъ ли?»

— Но, позвольте спросить напередъ, кто вы?

«Лекенъ!»

— Лекенъ! Какъ! вы знаменитый Лекенъ! Извините, сдѣлайте милость, что я принялъ васъ немножко невѣжливо. Но могъ ли я подозрѣвать, чтобъ....

«Чтобъ Лекенъ явился въ такомъ жалкомъ видѣ? Не правда ли? И точно, это очень странно. Это удивительная исторія, ужасное приключеніе! Вообразите себѣ, любезнѣйшій, что я къ несчастію повстрѣчался на дорогѣ съ Гаспаромъ де Бессе и его шайкою: эти разбойники начисто меня ограбили; отняли 20,000 ливровъ, которые я получилъ въ Лионѣ, и всѣ мои костюмы, стоившіе мнѣ болѣе десяти тысячъ ефимковъ! Злодѣи разбили карету мою на тысячу кусковъ, а человѣкъ мой, при этой опасности, счелъ за благо бѣжать — и вѣрно до сихъ поръ бѣжитъ не оглядываясь! И вотъ, любезный другъ, въ какое непріятное положеніе поставили разбойники, опустошающіе вашъ прекрасный край — перваго трагическаго актера нашего времени!....»

Директоръ былъ тронутъ несчастнымъ приключеніемъ, которому подвергся знаменитый артистъ; онъ предложилъ ему значительную сумму, въ счетъ той, которая будетъ еще причитаться за его представленія. Догаръ принялъ. Чрезъ часъ весь городъ уже зналъ о пріѣздѣ Лекена и о случившемся съ нимъ приключеніи. Разсказывали, какъ между Авиньономъ и Оргономъ его остановилъ Гаспаръ де Бессе, который отнялъ у него на сто тысячъ серебра и драгоцѣнныхъ камней; со всѣхъ сторонъ сыпа-

лись великому трагику посѣщенія и услуги. Кавалеръ де Кастеланъ прислалъ ему своего камердинера для услугъ; многіе дворяне предложили ему сколько угодно денегъ; Президентъ д'О...., у котораго во время масляницы играли трагедіи, отправилъ къ нему костюмы своихъ домашнихъ актеровъ; чиновникъ главнаго прокурора явился для выслушанія его жалобы, и обѣщалъ, что къ понмкѣ разбойниковъ будутъ употреблены самыя дѣятельныя мѣры, и что, безъ сомнѣнія, ему будетъ возвращена его собственность въ самомъ скоромъ времени....

Когда камердинеръ кавалера де Кастелана щегольски завилъ и причесалъ Дограра, и одѣлъ его въ дорогое платье, наружныя достоинства его выказались въ полномъ блескѣ. На дворѣ трактира, гдѣ жилъ Дограръ толпился народъ; всѣмъ хотѣлось взглянуть на него, при выходѣ изъ дома, на репетицію, и всѣ любопытные, въ особенности женщины, удивлялись его прекрасной наружности.

— Совершенно такъ, говорилъ директоръ театра, представляя я себѣ Лекена! Высокій, черноволосый, красивый, стройный. Нѣкоторые воображали, нѣ знаю по какимъ-то критикамъ, что вы малы, толсты и дурны лицемъ! Тройная клевета!

«Что дѣлать, любезнѣйшій, талантъ имѣетъ всегда завистниковъ! Не знаю гдѣ-то есть писатель, по имени Мармонтель, который сердится на меня за то, что я изъ дружбы поправлялъ, иногда, его стихи. За это онъ и написалъ съ меня такой невыгодный, пристрастный портретъ! Къ счастію, мнѣ стоитъ только показаться, заблужденіе тотчасъ исчезаетъ, и клевета обращается въ ничто.»

— Что угодно вамъ играть для перваго представленія?

«Что вамъ угодно! мнѣ все равно. Вамъ извѣстенъ мой репертуаръ; объявите, если угодно, Венцеслава и Британника.

— Двѣ трагедіи! Развѣ вы не боитесь усталости?

«Я? полно-те! Я привыкъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, я игралъ въ Парижѣ тридцать дѣйствій сряду.»

— Какъ! шесть трагедій въ одинъ вечеръ?

«Нѣтъ, одну, Занру. Партеръ былъ въ такомъ восторгѣ отъ моего таланта, что я долженъ былъ вновь начинать піесу пять разъ. Вольтеръ плакалъ отъ радости и утѣшенія....»

Толпа зарапѣе осаждала входы въ театръ, чтобъ видѣть Лекена въ ролахъ Венцеслава и Нерона. «Вотъ рѣшительная минута!» сказалъ, про себя, Дограръ, «минута, — въ которую взлечу до облаковъ или попаду въ самую глубь преисподней!» До спектакля онъ отлично пообѣдалъ; три бутылки шампанскаго придали ему увѣренность и трагическій жаръ. Онъ вышелъ на сцену твердымъ шагомъ, декламировалъ съ одушевленіемъ, игралъ съ чувствомъ и порывомъ; онъ былъ удивителенъ, восхитителенъ, великъ! Аплодисментамъ не было предѣловъ; вырывались даже крики удивленія: никогда еще ни одинъ актеръ не стяжалъ такого блистательнаго успѣха!

Лучшая молодежь города пришла къ нему въ уборную, и отвезла его съ тріумфомъ въ гостинницу Г...., гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный ужинъ. Лекенъ былъ царемъ праздника; его просили разсказать свои любовныя похожденія въ Парижѣ; всѣ окружали его вниманіемъ и поздравленіями. Послѣ ужина играли въ карты, и Дограръ выигралъ тристa луидоровъ.

На другой день, просыпаясь, Дограръ сказалъ про себя: «Нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ великіе мужи!» —

Онъ еще былъ въ постелѣ, когда къ нему принесли пять или шесть душистыхъ записочекъ.

— «Еще выгоды моей знаменитости!» вскричалъ онъ: «Бѣдная Флорина, ты мнѣ измѣнила, забыла меня, оставила потому,

что меня освистали; а между тѣмъ, гоненія эти доставили мнѣ состояніе и славу, придавъ мнѣ мужество и отвагу, которыя породило отчаяніе!»

Во второе представленіе восторгъ публики былъ вдвое болѣе прежняго. При выходѣ изъ театра, четыре человѣка схватили Догара, и насильно посадили въ посилки, которыя остановились передъ маленькою дверью, въ глухой улицѣ. Но тамъ Догара встрѣтилъ молодой офицеръ, который попросилъ его объясниться, и раздѣлаться за волокитство.

«Завтра утромъ, милостивый государь если вамъ угодно,» сказалъ трагикъ.

— Нѣтъ, сейчасъ. Скорѣе шпагу въ руки! эти люди намъ посвѣтятъ фонарями.

До сихъ поръ, подумалъ Догаръ, я только наслаждался новымъ моимъ положеніемъ, а вотъ пришла и неудача! Въ жизни не держалъ я въ рукахъ шпаги; но что нужды, надобно поддержать свое достоинство!

Догаръ сталъ въ позицію и дрался такъ же, какъ игралъ трагедію, то есть съ такимъ жаромъ и дерзостью, что ранилъ своего противника.

Этою дуэлью онъ довершилъ свое торжество, и стяжалъ себѣ славу и успѣхи блистательные и многочисленные, во всѣхъ отношеніяхъ. Уже пять дней Догаръ пользовался извѣстностію и славою великаго мужа, какъ вдругъ, между надушенными женскими посланіями, онъ нашелъ одно письмо, въ которомъ любовь проявлялась въ самомъ заманчивомъ видѣ. Одна вдовушка, еще молодая и получающая 15,000 ливровъ годоваго дохода, предлагала ему свою руку съ условіемъ, чтобъ онъ оставилъ сцену и жилъ съ нею въ замкѣ ея, въ окрестностяхъ Ниса. Свиданіе назначено было на бульварѣ, гдѣ онъ долженъ былъ дать послѣдній отвѣтъ.

Въ тотъ же день, какой-то пріѣзжій, остановившись у дверей гостиницы, гдѣ жилъ Догаръ, читалъ съ удивленіемъ огромную театральную афишу, въ которой возвѣщено было *шестое* представленіе Лекена, Придворнаго актера и *перваго* Французскаго трагика. На афишкѣ находилось замѣчаніе: «По случаю огромнаго успѣха Г-на Лекена, и чрезмѣрнаго стеченія публики, касса будетъ открыта съ полудня.»

Пріѣзжій желалъ занять квартиру въ гостинницѣ, лучшей въ Эсѣ. Хозяинъ объявилъ ему, что онъ можетъ располагать одной только комнатой, въ третьемъ этажѣ, потому что второй этажъ занятъ важнымъ чиновникомъ, а въ первомъ этажѣ живетъ знаменитый Лекенъ.

Пріѣзжій занялъ комнату въ третьемъ этажѣ, и тотчасъ велѣлъ вести себя къ знаменитому Лекену.

— Милостивый государь! сказалъ онъ, входя къ Догару; я имѣю честь говорить съ *знаменитымъ* Лекеномъ?

«Точно такъ! Что вамъ угодно?»

—Я въ восторгѣ отъ вашего таланта! — «Фраза избитая, любезнѣйшій:» — Пріѣзжій продолжалъ: «Я провинціальный актеръ; мучимый честолюбіемъ, я горю желаніемъ достигнуть извѣстности. Увѣренъ, что ваши совѣты могли бы принесть мнѣ величайшую пользу. Вы мнѣ позволите продекламировать одну сцену? Потомъ скажите о ней ваше мнѣніе.»

«Хорошо, мой другъ; я васъ слушаю!»

Пріѣзжій началъ декламировать сцену изъ *Танкреда*. Съ первыхъ стиховъ Догаръ побѣдѣлъ, потомъ задрожалъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ упалъ на колѣни, вскрикнувъ: «Вы Лекенъ!.... Простите несчастному!»

Лекенъ поднялъ Догара, безъ гнѣва, и этотъ разсказалъ ему свою исторію съ полною откровенностію.

— Вижу, по крайней мѣрѣ, сказалъ Лекенъ, выслушавъ его разсказъ: вижу, что ты мнѣ нисколько не повредилъ. Ты имѣлъ успѣхъ, дрался на дуэли, былъ счастливъ въ волокитствѣ — и такъ, я не имѣю права на тебя жаловаться. Впрочемъ, это шутка не глупая! Что ты играешь сегодня?»

— Вандома.

— «Это лучшая моя роль. Я пойду смотрѣть *себя!*»

Послѣ спектакля, Лекенъ пришелъ къ Догару на квартиру, и сказалъ ему:

— Ты игралъ, какъ школьникъ; но, можетъ быть, поддѣлываясь подъ мою игру, ты не имѣлъ бы такого успѣха. Ты играешь просто дурно, но у тебя проскакиваютъ мѣста хорошія. Пріѣзжай въ Парижъ, я позабочусь, чтобъ доставить тебѣ мѣсто въ первомъ Французскомъ Театрѣ.

«Благодарю васъ!» отвѣчалъ Догаръ; «возвращаю вамъ съ благодарностью ваше имя, и хочу оставить вовсе сцену.»

— Ну, это еще не большая потеря для драматическаго искусства!

«Онъ завидуетъ мнѣ, подумалъ Догаръ, да это меня и не удивляетъ.»

Догаръ не замедлилъ явиться на свиданіе, назначенное вдовою; онъ нашелъ, что она была очень мила, не старѣе тридцатипяти лѣтъ, имѣла живые глазки и красивую осанку. Разговоръ былъ продолжителенъ, но съ первыхъ словъ они во всемъ были согласны.

«Вы хотите непремѣнно,» сказалъ Догаръ, «чтобъ я оставилъ сцену?»

— Непремѣнно!

«Слѣдовательно вы выходите за меня замужъ не для *славы* моей, ни для состоянія, потому что я вамъ сознался, что у меня его нѣтъ, наконецъ, вы, выходите за меня замужъ даже не для того имени, потому что Лекенъ прибранное мною прозваніе, какъ водится между актерами. Въ частной жизни, передъ судомъ и священникомъ, я долженъ явиться подъ моимъ настоящимъ именемъ. Меня зовутъ Догаромъ!

— Пусть будетъ Догаръ. Что мнѣ нужды въ вашей славѣ и знаменитости имени Лекена. Увидѣвъ васъ въ трагедіи, я удостовѣрилась, что вы обладаете возвышенными чувствами, благороднымъ сердцемъ и пылкою душою. Вотъ что меня плѣняетъ, вотъ за что я выхожу за васъ замужъ!

«Въ такомъ случаѣ, по рукамъ, да и за свадьбу!»

Нѣсколько дней спустя послѣ этого свиданія, Догаръ уѣхалъ съ женою въ Марсель. Они отправились въ театръ, гдѣ играли Аделанду Дюгеклепъ.

— Какъ называется актеръ, который играетъ роль Вандома? спросила Г-жа Догаръ у своего мужа.

— «Лекенъ!»

— «Что вы говорите? А вы?»

Тутъ Догаръ разсказалъ свое приключеніе женѣ. Выслушавъ позднее признаніе, она простила мужа, потому что, въ медовый мѣсяцъ, жены, особенно вдовушки, вышедшія замужъ, вторично бываютъ вообще чрезвычайно снисходительны, особенно къ мужьямъ молодцамъ и красавцамъ.

ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ НРАВОВЪ.

Отрывки изъ философическихъ записокъ отставнаго суфлера,

ФОКИ САВЕЛЬИЧА ПѢТУШКОВА.

I.

два великій человѣкъ шагнулъ на Іосафатову Долину, или, по просту сказать, волею Божіею, *помре*, тотчасъ налетитъ на память его стая хищныхъ враговъ, какъ то: журналисты, біографы, статьеслагатели, статьепродавцы, сочинители драматическихъ воспоминаній, обозрѣній, издатели того, сего, а въ сущности, *ничего*, и давай терзать и грызть нетлѣнный остовъ великаго мужа, т. е. память о его талантѣ! Отыди же, азъ грѣшный, на лоно Авраамле, только и шуму будетъ на свѣтѣ, что стукъ отъ сколачиванія четырехъ досокъ, для вмѣщенія тѣла, которое, въ теченіе сорока лѣтъ, лишено было благотворныхъ лучей восходящаго полуденнаго и заходящаго солнца; тѣла, которое три четверти жизни погребено было въ суфлерской норѣ, тѣла, угнетавшаго въ продолженіе сорока лѣтъ душу, которая изъ самоотверженія въ пользу искусства, одушевляла другихъ, а сама долженствовала оставаться холодною! Никто не зналъ и не видалъ суфлера, при жизни его, кромѣ засѣдателей райка, взиравшихъ съ почтеніемъ на его лысину, повертывавшуюся въ норѣ, съ быстротою молніи, во всѣ стороны, и никто, по смерти суфлера, неузнаетъ, какую важную роль игралъ онъ въ закулисномъ мірѣ!—*Люди*, виноватъ, въ закулисномъ мірѣ нѣтъ *людей*; да намъ и дѣла нѣтъ до людей: у насъ міръ Божій раздѣляется на *публику*, *актеровъ* и *театральную контору*, выплачивающую жалованье. Извѣстно, что такъ называемые *люди*, т. е. публика, обо всемъ судитъ по наружности. Смотря на зданіе, она хвалитъ или критикуетъ колонны, фронтоны, куполы, а и не подумаетъ о фундаментѣ, на которомъ утверждено зданіе. Человѣку отдаютъ почесть по платью и по мѣсту; по существу же самаго дѣла, мѣсто мое самое *невидное* въ театрѣ, т. е. подъ поломъ, а для этого мѣста нельзя ничего лучше прибрать, какъ фризовую шинель, слѣдовательно, обо мнѣ нельзя судить ни по мѣсту, ни по платью. Но, сидя подъ поломъ, въ фризовой шинели или нанковомъ сертукѣ, и будучи, такъ сказать, попираемъ *ногами* актеровъ, я всегда въ *головѣ* у нихъ, потому что отъ суфлерской реплики зависитъ ино-

гда успѣхъ цѣлой сцены. Суфлеръ—краеугольный камень, на которомъ основано великое зданіе драматическаго искусства! Публика этого не знаетъ, и ей никто о томъ не скажетъ кромѣ самого суфлера. Спросите актеровъ о суфлерѣ—правды не услышите! Каждый актеръ скажетъ вамъ, что не имѣетъ нужды въ суфлерѣ, и это точно такая же правда, когда актеръ станетъ васъ увѣрять, что онъ въ бенефисѣ своей помышляетъ объ одной славѣ, о пользѣ искусства, а не о деньгахъ! Пожалуйте на репетицію, тутъ вы удостовѣритесь, что труппа безъ суфлера то же, что стадо безъ пастыря. Если въ авторѣ есть на грошъ самолюбія, а, по несчастію, господа авторы нагружаются этимъ товаромъ свыше капитала своего ума—словомъ если Г. авторъ, правильнѣе подражатель, не вовсе глупъ (а между авторами и это не рѣдкость), то на репетиціи онъ точно въ пыткѣ. И великіе и малые артисты, и герои и героини безъ суфлера—кто въ лѣсъ, кто по дрова! Нѣтъ суфлера, нѣтъ порядка, нѣтъ смысла въ піесѣ, нѣтъ памяти, нѣтъ чувства, это хаосъ, и притомъ безъ мірозданія! А на что же режиссеръ? спросите вы. И я васъ спрошу, въ свою очередь: на что режиссеръ?—Когда режиссеромъ труппы былъ Моліеръ, я понимаю, къ чему онъ былъ пригоденъ; а теперь каждый, не только артистъ или актеръ, но даже актеришка и фигурантъ почитаютъ режиссера равнымъ себѣ, если не по таланту, то по званію, потому что режиссеръ такой же актеръ, а часто актеришка, какъ и всѣ прочіе; а виданое ли дѣло, чтобъ повиноваться *равному*, когда онъ не кормитъ, не поитъ, и не даетъ денегъ въ займы! Меня же, напротивъ, всѣ почитаютъ *низшимъ*, и потому повинуются мнѣ, не признавая моей власти. Одинъ предобрый, т. е. пресердитый журналистъ, мой покровитель, сказалъ мнѣ однажды, не знаю въ шутку ли или за правду, что власть моя похожа на невидимую власть того загадочнаго лица, которое въ Средніе Вѣки, до Мартина Лютера, управляло полусвѣтомъ, и называло себя смиренно: *слугою слугъ*. Что такое Средніе Вѣки, Мартинъ Лютеръ и прочее, не берусь толковать, потому что не понимаю; но видно, это что-то важное, потому что журналистъ, ударивъ меня по плечу, примолвилъ: «Мужайся и терпи: ты великій мужъ, при тебѣ невидимая сила, которая вдвое важнѣе силы видимой!» И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни гордится актеръ предо мною, а возьмите его въ тиски, такъ онъ сознается, что я важнѣе всѣхъ лицъ въ театрѣ, разумѣется, кромѣ директора и казначея. Я сказалъ: *разумѣется*, но мнѣ надлежало бы сказать *подразумѣвается*, потому что мой покойный предмѣстникъ говорилъ: «И милость директора къ артисту зависитъ, часто, отъ ловкости суфлера, слѣдовательно и исправность казначея—эхо директорской милости, основано на томъ же!» — *Люди*, виноватъ, опять забылся, въ отставкѣ, *публика* толкуетъ о герояхъ, героиняхъ, Гамлетѣ, Ричардѣ, Агамемнонѣ, Медеѣ, Гоѳоліи, ну, право не вспомню всей этой тарабарщины; все это пустое! Я важнѣе всѣхъ Агамемноновъ и Гамлетовъ! Въ закулисномъ мірѣ нѣтъ ни исторіи, ни романа, ни миѳологіи, ни существенности, ни прошедшаго, ни настоящаго: за кулисами свой міръ, и мы только случайно узнаемъ, что

дѣлается въ дѣйствительномъ мірѣ. Безъ *Сумятовъ* и *Боболины*, въ закулисномъ мірѣ знать бы не хотѣли объ освобожденіи Греціи; безъ балета *Венгерская хижина* и безъ оперы *Швейцарское семейство*, мы бы до сихъ поръ не знали о существованіи Вѣнгріи и Швейцаріи! За кулисами все равно, что Цесарь и Наполеонъ, и что опера *Двое слѣпыхъ* или фарсъ *Мирошка и Филатка!* Въ закулисномъ мірѣ лица не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; тамъ важны только: *піеса, роль, бенефисъ* и *суфлеръ!* Кто что знаетъ, что чувствуетъ *онъ* театральнаго міра, держи дома или за пазухой, а за кулисами все то лишнее, что не принадлежитъ къ представленію, и величайшій геній въ мірѣ... кого бы назвать.... положимъ Ньютонъ, у насъ ничего не значитъ и принадлежитъ къ лицамъ, о которыхъ встаршу печатали на афишахъ: «*лица, не принадлежащія къ театру, не имѣютъ входа за кулисы, ни со время представленія, ни по окончаніи онаго.*» Вы скажете мнѣ: какое дѣло закулисному міру до перваго въ свѣтѣ математика, Ньютона! Вотъ, напримѣръ: Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ.... Перестаньте! Повторяю: за кулисами нѣтъ дѣла до именъ; тамъ самое безтолковое, но замапчивое заглавіе піесы важнѣе безсмертнаго имени! Общаго мнѣнія нѣтъ и быть не можетъ за кулисами. Вѣдь ужъ такъ на роду написано каждому актеру, чтобъ онъ любилъ и обнимахъ своего товарища только на сценѣ! Роль та хороша для актера, въ которой онъ имѣлъ успѣхъ, а товарищъ паденье, и піеса та лучше, которая даетъ болѣе сбора въ бенефисѣ. Все прочее, трынь трава! Только бъ *отработать* вечеръ, и однимъ днемъ приблизиться къ сроку уплаты жалованья, къ пенсіону и къ вожделѣннѣйшему изъ желаній—собственному бенефису! А, между тѣмъ, и въ сборѣ, и въ роли, и въ піесѣ, первая, хотя и невидимая пружина — суфлеръ! Суфлера ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить, какъ съ парами. Корабль идетъ: публика въ восторгѣ, хотя и не видитъ двигающей силы. Хвалятъ котлы, колеса парохода, даже трубу, изъ которой выходитъ черный дымъ и смрадъ, толкуютъ о парахъ, а объ угольяхъ и водѣ, производящей пары, двигающую силу, ни словечка! Суфлеръ — уголья въ этой галерѣ (dans cette galère)! Когда, по окончаніи спектакля, благодарятъ актера или актрису за прекрасную игру, подумаютъ ли тогда о суфлерской норѣ, въ которой сосредоточивался смыслъ піесы, откуда исходили одушевленіе и страсть! А чѣмъ бы кончилось, если бъ въ минуту пламенной игры, когда память не можетъ поспѣть за дѣйствіемъ, среди развлеченія, изъ суфлерской норы не раздался гласъ спасенія? Эффектъ былъ бы потерянъ, піеса бы упала, а съ нею и торжествующій артистъ. Никто, однако жъ, не взглянетъ на суфлерскую нору, какъ на уголья парохода! Напротивъ, актеры, чтобъ увеличить свое торжество, послѣ каждой удачной роли обременяютъ упреками бѣднаго суфлера, приписывая успѣхъ себѣ, а всѣ неудачи сваливая на него! Суфлеру даже нельзя спорить: молчи и терпи! Но невольѣ иногда должно заглушить *и арами* спѣдающее горе!

Но потому-то и суфлеръ, рожденный на великіе подвиги и вѣчныя горести, долженъ быть человѣкомъ болѣе нежели обыкновеннымъ, чуть, чуть

не великимъ мужемъ. Ахиллеса кормила мать львинымъ мозгомъ, чтобъ вкоренить въ немъ силу и мужество. Право, не худо было бы учредить какое нибудь заведеніе, для воспитанія будущихъ суфлеровъ, и за недостаткомъ львовъ, въ нашей сторонѣ, кормить ихъ хотя медвѣжьимъ мозгомъ и поить ослинымъ молокомъ, до тѣхъ поръ, пока юные питомцы не будутъ въ состояніи жевать свиныя и пять ерофеича!

Какой нибудь острякъ вздумаетъ пошутить надъ моими словами: что суфлеръ долженъ быть человѣкомъ необыкновеннымъ, чуть, чуть не великимъ мужемъ, и скажетъ, что необыкновеннымъ человѣкомъ долженъ быть первый трагикъ, первый комикъ, а для суфлера довольно на столько таланта, чтобъ до спектакля онъ высыпался отъ обѣда, и умѣлъ такъ укрѣпить кожицу свою въ горлѣ, чтобъ она была крѣпка, какъ лайка, и не страдала ни отъ простуды, ни отъ спиртныхъ напитковъ. Такъ говоритъ гордость и невѣжество! Спрашиваю васъ, милостивые государи, что это за машина—суфлерская грудь съ горломъ, изъ которыхъ исходитъ суфлерскій голосъ? Рѣшите, что это за *голосъ?* Это ни басъ, ни теноръ, ни дискантъ, ни громкій, ни звучный, ни тихій, ни нѣжный голосъ.... Это что-то неизвѣстное, неслыханное: cosa rara! Не то разсохшійся кларнетъ, не то размокшій фаготъ, не то пробитый турецкій барабанъ! Кричать суфлеру нельзя, сипѣть и подавно! Звучность голоса—преступленіе въ суфлерѣ, а между тѣмъ надобно, чтобъ голосъ его слышали во всѣхъ углахъ сцены, на двадцать саженъ впередъ, и не слыхали на три сажени съ тыла, въ первомъ ряду кресель! Милости просимъ совершить такія чудеса! Ричардъ, у Шекспира, даетъ царство за коня; я далъ бы два царства съ половиною, если бъ кто выдумалъ инструментъ, подходящій къ голосу суфлера, хотя, сказываютъ, всѣ инструменты выдуманы въ подражаніе человѣческому голосу, и даже турецкій барабанъ есть отголосокъ злой бабы! Суфлеромъ также надобно родиться, какъ надобно родиться Рубини, Лаблашемъ, Пастой и Каталани! Публика, подъ именемъ *шопота,* разумѣетъ *тихую,* почти *беззвучную* рѣчь, а голосъ суфлера долженъ быть *громкій шопотъ,* т. е. вещь, противная всѣмъ законамъ природы! Отъ того-то, если у знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ горло имѣетъ особенное устройство, то, въ теченіе десятилѣтней суфлерской жизни, грудь у суфлера превращается въ кузнечный мѣхъ. Это я испыталъ на себѣ! Однажды, съ *пріятельскою компаніею,* отправился я погулять въ Токсово, въ каретѣ, которую далъ намъ, даромъ, подрядчикъ театральныхъ экипажей, за то, что я выучилъ дочь его пѣть знаменитую арію изъ Русалки: *Мужчины, на свѣтѣ, какъ мухи къ намъ льнутъ.* Но благодарность подрядчиковъ вообще вѣрна только при заключеніи и возобновленіи контракта! Злодѣй далъ намъ такую карету, въ которой рессора лопнула на половинѣ дороги. Мы кое-какъ дотащились до кузни. Все есть, да нѣтъ мѣха. Кузнецъ праздновалъ крестины, и мѣхъ въ тотъ день не *надували*, а почью *надули* кузнеца, и украли у него мѣхъ. Я говорю кузнецу: клади только огонь въ уголья, да бери молотъ въ руки! Всѣ смотрятъ на меня съ удивленіемъ, а я собрался съ духомъ, надулся, да какъ

рыкнулъ *Федрой*, Русскаго перевода, такъ уголья и вспыхнули! Кузнецъ мнѣ въ ноги. «Батюшка, помилуй, ужъ не колдунъ ли ты? Не проглотилъ ли ты мой мѣхъ? Отдай, ради Бога!» Пока я прочелъ первый актъ трагедіи, рессора была починена, и кузнецъ, почитая меня колдуномъ, проглотившимъ его мѣхъ, не взялъ съ меня ни копѣйки, а я, чтобъ отдѣлаться отъ него, приказалъ ему прійти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а извѣстнаго актера-*надувалы*, который у авторовъ, передъ бенефисомъ, лапки сосетъ, а послѣ бенефиса честь ихъ грызетъ. Господину подрядчику отплатилъ я также грудью! Однажды, за столомъ, на именинахъ жены его, попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, Графа Хвостова. Предо мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и уклеились на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изподъ вывѣски: *Здѣсь брлютъ и кровь отворяютъ*. Пошла кутерьма! У одной дамы пирожокъ оттянулъ локонъ и, прилѣпившись къ лицу, спялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сѣлъ на чепцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно посматривала на путейскаго офицера, и т. п. Подрядчикъ взбѣленился и хотѣлъ ссориться со мною, но всѣ гости, между прочими почтенные члены магистрата и всѣ театральные подрядчики, вступились за меня, и единогласно объявили, что за такую силу груди, *безъ олоса*, я достоинъ награды, и уподчивали меня до блаженнаго состоянія!

Но что значитъ эта Геркулесовская сила груди въ сравненіи съ терпѣніемъ, которымъ долженъ обладать суфлеръ! Говорится обыкновенно: терпѣливъ, какъ камень! Что за терпѣніе въ камнѣ, который трескается и отъ жара, и отъ холода, и отъ ударовъ молота! Знаете ли, что значатъ капризы актрисъ, самолюбіе актеровъ и наконецъ всѣ страстишки, испаряющіяся изъ эгоизма закулиснаго міра, въ которомъ каждый живетъ *собою* и для *себя*, гдѣ аплодисментъ, вызовы, разовая плата, бенефисъ, замѣняютъ всѣ тѣ чувства, которыя въ свѣтѣ называютъ: любовью, дружбою, братствомъ, и т. п.! Все доброе, т. е. все прибыльное, беретъ каждый себѣ, а все, чего никому не надобно, остается мнѣ, а это право хуже и жара, и холода, и молота, отъ которыхъ трескаются камни! Однако жъ, по истеченіи сорока лѣтъ, я остался цѣлъ и невредимъ, т. е. не умеръ ни отъ желтухи, ни отъ апоплексическаго удара, и, что гораздо важнѣе, не спился съ кругу, съ отчаянія, а напротивъ, мужественно выдерживалъ нападенія изъ всѣхъ рядовъ закулиснаго міра, и многихъ заставлялъ даже раскаиваться или поплачиваться за свои капризы или грубости. Я руководствовался всегда правилами: ужъ если влюбляться, то въ королевну; красть, такъ милліоны, и пропадать, такъ отъ слона, а не отъ мухи! Однажды, красотка-актриса, любимица публики, не зная роли, свернула бѣду на меня, и меня, безотвѣтнаго, посадили въ коптору. Въ первое представленіе, красотка снова замялась, стала вертѣться вокругъ моей норы, какъ ласточка, жалко глядѣть мнѣ въ глаза, а я бормочу про себя, что и самъ чортъ не разберетъ.

«Да, подскажи, ради Бога!» возопила она мнѣ жалкимъ голосомъ, закрываясь платкомъ отъ публики. «А поцѣлуешь ли?» возразилъ я. «Поцѣлую!» — «Поклянися!» — «Клянусь!» Я подсказалъ, и моя красотка такъ удачно скрыла свою ошибку, что рукоплескания посыпались, и публика подумала, что актриса нарочно замялась въ роли. Послѣ спектакля я прошелъ мимо красавицы, не сказавъ ей ни слова, хотя и замѣтилъ ея безпокойство. Трое сутокъ встрѣчался я съ нею на репетиціяхъ и въ антрактахъ, завертывался всегда въ шинель и не вспоминалъ объ обѣщаніи; она вѣжливо мнѣ кланялась, но молчала. На четвертый день явился я къ ней въ уборную. Она вскрикнула, увидѣвъ меня. Я нарочно не брился четверо сутокъ, и борода моя походила на старую сапожную щетку. «Ты поклялась поцѣловать меня; не сдержишь слова, отплачу, хоть бы пришлось лишиться мѣста, отплачу жестоко, уроню навсегда!» — «Помилуй, Савельичъ, да какъ мнѣ тебя цѣловать въ этомъ видѣ!» сказала красотка; «знаешь ли ты, что за поцѣлуй мой дерутся, на смерть, князья и графы, и что этотъ поцѣлуй дороже алмаза, солитера, который ты видишь у меня на шеѣ! Я лучше поцѣлую лошадь театральной кареты, нежели тебя, Савельичъ!» — «Ну, если твои поцѣлуи такъ дороги, откупись! Дай 500 рублей, и квитъ!» — «Завтра получишь!» И точно, на другой день, ливрейный лакей принесъ мнѣ пакетъ, въ которомъ было 500 рублей и записочка, мужскою рукою, безъ подписи, гдѣ было сказано, что я ежегодно буду получать по 500 рублей, если буду *усердствовать* красавицѣ, въ противномъ случаѣ меня обѣщали излечить отъ гнѣва *декокторомъ дубинорумъ*. Я предпочелъ 500 рублей, и до того угодилъ вѣтрянницѣ, которая хотя и имѣла талантецъ, но плохо выучивала роли, и кокетничая съ знакомыми въ креслахъ, часто сбивалась, что она, однажды, въ восторгѣ, поцѣловала меня за кулисами, а ливрейный лакей принесъ мнѣ, на другой день, сто-рублевую ассигнацію. Съ другими уродцами я не слишкомъ вѣжился. Замялась, такъ я напрямикъ: дай пять рублей, а не то, не скажу! И синички стали перелетать ко мнѣ въ боковую клѣтку. Одна упрямица поклялась принудить меня служить ей даромъ, и, въ гордости своей, обходилась со мною, какъ съ лакеемъ. Надобно было выждать и побѣдить терпѣніемъ. Однажды досталась ей роль, въ которой были Французскія фразы. По званію Русскаго суфлера, я не обязанъ знать по-Французски, а моя горделивая противница, хотя и обязана была знать Французскій языкъ, потому что обучалась ему въ школѣ, но не знала. Пришла роковая минута! Противница моя смотритъ мнѣ въ глаза, кивастъ головою, топаетъ ногами, а я въ отвѣтъ: *Tутъ что-то по-Французски!* Сцена пропала, противница моя была ошикана, а меня потащили для объясненія, но оправдали, потому что я былъ правъ, по буквальному смыслу закона. Съ этихъ поръ и горделивая противница покорилась. — Хуже всего было мнѣ справиться съ однимъ трагикомъ, любимцемъ школьной молодежи и публики 15-го класса! Трагикъ этотъ былъ не то, что нынѣшній вашъ В. А. Каратыгинъ, которому суфлеръ нуженъ для того только, чтобъ играющіе съ нимъ актеры и актрисы не сбивались съ толку. Когда же В. А. Каратыгинъ играетъ съ своею женою,

суфлеру отдыхъ! Тогда онъ, въ своей норѣ, нюхаетъ табакъ и съ почтеньемъ ждетъ конца сцены, положивъ тетрадищя на помостъ. Мой трагикъ былъ, такъ называемый, *ревунъ* съ *топотомъ*. Онъ всегда бѣсился на суфлера или за то, что онъ ему подсказываетъ, или за то, что не подсказываетъ. Угодить ему было невозможно. Я вооружился моею обычною бронею — терпѣніемъ. Однажды, видя, что онъ въ полномъ *ревѣ* и *топотѣ* (что въ школахъ и въ публикѣ 15-го класса называлось *вдохновеніемъ*), я пересталъ подсказывать, и началъ нюхать табакъ. Въ это время, трагикъ мой подскочилъ въ бѣшенствѣ къ моей норѣ, и хотѣлъ ударить меня ногой, но въ этомъ не успѣлъ, а смелъ ногою съ полфунта пыли, которую я вдохнулъ въ себя, вмѣстѣ съ табакомъ. Я смолчалъ, но въ другое представленіе взялъ свое! Въ самомъ жаркомъ его порывѣ, когда онъ вовсе не смотрѣлъ на меня, т. е. не требовалъ подсказыванья, я началъ подсказывать ему самымъ *громкимъ* моимъ *щопотомъ*, гоня впередъ роль, и такъ сбилъ его съ толку, что онъ замялся и лишилъ сцену всего эффекта. Тутъ увидѣлъ мой трагикъ, что дѣло плохое, и покорился, и я, безъ выборовъ и балотировки, единодушно, хотя и безмолвно, былъ признанъ колоновожатымъ труппы!

Господь Богъ надѣлилъ меня однимъ только дѣтищемъ, сынкомъ съ суфлерскимъ ртомъ, т. е. до ушей, и суфлерскою грудью, т. е. какъ мѣхъ; но, до дня моей отставки, по списку у меня состояло *девятнадцать человѣкъ дѣтей и тринадцать сиротъ воспитанниковъ*, и того *тридцать два*, яко бы, хлѣбоѣдовъ, которыхъ я долженствовалъ прокармливать скудными суфлерскими жалованьемъ. Ежегодно, въ день уплаты актерамъ жалованья, я объявлялъ почтенѣйшимъ артистамъ и артисткамъ, что Господь даровалъ мнѣ сына или дочь. Жена моя ложилась на трое сутокъ въ постель, и если которая нибудь изъ старыхъ закулисныхъ сплетницъ, скуки ради, забѣгала къ намъ освѣдомляться о здоровьѣ роженицы и младенца, мы говорили, что ребенокъ отданъ кормилицѣ, въ Нѣмецкую Колонію, хотя на дѣлѣ ребенка вовсе не бывало. Господа важные артисты подшучивали надъ пріумноженіемъ моего семейства. «Ай да, Савельичъ! молодецъ! Да эдакъ ты сформируешь хоры или коръ-де-балетъ изъ одной твоей семьи! Лихой!» Вамъ смѣшно, господа, а мнѣ плакать хочется, отвѣчалъ я. Времена тяжелыя, все дорожаетъ, на денежномъ курсѣ барышка нѣтъ — зимы пропадаютъ, а надобно кормить и своихъ дѣтей и сиротокъ, бѣдныхъ родныхъ! Подумайте-ка, сколько мнѣ надобно, чтобъ удѣлить по одному кусочку да по другому тридцати двумъ душамъ, по башмачку, по рубашенкѣ!.... И спинчки опять, бывало, слетаются въ боковую клѣтку, а когда иной въ выигрышѣ (не на сценѣ, а за карточнымъ столомъ), такъ слетитъ и бѣлая бумажка! Ужъ нѣтъ лучше для суфлера, какъ актеры-картежники! Талантливый или безталантный, все равно, игрокъ никогда почти не знаетъ своей роли, и держится на сценѣ искусствомъ и милостью суфлера; за то, если игрокъ въ выигрышѣ, такъ не пожалѣетъ и сотняги суфлерскому сыну или дочкѣ въ день именинъ или рожденья, т. е. сыновьямъ и дочерямъ, состоящимъ только по списку, а не въ натурѣ. Лишь только какая нибудь миловидная артисточ

ка обзавелась *новымъ хозяйствомъ*, или актеръ похвалился выигрышемъ, я тотчасъ брякъ въ дверп, съ рублевымъ крепделемъ, отъ имени небывалыхъ именинника или именинницы! Попусту не пройдешься! А проигрался актеръ или разстроилась милая артисточка, тотчасъ на совѣтъ къ суфлеру: «Савельичъ, ты знаешь всѣхъ подрядчиковъ, всѣхъ музыкантовъ, ходистокъ.... Нельзя ли достать денегъ? Проценты заплачу хорошіе: за 500 рублей отдамъ, чрезъ годъ, тысячу!»—Посмотримъ! Если человѣкъ вѣчный или артисточка слишкомъ мила, то дамъ, бывало, свои собственныя деньги, отъ нихъ же накопленныя, а не то приведу какого нибудь ростовщика, который заплатитъ мнѣ же за комиссію. Такимъ образомъ годъ отъ году капиталецъ растетъ, да вытягивается, толстѣетъ да жирѣетъ! И вотъ я, слава Богу, по истеченіи сорока лѣтъ, могу жить покойно и безъ заботно. Только мнѣ что-то скучно на бѣломъ свѣтѣ! Какъ былъ я на мѣстѣ, такъ хотѣлось все смотрѣть на солнце, гулять на открытомъ воздухѣ, а теперь нашъ закулисный міръ, подъ крышею, безъ солнца, съ вѣчнымъ своимъ сквознымъ вѣтромъ и запахомъ бойни, мнѣ гораздо лучше нравится, чѣмъ міръ природный, настоящій. Наше закулисное солнце не такъ капризно, какъ солнце подлинное, и луна театральная гораздо красивѣе, потому что ярче освѣщаетъ декораціи. Наши закулисные лѣса прелесть, нашу закулисную *дичь* хотя нельзя жарить, но можно *пороть* сколько угодно, а что ни говори, наша *публика* гораздо лучше свѣтскихъ *людей*, во сто, въ тысячу разъ лучше! Всѣ артисты, всѣ актеры, музыканты, издатели, а особенно бенефиціанты жестоко *надуваютъ* почтеннѣйшую публику, а она хотя и *надуется*, но все таки платитъ деньги, и снова позволяетъ себя обманывать. А люди? Ну, точно щуки въ морѣ! Еще хуже! Нѣтъ карася, такъ другъ у друга отгрызаютъ хвосты, лишь только зазѣвайся! У насъ, въ закулисномъ мірѣ, чтобъ сыграть обманъ, хотя по писаному или по печатному, надобно нѣсколько репетицій, а между людьми, въ свѣтѣ, обманываютъ начисто, безъ обстановки, безъ суфлера и режиссера; прямо импровизируютъ Скапиновыми Обманами! Въ закулисномъ мірѣ ужъ какъ спалъ съ голоса или охрипъ, такъ сиди дома и не показывайся на сцену, а между людьми, кто больше фальшитъ, тотъ скорѣе попадаетъ въ первыя амплуа! На театральной сценѣ, кто выше прыгаетъ, тотъ идетъ въ гору, а на сценѣ свѣта, напротивъ, въ гору надобно лѣзть ползкомъ. На театрѣ, роль безъ рѣчей не ведетъ ни къ чему, а чѣмъ кому достается болѣе говорить, тому болѣе славы и денегъ. Между людьми напротивъ: рѣчистому затрутъ дорогу, а только молча можно пробраться впередъ. Однимъ словомъ, закулисный міръ и міръ настоящій, двѣ противоположности, двѣ стороны медали, и я бы отдалъ полное преимущество закулисной сторонѣ, если бъ только въ сценическихъ пирахъ пироги были не бумажные, деньги не жестяныя, если бъ вмѣсто вина не подчивали водою, и если бъ не въ каждой піесѣ *любились* и *женились*. Эти вѣчныя *женитьбы*, въ каждой піесѣ, до того надоѣли публикѣ, что въ настоящемъ мірѣ вовсе пропала охота искренно любиться и по страсти же-

нятся, а напротивъ того, публикою овладѣла страсть къ тому, чего нѣтъ вовсе за кулисами, и чѣмъ ее манятъ на сценѣ, а именно: къ деньгамъ, къ вкуснымъ кушаньямъ и хорошимъ винамъ; если же, для какихъ нибудь видовъ, надобно кончить удалую свѣтскую жизнь женитьбою, въ такомъ случаѣ приданое берутъ изъ *существеннаго міра*, а любовь занимаютъ *въ театрѣ!*

Ѳ. БУЛГАРИНЪ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Нынѣшней книжкой *Репертуаръ Русскаго Театра* начинаетъ новый годъ или, лучше сказать, новый періодъ своего существованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ ознакомившись ближе съ дѣломъ, узнавъ на опытѣ и требованія публики и потребности Театра, онъ, въ соединеніи съ *Пантеономъ иностранныхъ Театровъ*, имѣетъ нынѣ возможность расширить предѣлы свои, и, съ одной стороны, быть зеркаломъ современнаго Русскаго Театра, съ другой передавать все, что является замѣчательнаго на всѣхъ Театрахъ Европы. Но, будучи зеркаломъ Русскаго Театра, т. е. представляя публикѣ все то, что является на театрѣ замѣчательнаго, онъ, въ то же время, долженъ быть правдивою лѣтописью всѣхъ явленій Русской театральной жизни. По этому, послѣ драматическихъ произведеній, которыя составляютъ основаніе Репертуара и Пантеона, существенная часть нашего изданія есть хроника современныхъ Театровъ Русскаго и иностранныхъ.

Здѣсь невольно, въ отношеніи къ Русскому Театру, можетъ возникнуть со стороны читателей вопросъ: въ состояніи ли Репертуаръ сохранить безпристрастіе въ своихъ сужденіяхъ о Русскихъ драматическихъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, когда писатели эти сами участвуютъ въ его изданіи, когда произведенія ихъ печатаются на его страницахъ? Не будетъ ли въ семъ случаѣ лицепріятія и взаимнаго одолженія? — Вопросъ очень естественный, особенно послѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ нашихъ публика привыкла видѣть постоянную методу восхваленія сотрудниковъ и участниковъ этихъ журналовъ, и гоненія противъ тѣхъ, кто *не имѣетъ чести* или *отказался отъ чести* въ нихъ участвовать.

Репертуаръ очень радъ случаю отвѣчать на этотъ, по видимому, щекотливый вопросъ, и заблаговременно отстранить отъ себя нареканія, которыя могли бы возникнуть, какъ со стороны публики, такъ и со стороны тѣхъ писателей, которые трудами своими будутъ украшать это изданіе.

Репертуаръ въ театральномъ мірѣ есть общеупотребительное техническое

слово *для* означенія вообще всѣхъ *играемыхъ на сценѣ* піесъ. Говорятъ: *репертуаръ такой-то недѣли, репертуаръ такого-то театра*, и пр.; это значитъ *піесы, игранныя на такой-то недѣлѣ, піесы, играемыя на такомъ-то театрѣ*. Понимая такимъ образомъ слово *Репертуаръ*, всякій, съ перваго взгляда, долженъ понять и назначеніе того изданія, которое выходитъ подъ этимъ наименованіемъ. И такъ, *Репертуаръ РусскагоТеатра* есть собраніе піесъ, игранныхъ на Русскихъ Театрахъ, и имѣвшихъ успѣхъ. Успѣхъ піесы или паденіе ея рѣшаются публикою; слѣдовательно, въ выборѣ піесъ для печатанія, Репертуаръ долженъ руководствоваться рѣшеніемъ публики; короче, редакторъ Репертуара, въ отношеніи въ игранымъ піесамъ, есть не кто иной, какъ публика — самый умный редакторъ, не правда ли?

И такъ, прямая, главная, существенная обязанность Репертуара Русскаго Театра была и есть слѣдующая: представлять читателямъ своимъ все то изъ міра театральнаго, въ чемъ выражается Русская драматическая жизнь, что возбудило интересъ публики, что заслужило ея одобреніе. — Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ *издаваемый* находится въ совершенной зависимости отъ репертуара *играемаго* Какъ занимательность событій и происшествій не зависитъ отъ издателя политической газеты, такъ достоинство и занимательность играемыхъ піесъ не зависятъ отъ редакціи Репертуара. Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ не рѣдко затруднялся при печатаніи піесъ, принужденный иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшее*, а изъ *дурнаго посредственное*. Нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои, и, не ограничиваясь піесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя не были, но могутъ быть играны на Русской сценѣ. Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ и Пантеонъ надѣются быть полезными и для всѣхъ артистовъ, и вообще для Театра.

При такомъ положеніи, мы всегда имѣемъ возможность избѣгнуть помѣщенія посредственныхъ піесъ, и станемъ выбирать только лучшее, наиболѣе имѣвшее успѣхъ. Въ случаѣ недостатка хорошихъ *игранныхъ* піесъ, мы помѣстимъ драму, комедію, и пр. пр., того богатаго запаса, который уже приготовленъ новою редакціею, и день ото дня увеличивается болѣе и болѣе.

И такъ, на долю Репертуара изъ игранныхъ піесъ остаются только *хорошія* піесы, и, стало быть, въ хроникѣ своей онъ безъ лицепріятія можетъ хвалить тѣхъ, кто доставляетъ ему хорошія піесы. Тутъ дѣло ясно, какъ день Божій. Если же, по непреложному закону судебъ, и въ солнцѣ должны быть темныя пятна, и въ хорошихъ драматическихъ произведеніяхъ найдутся недостатки, Репертуаръ, помѣстивъ піесу, въ то же время ни сколько не поколебляется указать на недостатки этой піесы, точно такъ же, какъ и воздать похвалу ея достоинствамъ. Умѣренная и благонамѣренная критика никого не оскорбляетъ. Репертуаръ, напротивъ, радуется, что его подсудимые большею частію будутъ на лицо: образованная публика можетъ сама повѣрять справедливость сужденій Репертуара, и на этой повѣркѣ, какъ на *данныхъ*, основывать степень довѣренности, какую она можетъ имѣть къ Репертуару въ другихъ случаяхъ.

Послѣ этого предварительнаго и, по нашему мнѣнію, необходимаго объясненія съ читателями, приступаемъ къ дѣлу, т. е. къ обозрѣнію Театровъ. Но съ чего начать это обозрѣніе? Или, лучше сказать, что обозрѣвать, о какихъ новостяхъ говорить намъ? Мы только что вступаемъ въ Новый Годъ, а что было въ старомъ, о томъ уже говорено въ прошлогоднемъ Репертуарѣ. Думаемъ,

что всего приличнѣе будетъ бросить взглядъ *вообще на современное состояніе Театра въ Россіи*, и такимъ образомъ установить себѣ пунктъ отправленія для будущихъ статей нашихъ о Русскомъ Театрѣ.

Ста лѣтъ не прошло еще отъ рожденія народнаго Русскаго Театра, а, между тѣмъ, посмотрите и полюбуйтесь, какъ онъ разросся и раскинулся! Не только въ столицахъ Русскихъ, средоточіи просвѣщенія и образованности, но и въ губерискихъ и въ уѣздныхъ городахъ пустилъ онъ свои вѣтви; въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи существуютъ даже постоянныя труппы актеровъ и изящно устроенныя для представленій зданія. А потомъ, вспомните, сколько въ этотъ короткій, 85-ти-лѣтній періодъ существованія Русскаго Театра, явилось на Руси высокихъ сценическихъ дарованій, во всѣхъ родахъ: едва ли другое какое либо изящное искусство имѣло въ Россіи столько талантливыхъ художниковъ, какъ искусство сценическое. Что же все это доказываетъ? То, что почва Русской жизни не неблагопріятна для сценическаго искусства, и что любовь къ Театру, постепенно распространяющаяся и укореняющаяся въ Русской публикѣ, превратится наконецъ въ живую потребность высокаго эстетическаго наслажденія Театромъ. А тогда сценическое искусство въ Россіи пойдетъ быстро, пойдетъ самобытно, сольется съ Русскою жизнію, и, заимствуя изъ нея свои основные элементы, въ свою очередь внесетъ въ сокровищницу Русской жизни благотворные плоды изящнаго.

Средоточіемъ современнаго Русскаго Театра служитъ Петербургъ. Здѣсь, можно сказать, почти исключительно собраны первые сценическіе таланты Россіи; здѣсь являются и отсюда истекаютъ драматическія новости, которыми живутъ и держатся всѣ остальные Русскіе Театры; здѣсь, наконецъ, театральная постановка возведена на высшую степень великолѣпія и вкуса. Съ Петербурга, слѣдовательно, и начнемъ наше обозрѣніе.

Въ составѣ Петербургскихъ Театровъ вообще находятся труппы: *1) Драматическая Русская, 2) Оперная Русская, 3) Балетная, 4) Оперная Нѣмецкая, 5) Драматическая Французская, и 6) Драматическая Нѣмецкая.*

Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ труппъ раздѣляется публика, раздѣляются вкусы и требованія. Само собою разумѣется, современное положеніе драматическаго Русскаго искусства и потребности собственно Русской публики болѣе всего показываются въ Русскомъ *Драматическомъ* Театрѣ, т. е. въ Александринскомъ.

Украшеніемъ Русской драматической труппы, славою и гордостію Русскаго Театра, служитъ, безъ сомнѣнія, В. А. Каратыгинъ. Въ самой цвѣтущей порѣ лѣтъ, въ полной зрѣлости таланта, при неутомимой дѣятельности и пламенной любви къ своему искусству, этотъ достойный артистъ идетъ исполинскимъ шагомъ впередъ. Еще много надеждъ возлагаетъ на него искусство Русское! Лишь только бъ дали пищу этому таланту, лишь только бъ Русскіе писатели создавали достойныя для него роли! Къ сожалѣнію, такія роли весьма рѣдко выпадаютъ на его долю, и Каратыгинъ, играющій по нѣскольку разъ въ недѣлю, Каратыгинъ, безъ котораго не обходился почти ни одинъ бенефисъ, долженъ растрачивать силы свои на вздорныя, мелкія, ничтожныя роли новѣйшихъ Французскихъ *дрямокъ*, и только для отдыха, для услажденія души своей, являться въ серіозныхъ роляхъ прежняго репертуара. Но, къ чести Каратыгина, въ доказательство уваженія его къ искусству, къ публикѣ, наконецъ къ самому себѣ, мы должны сказать, что онъ вездѣ и всегда одинаково вѣренъ своему призванію: пустую, ничтожную роль играетъ онъ съ тою же обдуманностію, съ тѣмъ же

стараніемъ, съ какимъ играетъ лучшія, любимыя роли свои; въ тѣ дни, когда, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, стеченіе публики въ театрѣ бываетъ малочисленное, Каратыгинъ все тотъ же усердный, пламенный, ревностный артистъ, какъ и въ самые многолюдные спектакли: онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшей небрежности въ игрѣ, ни малѣйшаго упущенія. А этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣхъ артистовъ, даже и молодыхъ.

Репертуаръ прошедшаго года былъ скуденъ новыми ролями, достойными таланта В. А. Каратыгина. Одинъ только *Коріоланъ* представилъ ему поприще, на которомъ просторно и раздольно могли разыграться силы его. И дѣйствительно, мы видѣли въ Каратыгинѣ Коріолана, древняго Римлянина, во всемъ его суровомъ величіи. Рельефнѣе другихъ выдалась небольшая, но исполненная чувства и мысли роль *Ивана Сусанина*, въ драмѣ Н. А. Полеваго *Костромскіе Льсы:* и въ этой роли Каратыгинъ былъ превосходенъ. Роль *Князя Холмскаго*, въ піесѣ подъ тѣмъ же названіемъ, Н. В. Кукольника, роль безконечно длинная, требовала много труда со стороны нашего артиста, но пустотою и безцвѣтностію своею далеко не вознаградила его за хлопоты. *Ромео* Каратыгинъ принялъ на себя, вѣроятно, изъ снисхожденія къ просьбамъ бенефиціанта: роль эта внѣ физическихъ средствъ Каратыгина. Наконецъ, роль *отца*, въ піесѣ *Отецъ и дочь*, П. Г. Ободовскаго, была, въ прошломъ году, послѣднею ролью Каратыгина, гдѣ онъ могъ выказать свое дарованіе: драма Г. Ободовскаго, не смотря на свои достоинства, очень много обязана успѣхомъ В. А. Каратыгину. Вотъ замѣчательнѣйшія піесы, въ которыхъ въ первый разъ явился Каратыгинъ передъ публикою. Остальныя были или легкія Французскія драмы, въ которыхъ онъ долженъ играть только потому, что не кому играть эти роли, или повторевіе прежняго его репертуара, изъ котораго Велисарій, Гамлетъ, Уголино, Заколдованный Домъ и Король Лиръ давались чаще другихъ, и всякій разъ доставляли новыя рукоплесканія нашему достойному артисту.

И. И. Сосницкій, — артистъ заслуженый, талантъ, увѣнчанный лаврами, и на лаврахъ отдыхающій. Болѣе того, что сдѣлалъ Г. Сосницкій, мы не можемъ и не въ правѣ отъ него требовать: онъ достигъ до такой степени артистическаго поприща, гдѣ уваженіе къ прежнимъ заслугамъ ни на минуту не исчезаетъ изъ души самыхъ строгихъ и взыскательныхъ цѣнителей. Къ числу лучшихъ ролей Г. Сосницкаго въ минувшемъ году, принадлежатъ роли: *Нищаго* (въ Боярскомъ Словѣ), *Хорунжаго* (Костромскіе Лѣса), *Разсказня* (Въ людяхъ ангелъ—не жена), *Квакера* (Квакеръ и Танцовщица) и н. др.

Минувшій годъ представляетъ цѣлый рядъ артистическихъ успѣховъ Г. Каратыгина 2-го. Артистъ этотъ играетъ почти каждый день, и иногда въ одинъ вечеръ въ нѣсколькихъ піесахъ; постоянными усиліями, трудомъ и изученіемъ искусства онъ успѣлъ избавиться отъ весьма важнаго недостатка — однообразія, за которое прежде критика упрекала его не безъ основанія. Г. Каратыгинъ 2-й, по необходимости, иногда долженъ бываетъ играть въ драмахъ, гдѣ онъ занимаетъ роли холодныхъ резонеровъ; но настоящее его амплуа — характерныя роли въ комедіяхъ. Не можемъ исчислить всѣхъ ролей, въ которыхъ со славою являлся Г. Каратыгинъ 2-й, въ теченіе прошедшаго года; но болѣе другихъ запечатлѣлись въ нашей памяти роли *Городскаго* (Приключеніе на водахъ), *Сенъ-Феликса*, (Чудакъ-покойникъ), *Хамова* (Дочь и Откупъ), *Руперта* (Шила въ мѣшкѣ не утаишь), *Кнакеръ* (Шкупа Нюкарлеби) и наконецъ лучшая роль его, которая одна можетъ составить славу артиста — это роль *Оргонта*, въ Тартафѣ, и пр.

Г. Мартыновъ — молодой артистъ съ

огромнымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только образцовъ для изученія и простора для дѣятельности. Въ самую лучшую, самую цвѣтущую пору жизни, когда артистъ только что начинаетъ сознавать свое дарованіе, свои средства и силы, и тотъ главный пунктъ, куда онъ долженъ ихъ направить, на чемъ сосредоточить, Г. Мартыновъ предоставленъ совершенно произволу случая, и долженъ, *сидя у моря, ждать погоды*.... Для такого дарованія нуженъ просторъ Мольеровскій или Шекспировской комедіи, а Мартыновъ принужденъ играть во всѣхъ бенефисныхъ водевиляхъ, большею частію пустыя роли, или грубые и глупые фарсы. Едва двѣ, три роли въ годъ выпадетъ ему такихъ, гдѣ онъ можетъ сколько нибудь выказать свое дарованіе, и ни одной такой, надъ которою могъ бы онъ поработать, отчетливо, сознательно, которая пробудила бы въ немъ рядъ размышленій, вызвала бы изъ души его цѣлую теорію сценическаго искусства. Что дѣлать? Мольеръ давнче забытъ и заброшенъ; мы промѣняли его на скоропѣлые Французскіе водевили, мы ищемъ новости — будь хоть глупо, да ново, а объ искусствѣ, о чистомъ, благородномъ искусствѣ у насъ и помину нѣтъ. C'est du grec pour nous!

Повторяемъ: Мартыновъ не созданъ для фарсовъ, не созданъ для ролей простаковъ, глупцовъ, вычурныхъ франтовъ, и т. п.; его амплуа серіёзное, амплуа комическихъ стариковъ, и вообще сосредоточенныхъ комическихъ характеровъ. Онъ играетъ часто и много, но, Боже милосердый, что онъ играетъ! Безъ него не обходится какой нибудь водевиль въ родѣ *Французскій Театръ въ Провинціи, Обѣдъ въ тридцать двѣ копѣйки* и подобные грубые, пошлые фарсы. Изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Г. Мартыновымъ въ прошломъ году, удалась одна только, гдѣ дарованіе его развернулось на просторѣ, это роль *Буракова*, въ комедіи *17 и 30 лѣтъ*, передѣланной съ Французскаго П. С. Ѳедоровымъ. Въ другихъ онъ былъ только смѣшонъ, а въ иныхъ жаль было смотрѣть на него, какъ на прекраснаго Арабскаго коня, запряженнаго въ тяжелую фуру. Нѣтъ, чтобы дать средство вполнѣ развиться дарованію Г. Мартынова, надобно начать съ начала, надобно дать ему великаго учителя всѣхъ великихъ комиковъ — *Мольера!*...

Г. Максимовъ — умный и старательный артистъ, имѣющій большое дарованіе для ролей молодыхъ людей, въ драмѣ, комедіи и водевилѣ. Лучшими ролями его въ минувшемъ году были роли *Славскаго* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *Ремона* (Клевета), *Князя Пронскаго*, (Болярское слово), *Тоби* (Квакеръ и Танцовщица), *Меркуціо* (Ромео и Юлія) и п. др.

Г. Самойловъ, заплвшій послѣ покойнаго Дюра нѣкоторыя изъ ролей его, возбудилъ пріятныя надежды въ любителяхъ театра; къ сожалѣнію онъ ограничивался почти исключительно ролями, основанными на переодѣваніи, и, повидимому, въ этихъ роляхъ поставляетъ всю славу свою. Этого мало, онъ какъ будто пренебрегаетъ другими ролями до того, что нерѣдко учитъ и исполняетъ ихъ съ замѣтною небрежностію. Благонамѣренная критика не можетъ не упрекать за это молодаго артиста...

Что сказать о другихъ артистахъ Русской драматической труппы?

Изъ старыхъ артистовъ, Г. Брянскій довольствуется своею минувшею славою, и новыхъ ролей не создаетъ. Въ теченіе всего прошедшаго года онъ только одною ролью побѣдилъ холодность къ нему публики: это роль *Середы*, въ драмѣ Н. В. Кукольника, Князь Д. Д. Холмскій.

Г. Григорьевъ 1-й составляетъ grande utilité Александринскаго Театра, и, не отличаясь особеннымъ талантомъ, онъ иныя роли, особенно въ водевиляхъ, играетъ довольно успѣшно, другихъ почти никогда не портитъ. Къ этому же

разряду должно отнести и Г. Третьякова.

Г. Григорьевъ 2-й, неподражаемый въ роляхъ купцовъ съ Апраксина или Щукина Двора, въ прошедшемъ году создалъ превосходное лице *Ѳедьки Кулака* (Отецъ и Откупщикъ).

Упомянемъ еще о Г-нѣ Аѳанасьевѣ, который тоже принадлежитъ къ числу utilités, хотя могъ бы быть артистомъ болѣе, нежели посредственнымъ.

Изъ молодыхъ, недавно поступившихъ на сцену артистовъ, Г-да Смирновъ 1-й, Марковецкій и Смирновъ 2-й находятся еще подъ сомнѣніемъ: не выказавъ по сіе время дарованія рѣшительнаго, они выполняютъ однако жъ нѣкоторыя роли съ успѣхомъ, особенно Г. Марковецкій, у котораго въ роляхъ простаковъ мелькаютъ иногда наивность и непринужденный комизмъ. Дарованія ихъ можетъ показать время, а развить — добросовѣстное ученіе, согрѣтое любовію къ искусству.

Передъ прочими артистами мы — пассъ. О нихъ сказать нечего, кромѣ того только, что почти каждый изъ нихъ считаетъ себя, если не великимъ талантомъ, то все таки талантомъ, а потому многіе позволяютъ себѣ не учить твердо ролей, выкидывать на сценѣ разные фарсы, и пр. и пр. и пр.

Обращаемся къ артисткамъ Русской драматической труппы.

Изъ нихъ первое и почетное мѣсто — нашей заслуженой, несравненной артисткѣ А. М. Каратыгиной. На Русской сценѣ нѣтъ актрисы, которая могла бы не только сравниться съ нею, но сколько нибудь къ ней приблизиться. Молодыя нынѣшнія актрисы должны считать себя счастливыми, что у нихъ передъ глазами есть образецъ высокаго искусства, который онѣ могутъ и должны изучать съ полнымъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ уваженіемъ. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ направленіи театра мало встрѣчается ролей, въ которыхъ Г-жа Каратыгина могла бы явиться въ полномъ блескѣ своего высокаго дарованія: бенефисные водевили согнали со сцены нашей высокую комедію, и — нечего дѣлать — Г-жа Каратыгина должна была, въ нынѣшнемъ году, играть въ водевиляхъ, выпуская куплеты. И въ водевиляхъ какъ была она высока, напримѣръ, въ роли *Дюмениль* (Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису) или *Тетушки* (Замокъ моей племянницы)! Между тѣмъ, при концѣ года, судьба умилостивилась надъ нами и надъ Г-жей Каратыгиной, пославъ на Русскую сцену Мольеровскаго Тартюфа въ прекрасномъ переводѣ; Г-жа Каратыгина, въ роли *Эльмиры*, была само совершенство! Замѣчательнѣйшія драматическія роли Г-жи Каратыгиной въ прошедшемъ году были въ Коріоланѣ (мать Коріолана) и въ Мессинской Невѣстѣ.

Здѣсь мы невольно должны сдѣлать пробѣлъ въ хроникѣ нашей: грустное чувство наполняетъ душу при воспоминаніи о милой, веселой, игривой артисткѣ, такъ преждевременно похищенной смертію. Театръ понесъ большую потерю въ лицѣ незабвенной В. Н. Асенковой: мѣсто ея осталось вакантнымъ, и Богъ знаетъ когда оно будетъ занято!

Г-жа Самойлова, изъ всѣхъ молодыхъ артистокъ Александринскаго Театра, самая любимая публикою и вполнѣ достойная этой любви. Она играетъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ; развязная, ловкая, умная актриса, обладающая притомъ очень пріятнымъ и выработаннымъ голосомъ, она въ прошедшемъ году пріобрѣла себѣ цѣлый рядъ успѣховъ, гдѣ игрой, гдѣ пѣніемъ, а гдѣ и танцами, какъ напримѣръ въ *Комедіи съ дядюшкой*. За эту артистку можно вполнѣ ручаться, что чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ она лучше и лучше.

Г-жа Дюръ, молодая актриса не безъ дарованія, съ любовію и усердіемъ продолжала свое, еще такъ недавно начатое поприще. Въ прошедшемъ году она ближе ознакомилась со сценой, стала свободнѣе, развязнѣе, и нѣкоторыя роли выполнила съ замѣчательнымъ успѣхомъ,

какъ то: *Фанни* (Клевета), *Славской* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *дочери*, (Отцовское проклятіе) и п. др.

Г-жа Сосницкая, изъ числа многихъ ролей, въ комедіяхъ и въ водевиляхъ, съ особеннымъ успѣхомъ сыграла роль *Доримы* въ Тартюфѣ: эта роль была торжествомъ ея таланта. Кромѣ того, Г-жа Сосницкая прекрасно выполнила роли *Трефкиной* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *вдовы 14-го класса* (Семейныя дѣла) и п. др.

Г-жа Гусева на долю свою имѣла нѣсколько прекрасныхъ ролей, которыя дали ей возможность во всемъ блескѣ выказать хотя одностороннее, но тѣмъ не менѣе замѣчательное дарованіе ея: роли пожилыхъ и старыхъ крестьянокъ, купчихъ, провинціяльныхъ барынь и чиновницъ 14-го класса, она играетъ неподражаемо, не имѣя въ этомъ амплуа соперницъ ни на одномъ театрѣ. Въ ней столько простоты, естественности, столько неподдѣльнаго комизма, что трудно представить себѣ въ этомъ родѣ что нибудь совершеннѣе. Роли Марѳы (Боярское слово), *Ильинишны* (Князь Д. Д. Холмскій), *Жены станціоннаго смотрителя* (Современное Бородолюбіе), *Соломониды*, (Костромскіе лѣса), были полнымъ торжествомъ Г-жи Гусевой.

Г-жа Валберхова — актриса весьма полезная для ролей старухъ, преимущественно въ драмахъ.

Молодыя артистки: Г-жи Гринева, Ѳедорова, Соловьева, Ширяева, Смирнова и др. скромно продолжали свое поприще, являясь въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Г-жа Гринева, по видимому, имѣетъ больше всѣхъ дарованія; ей болѣе всего надобно заботиться о разнообразіи: она чрезвычайно монотонна, и въ игрѣ, и въ дикціи. — Г-жа Ѳедорова совершенно бываетъ на своемъ мѣстѣ, когда играетъ роли жеманныхъ молодыхъ барынь, провинціялокъ, чиновницъ, и т. п., и совершенно не на своемъ въ роляхъ, молодыхъ маркизъ, графинь и вообще знатныхъ дамъ. — Г-жа Соловьева очень мила въ небольшихъ роляхъ скромницъ, горничныхъ дѣвушекъ, и т. п.—Г-жи Ширяева, Смирнова и и. д. не лишія на сценѣ, хотя особенныхъ дарованій и не имѣютъ.

Вообще можно замѣтить про нашихъ молодыхъ артистокъ, что хотя между ними и нѣтъ огромныхъ дарованій, которыя подавали бы надежду видѣть между ними со временемъ другую А. М. Каратыгину, за то нѣтъ ни одной, кого бы можно было поставить въ параллель съ какимъ нибудь изъ трехъ Г-дъ Толченовыхъ, Леонидовымъ, Вороновымъ, Ахалинымъ Прусаковымъ, Фризановскимъ, Яблочкинымъ, и пр. и пр. и пр. ad infinitum.

Вотъ, если не всѣ, то почти всѣ дѣйствователи нашей драматической труппы. Изъ этого краткаго обзора мало можно вывести утѣшительныхъ результатовъ: благодаря дарованіямъ такихъ артистовъ и артистокъ, каковы В. А. и А. М. Каратыгины И. И. Сосницкій, П. А. Каратыгинъ и немногіе другіе, почтенные и заслуженные артисты, мы въ настоящее время покойны за нашу драму и за комедію: по крайней мѣрѣ, есть дарованія, на которыя можемъ мы указать, на которыхъ можемъ опереться смѣло; для первыхъ, главныхъ ролей есть артисты; но что ожидаетъ театръ нашъ въ будущемъ? Гдѣ молодыя дарованія, которыя обезпечивали бы дальнѣйшую судьбу его? Увы! одинъ Мартыновъ, на котораго публика можетъ положить свои блестящія надежды; между остальными есть дарованія, болѣе или менѣе значительныя, весьма полезныя и даже важныя для сцены; но эти дарованія, оставаясь всегда полезными для театра, не составятъ славы его, не возведутъ сценическаго искусства на высокую степень. Истина печальная, конечно, но истина!..

Въ минувшемъ году было на сценѣ

Александринскаго Театра нѣсколько дебютантокъ и дебютантовъ; большая часть изъ нихъ, послѣ перваго раза, не являлась на сценѣ вновь; мы забыли даже имена этихъ дебютантокъ и дебютантовъ, кромѣ двухъ: Г-жи *Линской* и Г-жи *Самойловой* 3-й. Г-жа Линская дебютировала нѣсколько разъ; въ ней есть дарованіе, которое, вѣроятно, разовьется при большей опытности. Г-жа Самойлова только разъ явилась передъ публикою, въ нескладной, безцвѣтной роли (въ драмѣ *Князь Серебряный*) но, не смотря на это, самымъ выгоднымъ образомъ отрекомендовала себя публикѣ. И публика остается въ полной надеждѣ, что милая дебютантка не будетъ только *дебютанткой* на нашей сценѣ.

Переходимъ къ другой сторонѣ драматическаго искусства — піесамъ, къ тому, что игралось въ прошедшемъ году. Читатели Репертуара 1841 года имѣютъ полную хронику Петербургской сценической литературы за истекшій годъ, и, стало быть, намъ не для чего входить въ подробное исчисленіе піесъ. Лучшее было помѣщено или помѣстится въ Репертуарѣ. Но что же было это лучшее и кому этимъ лучшимъ мы обязаны?

Н. А. Полевой, прежде такъ неутомимо работавшій для Русскаго театра, въ минувшемъ году не имѣлъ много досуга отъ своихъ болѣе важныхъ занятій; между тѣмъ онъ все таки подарилъ театру двѣ прекрасныя піесы — драму *Костромскіе Леса* и комедію *Отецъ и Откупщикъ*. Обѣ піесы имѣли огромный успѣхъ.

Н. В. Кукольникъ, также заскучившійся для сцены, въ минувшемъ году отдалъ драму *Князь Д. М. Холмскій*. Она не имѣла большаго успѣха.

Г. Ѳ. Основьяненко передѣлалъ изъ своей повѣсти комедію *Шельменко Денщикъ*, которая, однако жъ, не понравилась публикѣ.

Сокращенный нѣсколько переводъ Шекспирова *Коріолана* доставилъ В. А. Каратыгину одну изъ самыхъ блестящихъ ролей.

Ромео и Юлія, перев. Г-мъ Катковымъ, успѣха не имѣла. Переводъ мѣстами довольно хорошъ, но вообще тяжелъ и читается съ большимъ трудомъ.

Мессинская Невѣста, трагедія Шиллера, не имѣла большаго успѣха.

П. Г. Ободовскій отдалъ на сцену двѣ піесы — *Боярское Слово*, драму, имѣвшую успѣхъ, хотя мы не отнесемъ ее къ числу лучшихъ его произведеній, и *Отецъ и Дочь*, трагедію, которою начинаемъ мы первую книжку нашего изданія.

Ѳ. В. Булгаринъ въ первый разъ выступилъ на драматическое поприще съ драмой *Шкуна Шакарлеби*.

Е. В. Аладьинъ отдалъ на театръ небольшую драму: *Кума Иванъ*, которая была разыграна съ успѣхомъ.

П. А. Каратыгинъ для своего бенефиса написалъ три водевиля — одинъ переведенный съ Французскаго: *Чудакъ Покойникъ*, другой передѣланный съ Французскаго, *Приключеніе нанекуственныхъ водахъ*, и третій передѣланный изъ Русской повѣсти — *Пикникъ въ Токсовѣ*. Всѣ эти водевили очень игривы, забавны и полны остроумныхъ куплетовъ, какихъ, кромѣ П. А. Каратыгина и Д. Т. Ленскаго, у насъ теперь не пишетъ никто.

Д. Т. Ленскій подарилъ публикѣ только одинъ, впрочемъ очень хорошій водевиль: *Въ людяхъ ангелъ — не жена, дома съ мужемъ — сатана*. Правда, еще играли его фарсъ *П. С. Мочаловъ*, перед. съ Французскаго, но этотъ фарсъ, имѣя мѣстный интересъ въ Москвѣ, не произвелъ эффекта въ Петербургѣ. У Г-на Ленскаго одинъ порокъ, который, къ сожалѣнію, есть не у всѣхъ водевилистовъ: тотъ, что онъ пишетъ — мало!

П. С. Ѳедоровъ перевелъ и передѣлалъ нѣсколько водевилей и комедій съ Французскаго; не всѣ они имѣли равный успѣхъ, но, не менѣе того, мы должны благодарить Г-на Ѳедорова за его дѣятельность: во множествѣ случится ему написать иногда слабый водевиль, но никогда не отдаетъ онъ на сцену глупаго

или нелѣпаго водевиля. Лучшія піесы съ именемъ Г-на Ѳедорова, въ прошедшемъ году, были: *Клевета*, комедія Скриба, *17 и 50 лѣтъ*, водевиль, *Путаница*, водевиль, *Маскарадъ при Людовикѣ XIV*, комедія.

Изъ нѣсколькихъ передѣланныхъ водевилей Г-на Григорьева 1-го, лучше были *Любовныя записки мужа* и *Жена, мужъ и знатный другъ*.

Въ минувшемъ году явился новый поставщикъ водевилей для бенефисовъ, Г-нъ Перепельскій; первый водевиль его: *Шила въ мѣшкѣ не утаишь*, взятый изъ повѣсти Нарѣжнаго, имѣлъ успѣхъ; другіе были весьма слабы, и, за исключеніемъ *Ѳ. А. Боба*, всѣ передѣланы съ Французскаго.

Въ концѣ года сцена наша неожиданно обогатилась весьма хорошимъ переводомъ Мольерова *Тартюфа*, который и былъ разыгранъ съ большимъ успѣхомъ. На афишѣ имени переводчика выставлено не было, но въ нѣкоторыхъ газетахъ читали мы, что этотъ переводъ сдѣланъ Н. И. Хмѣльницкимъ, который, къ сожалѣнію, такъ давно ничего не писалъ для театра.

Нельзя не принести благодарности Дирекціи Императорскихъ Театровъ за возобновленіе комедіи ветерана литературы Русской, И. А. Крылова. Его *Урокъ дочкамъ* былъ очень хорошо разыгранъ, и съ громкими рукоплесканіями принятъ публикою.

Изъ новыхъ писателей для Театра явились, съ оригинальными произведеніями, Гг. Нейматовскій (*Секретарь*, комедія); Зубаревъ (*Современное Бородолюбіе*, комедія) и Смирновъ (*Сбритая борода*, комедія, *Сцена-этрянчій*, комедія и *Максимъ Сазонтовичъ Березовскій*, драма.) Комедія Г-на Нейматовскаго упала; *Современное бородолюбіе*, небольшая комедія, имѣла успѣхъ посредственный. — Что касается до Г-на Смирнова, у него нельзя отнять дарованія: въ трехъ піесахъ его есть воображеніе, есть что-то похожее на идею, но дѣйствующія лица его слишкомъ говорливы, и притомъ говорятъ чуть чуть не по-книжному; піесы вообще растянуты, и потому не имѣли успѣха. Кромѣ того переводили для Театра водевили съ Французскаго Г-да Зубовъ, Бочаровъ, Фейгинъ, Филимоновъ, и пр.

Вотъ всѣ, сколько нибудь замѣчательныя піесы, явившіяся въ прошедшемъ году на сценѣ Александринскаго Театра. Все остальное — ниже посредственности.

Самое замѣчательное явленіе въ здѣшней Русской Оперѣ была *Аскольдова Могила*, А. Н. Верстовскаго. Знатоки и любители музыки отдали полную справедливость прекрасному дарованію Русскаго композитора; опера по сію пору дается весьма часто, и постоянно привлекаетъ публику. Г-нъ Леоповъ, въ роли Торопки, превзошелъ всѣ ожиданія.

Тоска по родинѣ, другая опера А. Н. Верстовскаго, неимѣвшая успѣха въ Москвѣ, не имѣла успѣха и въ Петербургѣ.

Лѣтомъ прошедшаго года поставлена была на нашей сценѣ опера Доницзетти *Любовный напитокъ* (Elisir d'amore). Опера эта очень благосклонно принята была публикою, благодаря пѣнію и игрѣ Гг. Петрова, Леонова и Този, особенно послѣдняго, который въ роли доктора *Дулькамары* былъ очень хорошъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ.

Кромѣ этихъ трехъ оперъ, поставлена была на Русской сценѣ опера Мейербера—*Крестоносцы въ Египтѣ*, которая, однако жъ, вовсе не имѣла успѣха.

И только? вы скажете. Да, и только. Оперные пѣвцы наши имѣютъ также бенефисы, но они не отваживаются брать для бенефисовъ новыя оперы, потому что постановка требуетъ большихъ издержекъ, которыхъ бенефиціантъ выручить не можетъ. А при томъ, гдѣ взять пѣвцовъ для хорошаго исполненія передъ Петербургской публикой, музыкально-образованной, а слѣдовательно строгой и взыскательной?

Впрочемъ, минувшій годъ, не смотря

на то, что новыхъ операхъ на нашей сценѣ явилось мало, не былъ безплоденъ для Русской оперы: онъ представилъ намъ нѣсколько молодыхъ дебютантовъ и дебютантокъ, которые, по большей части, возбуждаютъ самыя лестныя надежды въ любителяхъ Оперы.

Воспитанница Театральнаго Училища Г-жа *Семенова*, сопрано, дебютировала въ *Швейцарскомъ семействѣ*, съ удивительною увѣренностью въ игрѣ и пѣніи. Потомъ играла она *Камиллу* въ Цампѣ, являлась также въ *Робертѣ*, и наконецъ въ *Сорокѣ Воровкѣ*.

Г-жа *Шифердекеръ*, переименованная въ Лилѣеву, прелестно играла и пѣла Рягту въ Цампѣ, и потомъ явилась въ операхъ *Тоска по родинѣ*.

Г-жа *Петрова*, молодая сонименница нашей любимой и извѣстной пѣвицы, съ большимъ успѣхомъ играетъ роль *Вани*, въ операхъ *Жизнь за Царя*, и недавно весьма понравилась въ роли Пипо, въ операхъ *Сорока Воровка*.

Г-жа *Колковская* является въ *Аскольдосой Могилѣ* и въ *Тоскѣ по родинѣ*.

Г-жа *Степанова*, если не пѣніемъ, то миловидностію своею плѣняетъ въ *Аскольдовой Могилѣ*.

Г-жа *Иванова* являлась въ тѣхъ же піесахъ.

Кромѣ Воспитанницъ Театральнаго Училища дебютировали въ Русской Операхъ Гг. *Куровъ* и *Захаровъ* басы, въ роли *Неизъяснимаго*, въ Аскольдовой Могилѣ; первый не безъ успѣха. Г. *Гюрто*, съ театра de la Renaissance, дебютировалъ въ роли Бертрама. Это почти единственный примѣръ, что иностранецъ не смѣшитъ въ Русской операхъ своимъ иностраннымъ произношеніемъ. Г. Гюрто хорошо знаетъ сцену, по голосъ его не довольно силенъ.

Въ дополненіе нашего очерка современнаго состоянія Русскихъ Театровъ въ Петербургѣ, скажемъ нѣсколько словъ и объ иностранныхъ Петербургскихъ трупахъ — *Французской* и *Нѣмецкой*, а наконецъ о *Балетной*.

Французскія представленія, на Михайловскомъ, а въ лѣтніе мѣсяцы на Каменноостровскомъ и иногда на Петергофскомъ Театрахъ, были, какъ и прежде, постояннымъ сборнымъ мѣстомъ лучшаго Петербургскаго общества; это единственная у насъ труппа, имѣющая всегда значительный абонементъ. Входя въ красивую залу Михайловскаго Театра, вы какъ будто вступаете въ какой нибудь аристократическій салонъ, въ которомъ наверное найдете все, что Петербургъ имѣетъ самаго блистательнаго и прекраснаго. Въ антрактахъ, безъ-этажныя ложи этого театра напоминаютъ собою ложи Италіянскихъ Театровъ, и превращаются въ небольшія гостиныя, въ которыхъ дамы принимаютъ знакомыхъ имъ кавалеровъ, и это придаетъ театру какую-то жизнь, которой не имѣетъ ни Александринскій, ни Большой Театръ.

Вторникъ, Четвертокъ и Суббота назначены для Французскихъ представленій, составляемыхъ большею частію изъ водевилей, имѣвшихъ успѣхъ въ Парижѣ; впрочемъ иногда даются также комедіи и драмы, которыя вообще разыгрываются чрезвычайно отчетливо, твердо и согласно. Въ этомъ отношеніи, Французская труппа имѣетъ рѣшительный перевѣсъ предъ всѣми другими нашими труппами; часто піеса самая плохая удается, благодаря старательной игрѣ артистовъ, которые никогда не пренебрегаютъ ролями, какъ бы незначительны онѣ ни были; отсюда происходитъ то согласіе, тотъ ensemble, которые необходимы для успѣшнаго хода піесъ, и безъ которыхъ сценическое обольщеніе не существуетъ. Вотъ чему наши Русскіе драматическіе артисты, говоримъ преимущественно о *молодежи*, должны учиться у здѣшнихъ Французскихъ артистовъ. Надобно сказать также, что и артисты, составляющіе эту труппу, отличаются самобытными, первостепенными талантами; люди, видѣвшіе

недавно Парижскіе Театры, утверждаютъ что ни на одномъ изъ нихъ не собрано вмѣстѣ столько отличныхъ артистовъ, какъ въ нашей Французской труппѣ. Тамъ часто одинъ или два хорошихъ артиста составляютъ все богатство театра, въ которомъ все остальное ниже посредственности, а у насъ всѣ хороши, и только можетъ быть два или три посредственны. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ Парижскомъ театрѣ найдете вы соединеніе такихъ талантовъ, каковы Г-жи *Аллань*, *Александръ Майеръ*, *Дюпонъ*, *и Гг. Бресканъ*, *Верне*, *Аллань*, *Дюфуръ*, *Эрикъ-Бертранъ*, *Поль Мине*, *Доделэ!* Всѣ эти артисты превосходные, которые сдѣлали бы честь каждому театру. Почти каждую, или лучше сказать на каждую недѣлю, Французскіе артисты наши представляли по новой піесѣ. Изъ этихъ піесъ болѣе другихъ имѣли успѣхъ: Le Verre d'eau, le Roman intime, Un bal masqué sous Louis XIV, Le tailleur de Londres, Une nuit au Sérail, Un Monsieur et une Dame, Tiridate, Un mariage sous Louis XV, La permission de dix heures, L'héritier d'un grand nom, les deux Voleurs.

Въ продолженіе этого года Французская труппа пріобрѣла двухъ новыхъ артистокъ, Г-жъ Дюпонъ и Дегранжъ; первая дебютировала въ комедіи Скриба le Verre d'eau, въ роли Герцогини, вторая, въ водевилѣ Un pont-neuf, въ роли молодой Маркизы, были приняты какъ нельзя лучше. Сверхъ того являлась Г-жа *Валери*, въ комедіяхъ Les jeux de l'amour et du hasard и въ Ecole des Vieillards, но не принята въ театръ.

Нѣмецкая драматическая труппа, скромная и не блистательная, дѣйствуя совершенно въ другой сферѣ и имѣя свой особенный кругъ зрителей, также не оставалась въ праздности. Представленія этой труппы давались попеременно на Александрійскомъ и Михайловскомъ Театрахъ, и были посѣщаемы почти исключительно только Нѣмецкимъ народонаселеніемъ Петербурга. Прибытіе талантливаго артиста Г. Кунста, пріѣхавшаго сюда дать нѣсколько *Gastrollen*, оживило Нѣмецкій Театръ. Кунстъ, человѣкъ съ рѣшительнымъ дарованіемъ, и имѣя все, что необходимо драматическому артисту — пріятную наружность, прекрасный органъ, знаніе сцены и отличную дикцію, игралъ здѣсь всѣ выбранные имъ роли съ большимъ успѣхомъ. Въ особенности былъ онъ хорошъ въ Гамлетѣ, въ Карлѣ Морѣ, въ Гуго (*die Schuld*) и въ Родригѣ (*das Leben ein Traum*). Нѣкоторые вздумали было сравнивать его съ нашимъ превосходнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ; но мы думаемъ, что между ними нѣтъ ни какого сходства. Василій Андреевичъ артистъ геніяльный, какихъ теперь нѣтъ ни на одномъ Европейскомъ Театрѣ, тогда какъ Кунстъ только хорошій артистъ, и притомъ Нѣмецкій; а кто только немного знакомъ съ сценическимъ искусствомъ Нѣмцевъ, тотъ знаетъ, что они пишутъ свои особенности, только имъ одномъ принадлежащія. Въ Нѣмецкомъ трагическомъ актерѣ рѣдко, почти никогда, нѣтъ натуры; Нѣмецкіе трагики вообще думаютъ, что сильная жестикуляція необходима для выраженія страстей. Этого недостатка избѣгнулъ однако же Г. Іермань, ангажированный недавно въ Нѣмецкую труппу. Игра этого отличнаго артиста рѣшительно анти-Нѣмецкая; онъ простъ, натуралъ и рѣдко прибѣгаетъ къ изысканнымъ жестамъ. Въ роли *Лира* былъ онъ превосходенъ, и мы можемъ смѣло сказать, что теперь онъ первый и лучшій у насъ Нѣмецкій артистъ. Кромѣ Іермана, Нѣмецкая труппа обогатилась пріобрѣтеніемъ милой, прекрасной артистки, *Г-жи Лилы Лёве*; амплуа, которое она теперь занимаетъ, давно уже требовало молодой, талантливой артистки, въ которой Нѣмецкая сцена сильно нуждалась со времени несравненной Г-жи Бауеръ.

Нѣмецкая оперная труппа поставила въ этомъ году только двѣ оперы, *Lucia di Lamermoor* и *Lucrezia Bordgia*, Доницаетти; объ эти оперы имѣли успѣхъ, особенно

послѣдняя, которая можетъ быть признана рѣшительно лучшимъ созданіемъ не истощимаго Италіянскаго маэстро, которому написать оперу легче, чѣмъ другому пропѣть какой нибудь романсъ. Въ Лукреціи много истинно прекрасныхъ мѣстъ; финалъ перваго акта отличается оригинальностью самаго мотива и превосходнымъ акомпаниментомъ. Въ этой операѣ отличается несравненный нашъ Ферзингъ, котораго свѣжій, полный, звучный басъ такъ хорошъ. Нѣмецкая опера, лишившись Брейтинга, пріобрѣли вмѣсто него теноръ, Г. Бекъ. Г. Бекъ обладаетъ хорошимъ, пріятнымъ голосомъ; но къ сожалѣнію голосъ этотъ еще мало обработанъ, и пѣніе его не имѣетъ хорошей методы; впрочемъ, мы должны быть благодарны заботливой Дирекціи за ангажированіе этого артиста. Брейтингъ, посѣтивъ Петербургъ, явился раза два на сценѣ. Многіе сожалѣютъ, что Брейтингъ не ангажированъ по нашу оперную сцену. По нашему мнѣнію, Дирекція поступила чрезвычайно благоразумно въ этомъ случаѣ. Г. Брейтингъ иначе не хотѣлъ заключать контракта, какъ на *семь* лѣтъ, а кто поручится за голосъ въ теченіе *семи* лѣтъ? Да по совѣсти сказать, Г. Брейтингъ только и хорошъ въ роли Элеазара въ *Жидовкѣ*.

Теперь остается намъ сказать еще нѣсколько словъ о нашей великолѣпной балетной трупнѣ. Никогда не была она въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ нынѣ. Роскошь, съ какою у насъ даются балетныя представленія, превосходитъ всякое описаніе, а присутствіе неподражаемой Г-жи Тальони придаетъ имъ прелесть невыразимую; прибавьте къ этому таланты Г-жъ Смирновой, Андріяновой и Шлефохтъ Гг. Гредлю, Гольца, Іогансона и Фредерика, и вы поймете отъ чего Большой Театръ бываетъ всегда полонъ въ дни балетныхъ спектаклей. Въ этомъ году труппа эта поставила всего три новыхъ балета: *Воспитанница Амура*, *Любовное Зелье* и *Дай*, возобновила *Зефиръ и Флору*, превосходное созданіе, несравненнаго Дидло, и *Волшебную Флейту*, въ которомъ участвовали младшаго возраста воспитанницы и воспитанники Театральнаго Училища. Отличное выполненіе всѣхъ ролей въ этомъ комическомъ балетѣ, грація маленькихъ танцовщицъ и танцовщиковъ доказываетъ, какъ много заботится дирекція наша о приготовленіи талантовъ, которые со временемъ будутъ служить украшеніемъ нашей сцены.

Кромѣ всѣхъ названныхъ нами спектаклей, въ нынѣшнемъ году имѣли мы еще Италіянскую оперу, въ которой восхищались дивнымъ талантомъ великой Пасты. Восемь представленій, данныхъ, ею были истиннымъ праздникомъ для всѣхъ любителей музыки, и мы долго, долго сохранимъ воспоминаніе о тѣхъ высокихъ минутахъ наслажденья, которыя доставила намъ великая артистка своимъ пѣніемъ и игрою.

Говоря о Петербургскихъ Театрахъ, не льзя не сказать нѣсколько словъ и о самой публикѣ.

Мы уже замѣтили, что каждый театръ у насъ имѣетъ свою публику. Самая образованная публика, по общему мнѣнію, ѣздитъ исключительно во Французскіе спектакли, въ балеты, когда танцуетъ Тальони, и въ оперу, преимущественно Нѣмецкую, если есть что нибудь новое или достойное особеннаго вниманія. Неужели же *образованная* публика не ѣздитъ въ Русскій, т. е. въ Александринскій Театръ? Нѣтъ, мы этого не можемъ, не смѣемъ, не хотимъ думать, потому именно, что достоянно, нѣсколько лѣтъ, наблюдая и театръ и публику, убѣдились совершенно въ противномъ; правда, есть нѣкоторые исключительные посѣтители Французскаго Театра, оперы и балета, посѣтители, которыхъ вы никогда не встрѣтите въ Русскомъ Театрѣ; но эти любители театра, не Русскіе, это иностранцы высшаго круга, не знающіе Русскаго языка. Но спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: есть ли въ Петербургѣ хотя одинъ *образованный* человѣкъ, который не видалъ бы Каратыгина въ Велиса-

ріи, въ Лудовикѣ XI, въ Гамлетѣ, и т. п.? Вѣрно нѣтъ! Да и кто наполняетъ Александринскій Театръ, когда даются эти піесы въ двадцатый и въ тридцатый разъ, когда онѣ, при самомъ началѣ, давались по нѣскольку разъ и даже десятковъ разъ сряду? Для публики *необразованной*, для той, которая не принадлежитъ къ аристократіи ума и вкуса, піесы эти не имѣютъ занимательности; онѣ скучны для нея, которой нужны грязные водевили, площадные фарсы, грубые каламбуры. Кто же съѣзжается въ Александринскій Театръ смотрѣть *серіозныя художественныя произведенія*? Высшая, образованнѣйшая публика, та самая, которая постоянно посѣщаетъ Французскій Театръ, восхищается Таліони, слушаетъ Пасту, Бишопъ, Гейнефеттеръ, Брейтинга и подобныхъ имъ. И нѣтъ ничего легче, какъ узнать присутствіе этой публики въ театрѣ: она вызываетъ рѣдко, но ужъ если вызоветъ, то вызовъ такой составляетъ именно гордость артиста; она никогда не вызываетъ *всѣхъ*, ее стучитъ палками, не топаетъ ногами, не надсаживаетъ груди, не дерется изо всей мочи горла. Еще менѣе позволитъ себѣ она вызвать артиста въ серединѣ акта, послѣ какой нибудь эффектной, удачно сыгранной сцены: она знаетъ, что во-первыхъ, артисту это непріятно, что это развлекаетъ его вниманіе, которое должно быть сосредоточено на созданіи цѣлаго характера, а во-вторыхъ, такой вызовъ ни имѣетъ ни какого смысла: кто истинно пораженъ художническою игрою артиста, тотъ наслаждается безмолвно, восхищается въ душѣ, плѣняется цѣлымъ созданіемъ, а не одной чертой, ищетъ мысли во всей роли, а не въ трескучихъ эффектахъ, въ отдѣльныхъ частяхъ. Если вы мирно наслаждаетесь піесою, не развлекаетесь громкими разговорами, ни впереди, ни позади васъ сидящихъ, если ухо ваше не страдаетъ отъ неистовыхъ воплей, хлопанья и топанья, то знайте, что въ театрѣ находится *боразованная публика*, съѣхавшаяся въ театръ съ тою мыслію, что театръ есть храмъ искусства, а не что нибудь другое. Теперь, вы хотите, чтобы въ Русскомъ Театрѣ была всякій разъ публика образованная? Вы хотите невозможнаго! Дайте этой публикѣ пищу, не грубую, не оскорбляющую вкусъ, дайте ей достойное ея вниманія, и, можете быть увѣрены, что она будетъ постоянно любить и посѣщать Русскій Театръ; а то неужели же вы хотите заставить, чтобъ она терпѣливо смотрѣла и слушала передѣлки Французскихъ водевилей и фарсовъ, которые видѣли прежде и въ лучшей формѣ, и въ лучшей игрѣ, на Французской сценѣ?

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и самая обыденная публика Александринскаго Театра, т. е. та, которая идетъ въ театръ отъ скуки, отъ нечего дѣлать, идетъ во всякое время, что бъ ни давали, и равно приходитъ въ восторгъ и отъ игры Каратыгина 1-го, и отъ фарсовъ Г. Самойлова, и эта самая публика стала нынѣ тише и умѣреннѣе въ порывахъ своего восторга. Теперь въ Александринскомъ Театрѣ вывелись *клакеры* или хлопальщики, которые, бывало, вызывали всякаго для своей потѣхи; теперь рѣдко бываютъ вызовы посреди акта, и т. п. Одно пока рѣзко еще бросается въ глаза непривычному посѣтителю Александринскаго Театра: это безконечные апплодисменты бенефиціанту, при первомъ его выходѣ, кто бы этотъ бенефиціантъ ни былъ: ему не даютъ открыть рта, сказать слова, заставляютъ кланяться, и чѣмъ болѣе онъ раскланивается, тѣмъ усерднѣе ему хлопаютъ, составляя изъ этого родъ какой-то забавы. Будемъ надѣяться, что болѣе частое присутствіе въ Александринскомъ Театрѣ публики высшаго образованія, и замѣчанія умныхъ и пользующихся довѣріемъ публики журналистовъ и театральныхъ критиковъ, успѣютъ искоренить и это обыкновеніе, введя его въ болѣе ограниченные размѣры.

—

Скажемъ нѣсколько словъ о Московскомъ Театрѣ.

Въ лѣтописи Московскаго Театра 1841 годъ обозначается самымъ грустнымъ воспоминаніемъ. Въ этомъ году оставила сцену незабвенная, любимая артистка Москвы, Н. В. Рѣпина. Въ продолженіе всего своего поприща, она пользовалась истиннымъ уваженіемъ, и какъ по таланту, такъ по душѣ, по уму, по образованію достойно первенствовала на сценѣ. Скольких высокихъ наслажденій лишилась Москва въ лицѣ Рѣпиной! Теперь нѣтъ, не говоримъ равной артистки, но сколько нибудь близкой къ ней. О всѣхъ новостяхъ здѣшней сцены постоянно были помѣщаемы болѣе или менѣе подробныя извѣстія почти въ каждой книжкѣ Репертуара. Намъ остается только бросить общій взглядъ на состояніе Московскаго Театра въ прошедшемъ году. Труппа драматическая, основаніе всякаго театра, краеугольный камень его, держится талантами прежнихъ артистовъ, пользующихся любовью публики. Надеждъ новыхъ рѣшительно нѣтъ. Трагедія и драма сиротствуютъ. Лучшею и незабвенною эпохою былъ для нихъ пріѣздъ В. А. Каратыгина. Съ его отъѣздомъ опустѣлъ театръ въ представленіи трагедій и драмъ. Хотя, далеко не полный, партеръ и хлопаетъ усердно Г. Мочалову, но ложи пусты. О Г-нѣ Мочаловѣ было уже столько говорено и писано, что ко всему сказанному намъ и прибавлять нечего: онъ все тотъ же, что и былъ — нерѣдко высокій, вдохновенный художникъ — на одно мгновеніе, и потомъ на цѣлый часъ, Богъ знаетъ, что такое. Слышишь глухія вскрикиванія, смѣшныя тѣлодвиженія, и часто, въ цѣлой фразѣ, не поймешь ни слова! Съ Каратыгинымъ уже и потому одному нельзя его сравнивать, что Каратыгинъ съ каждою ролею идетъ впередъ, становится выше, образуется, совершенствуется. Еще бываютъ минуты, что Мочаловъ, на мгновеніе, въ иной роли поразитъ сильнѣе, нежели въ этомъ самомъ мѣстѣ поражаетъ Каратыгинъ, то, съ другой стороны, у Мочалова нѣтъ почти ни одной роли, выдержанной ровно и до конца. Въ Гамлетѣ, правда, прорывается у него нѣсколько очень хорошихъ мѣстъ, но и то разъ на разъ не приходитъ. Г-жа Львова-Синецкая занимаетъ роли благородныхъ матерей въ трагедіи и драмѣ, и нѣкоторыя роли въ комедіи. Она, если и не обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ, но какъ умная, опытная артистка всегда бываетъ на своемъ мѣстѣ. Г-жа Орлова, въ первыхъ роляхъ вообще, бываетъ иногда очень хороша, иногда просто хороша, а иногда и дурна. Второстепенныя лица въ трагедіи болѣе или менѣе слабы.

Комедія имѣетъ прекрасныхъ артистовъ, но, по несчастію, комедіи, говоря вообще, у насъ нѣтъ. Г. Щепкинъ, талантъ, о которомъ нечего говорить, пользуется тою же славою, тою же любовью публики, какъ и всегда; да иначе и быть не можетъ. Г. Живокини постоянный любимецъ нашъ, но, по бѣдности драматическихъ произведеній, не можетъ вполнѣ выказывать разнообразія своего веселаго таланта. Г. Самаринъ молодой, умный, образованный артистъ, съ чистою любовью къ искусству. Онъ съ успѣхомъ занимаетъ амплуа молодыхъ людей въ легкой драмѣ, комедіи и водевилѣ. Отъ него можно ожидать многаго, если только будутъ піесы, въ которыхъ онъ могъ бы образоватъ свое дарованіе. Г. Садовскій въ короткое время сдѣлался любимцемъ публики. Въ его комисмѣ есть веселость неподдѣльная, естественность; отъ него будетъ зависѣть сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ. Г. Никифоровъ въ нѣкоторыхъ роляхъ безподобенъ. Г. П. Степановъ хорошъ въ карикатурѣ, но не въ роли. Наконецъ, всѣ аксессуары комедіи весьма хороши. Изъ артистокъ, Орлова занимаетъ съ успѣхомъ роли кокетокъ, но въ мужскихъ роляхъ она просто не хороша, и должна, для чести своей и искусства, отказаться отъ нихъ. Г-жа

Сабурова 1-я прекрасна постоянно въ роляхъ комическихъ старухъ.

Г-жа Сабурова 2-я, еще очень юная артистка, подаетъ прекрасныя надежды. Она совершенствуется замѣтно. Главное достоинство игры ея — благородство, чего нѣтъ въ другихъ нашихъ актристкахъ.

Теперь объ оперѣ и балетѣ. Надо сказать правду, лучшее украшеніе Московской Оперы — оркестръ, а лучшее украшеніе оркестра — Г. Іоганнисъ, молодой капельмейстеръ. Кромѣ истинной благодарности, отъ лица всей публики, ничего нельзя сказать Г. Іоганнису. Такому оркестру, какъ въ Москвѣ, конечно, недостаетъ пѣвцовъ. Бантышевъ, Бантышевъ — и одинъ Бантышевъ! Что потеряетъ театръ въ Лавровѣ? Но такіе пѣвцы-актеры рѣдки вездѣ! Гг. Лазаревъ, Бобовскій, Стрѣлковскій, Савицкая, Каплинская, составляютъ оперу, и право, по ихъ талантамъ, она идетъ иногда довольно согласно, благодаря безспорно почтенному А. Н. Верстовскому, и, разумѣется, Іоганнису. Но зная, какъ трудно имѣть хорошую оперу, любители должны довольствоваться тѣмъ, что есть, и благодарить Дирекцію, которая дѣлаетъ все, сколько позволяютъ ея средства. Въ балетѣ, Санковская 1-я и Гернно доставляютъ постоянно истинное удовольствіе.

Почти весь репертуаръ Московскаго Театра, какъ и вездѣ, питаютъ бенефисы, а бенефисы составляются наскоро изъ маленькихъ драмъ и, большею частію, пустыхъ водевилей, а въ Москвѣ по преимуществу изъ водевилей Г. Соловьева, которому, какъ начинающему, должно замѣтить, что хотя водевиль и не есть вещь литературная, а легкая игрушка, но, не менѣе того, и онъ требуетъ вкуса, приличія, языка, если уже нѣтъ веселости и остроты. Піесы Н. А. Полеваго безспорно пользовались постояннымъ успѣхомъ. Его *Параша* сколько доставила наслажденія публикѣ и пользы Дирекціи! Опять нельзя не вспомнить Н. В. Рѣпиной. Дайте какую угодно піесу, но если нѣтъ для нея артистовъ — она убита, и на оборотъ: очень слабая піеса, при игрѣ, имѣетъ успѣхъ. Сначала Н. В. Рѣпина, какъ талисманъ, привлекала въ представленія Параши. Потомъ восхищалъ въ ней В. А. Каратыгинъ. Теперь, видѣвшіе недавно Парашу — увы! не узнаютъ піесы. Мочаловъ до того холоденъ, Орлова такъ натянута, что піеса, въ чтеніи возбуждающая слезы, на сценѣ не возбуждаетъ ни какихъ чувствъ. Въ Костромскихъ Лѣсахъ были прекрасны Щепкинъ, въ роли Хорунжаго, и Сабурова 1-я въ роли Русской старухи; Сусанина опять не видали. *Отецъ и Откупщикъ*, П. А. Полеваго, имѣлъ прекрасный успѣхъ. Изъ водевилей, конечно, занимаютъ первенство милыя, благородныя піески П. С. Ѳедорова—*Путаница* и *17 и 50 лѣтъ*. Дирекціею поставлена комедія Г. Мирошевскаго: *Необыкновенный маскарадъ на Новый годъ*, черезъ чуръ плохая комедія, сдѣланная изъ прелестной повѣсти Гофмана. Въ бенефисъ Іоганниса поставлена опера *Фаворитка*, Доницетти. По условіямъ нашей сцены, она не могла быть дана, какъ написана, и требовала измѣненій въ либрето, черезъ что интересъ сюжета, можетъ быть, и проигралъ. Нельзя однако не отдать справедливости исполненію оркестра и Бантышеву. Публика единодушно вызывала его и Іоганниса. Родная Московская *Аскольдова Могила* до пыпѣ все еще наполняетъ театръ, и ее всегда принимаютъ съ восторгомъ. Прекрасно поставлены балетъ *Морской Разбойникъ* и 1-я дѣйствіе *Озера Волшебницы*.

Французская сцена украсилась новыми пріобрѣтеніями: это таланты Г-жъ Шамберн, Жеранвиль и молодаго комика Вольне. Шамберн и Вольне съ первыхъ дебютовъ сдѣлались любимцами посѣтителей прекраснаго Малаго Театра. По необходимости Шамберн играетъ иногда въ драмахъ, но ея истинное амплуа въ комедіи и водевилѣ. Въ піесѣ *La Marquise de Pré-*

tintaille она чрезвычайно хороша. Вальтеръ, режиссеръ и первый драматическій артистъ, всегда и во всемъ очень хорошъ.

Талантовъ вдругъ создавать нельзя — готовыхъ находить трудно, но много недостатковъ Русской современной сцены лежитъ на писателяхъ. Если уже намъ еще долго суждено жить одними водевилями, если водевиль до того завладѣлъ сценой, что безъ него ни шагу, то будемъ желать одного, чтобы все назначаемое для театра, въ какомъ бы родѣ ни было, было благородно, умно, написано со вкусомъ и *по-Русски*.

Въ заключеніе статьи нашей не можемъ не сказать нѣсколько словъ вообще и о провинціяльныхъ Русскихъ Театрахъ.

Число ихъ ежегодно болѣе и болѣе увеличивается въ Россіи; прежде существовавшія труппы приходятъ въ порядокъ болѣе стройный; во многихъ городахъ образуются труппы новыя, переходящія съ одного мѣста на другое, съ одной ярмарки на другую; въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ явились постоянные театры и особенныя, нарочно для театра устроенныя зданія: лѣтомъ прошедшаго года отстроенъ каменный театръ въ Харьковѣ; 27-го Ноября прошлаго года открытъ театръ въ Ярославлѣ, построенный С. Петербургскимъ купцомъ, **М. А. Яковлевымъ** *); Казань, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Орелъ, Воронежъ и нѣкоторые другіе города, не только губернскіе, но и уѣздные, имѣли въ прошедшемъ году театральныя представленія; въ нѣкоторыхъ городахъ бывали публичные спектакли въ пользу бѣдныхъ, спектакли, въ которыхъ участвовали исключительно любители театра изъ всякаго сословія. Репертуаръ, въ свое время, сообщалъ читателямъ всѣ возможныя свѣдѣнія о провинціяльныхъ театрахъ, радуясь, съ одной стороны, распространенію любви къ Театру въ Россіи, а съ другой утѣшаясь и тою мыслію, что въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ еще театра, онъ возникаетъ въ одно время съ потребностію благотворенія. Если искусство сценическое также сроднится съ Русскою жизнію, какъ сродилось съ нею добро и благотвореніе, то гдѣ какъ не въ Россіи и ожидать успѣховъ театра? Съ величайшею благодарностію Репертуаръ и впредь приметъ на страницы свои всякое извѣстіе о ходѣ и успѣхахъ театра во всѣхъ городахъ Русскихъ; онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что провинціяльные театры очень много будутъ содѣйствовать успѣшному ходу театра въ Россіи. При большемъ развитіи театра въ Россіи, провинціи могутъ снабжать даже Петербургъ и Москву достойными артистами, которые, при ихъ природныхъ дарованіяхъ, скоро свыкнутся съ условіями столичной сцены. Щепкины, Петровы, Садовскіе и многіе другіе служатъ тому доказательствомъ. Притомъ нельзя не порадоваться и тому еще, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ столичныхъ артистовъ нашихъ въ лѣтнее время посѣщаютъ провинціяльные театры: Щепкинъ бываетъ въ Казани, въ Кіевѣ, въ Харьковѣ, въ Одессѣ; Мочаловъ въ Харьковѣ, въ Кіевѣ и въ Нижнемъ, Г-жи Орлова и Дюръ были въ Нижнемъ, равно какъ и Г-нъ Мартыновъ, Живокини и другіе. Появленіе даровитыхъ или опытныхъ артистовъ, на отдаленныхъ провинціяльныхъ театрахъ, всегда оставитъ благотворные плоды; примѣръ ихъ будетъ для иныхъ самымъ лучшимъ и благодѣтельнымъ урокомъ, а въ другихъ возбудитъ, можетъ быть, и искру дарованія, которая безъ того тлилась бы несознанная въ душѣ артиста отъ природы, а не по обстоятельствамъ.

Окончивъ этотъ краткій *обзоръ* нашъ *современнаго состоянія Русскаго Театра* желаніемъ, чтобы наступившій, 1842 годъ утвердилъ тѣ надежды, доставилъ бы столько же наслажденій, и, съ другой стороны, вознаградилъ тѣ утраты, которыя

(*) См. въ этой книжкѣ Репертуара статью подъ рубрикою *Телеграфъ*.

принесъ намъ его минувшій собратъ. Театръ есть одна изъ главнѣйшихъ пружинъ народной образованности, а образованность —источникъ народнаго счастія: кто же изъ Русскихъ не раздѣлитъ отъ души нашего пламеннаго желанія?... И такъ — да будетъ!

РЕПЕРТУАРЪ.

IV. СМѢСЬ.

БІОГРАФІЯ ПѢВИЦЫ Г-ЖИ ДАМОРО-ЧИНТИ.

Разъ—это было въ 1816 году, одна молодая дѣвушка, прелестная, какъ тихое майское утро, и воспитатель ея, аббатъ Жакъ, явились къ Г-жѣ Каталани, которая, въ то время, была директрисою Италіянскаго Театра въ Парижѣ. Аббатъ долженствовалъ представить молодую дѣвушку знаменитой пѣвицѣ.

Покамѣстъ докладывали о нихъ, дѣвушка, веселая еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вдругъ сдѣлалась грустною и задумчивою. Она ждала отвѣта молча, неподвижно, не отводя глазъ отъ одного угла пріемной. Спутникъ ея хотѣлъ было завести съ нею разговоръ, но она остановила его и, взявъ его за руку, сказала съ очаровательною улыбкою:

— О, теперь я не пойму васъ, аббатъ.... Если бъ вы знали, какъ я разстроена....

«Возможно-ли, Лаура? Неужели вы робѣете?»

— Робѣю? Нисколько; *она*, говорятъ, такъ добра.... но я не спокойна, и не могу равнодушно думать о свиданіи, отъ котораго зависитъ моя участь.

«Конечно, свиданіе это важно; однако жъ, во всякомъ случаѣ, не должно такъ смущаться, тѣмъ болѣе, что у васъ непреодолимая склонность....»

— Скажите лучше: призваніе.

«Положимъ; такъ за чѣмъ же сомнѣваться въ успѣхѣ?»

— Вы правы, аббатъ.... О, если бъ осуществились всѣ мечты мои!.... Слава! слава!.... Мнѣ надобно славы!....

Въ это мгновеніе ихъ извѣстили, что Г-жа Каталани готова принять ихъ.

Они вошли. Аббатъ представилъ смущенную Лауру.

«Вотъ,» сказалъ онъ, «дитя, которое проситъ васъ о покровительствѣ, проситъ о томъ, чтобы вы не отказались быть руководительницею его на пути, избранномъ имъ. Дитя это, моя питомица. Она — смѣю предварить васъ — не будетъ довольна обыкновенными успѣхами. Съ того времени, какъ она услышала васъ, мысль о громкой извѣстности, о славѣ не даетъ ей покоя.... Вы, сударыня, только вы одни можете помочь ей достигнуть этой цѣли.»

Г-жа Каталани поцѣловала Лауру, и попросила ее спѣть что нибудь. Испытаніе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Лаура пѣла съ такимъ чувствомъ, голосъ ея былъ такъ чистъ и гибокъ, что Г-жа Каталани осыпала ее похвалами, и тогда же приняла въ свою труппу.

Въ томъ же самомъ году, Лаура дебютировала въ операхъ Cosa rara, въ которой, не задолго предъ тѣмъ, прославилась Г-жа Барильи. Дебютъ ея былъ блистательный, и публика, по обыкновенію, забыла для нея свою прежнюю любимицу, Г-жу Барильи, умершую во всемъ блескѣ таланта и молодости. Послѣ того,

Лаура явилась въ роли пажа въ Nozze di Figaro, Моцарта. Она играла въ этой операѣ вмѣстѣ съ Г-жею Каталани, и была принята съ восхищеніемъ. Впрочемъ, она вполнѣ заслужила этотъ успѣхъ: быть можетъ, въ свѣтѣ нѣтъ артистки, къ которой бы лучше шло названіе Cherubin d'amore, которое придумала Сусанна для любимца Графини Альмавивы, какъ шло оно въ то время къ прелестной Лаурѣ. Всѣ лица, принадлежавшія къ театру, любили ее не менѣе публики. Извѣстный Бордоньи радушно училъ ее пѣть; Гарсіа, столь же искусный актеръ, какъ и пѣвецъ, былъ руководителемъ ея въ изученіи ролей. А она — она, всегда милая, всегда очаровательная, пользовалась наставленіями ихъ съ такимъ умомъ, что они вскорѣ сдѣлались лишними для нея. Успѣхи Лауры были столь быстры, что вскорѣ послѣ поступленія ея на театръ, Гарсіа не усомнился вѣтрить ей довольно важную роль въ операѣ своей *Халифъ Багдадскій*. Она исполнила эту роль превосходно.

Мало по малу, репертуаръ Лауры увеличился. Она пѣла и съ Г-жею Ронци Дебеньи (Ronzi Debegnis), и съ Пастою, и съ Г-жею Фодоръ-Мевіель, а потомъ, когда Г-жа Фодоръ отправилась въ Италію, она замѣстила ее въ роляхъ: *Розины* въ Севильскомъ Цирюльникѣ, *Аниты* въ Сорокѣ воровкѣ, *Церлины* въ Донъ Жуанѣ, и вообще во всѣхъ тѣхъ роляхъ, которыя до того занимала эта знаменитая пѣвица.

Преждевременные успѣхи на сценѣ нерѣдко вредятъ развитію таланта. Они особенно пагубны для женщинъ, которыя столь охотно увлекаются внушеніями своего самолюбія и похвалами своихъ пристрастныхъ поклонниковъ. Понравившись публикѣ, артистки тотчасъ перестаютъ заниматься изученіемъ своего искусства, и вскорѣ лишаются ея благосклонности. Но Лаура не принадлежала къ числу подобныхъ женщинъ. Она не пренебрегала ни однимъ полезнымъ совѣтомъ, никогда не переставала учиться, и за то всегда была любима публикою.

«Но какъ же зовутъ эту рѣдкую пѣвицу?» наконецъ, безъ сомнѣнія, спрашиваете вы. Когда она была еще маленькою дѣвочкою, ее звали дѣвицею *Сентъ* (Cinthye); на Италіянскомъ Театрѣ, она называлась Г-жею *Чинти*, а потомъ, выйдя за мужъ, она присоединила къ этому имени имя мужа, и теперь, когда она извѣстна всей образованной Европѣ, ее зовутъ Г-жею *Чинти-Даморо* . . . .

Цѣлыя десять лѣтъ находилась Г-жа Даморо на Италіянскомъ Театрѣ. Въ продолженіе этого времени, нѣсколько разъ предлагали ей дебютировать на сценѣ Королевской Академіи Музыки, но она не соглашалась. Наконецъ случай сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать предложенія. Г-жа Даморо согласилась сыграть роль Филлиды въ операѣ Лебрена *Соловей*, — операѣ, котораа дана была на этомъ театрѣ въ пользу жителей Салена (Salins), пострадавшихъ отъ пожара. Это представленіе, на которое собралось высшее Парижское общество, имѣло успѣхъ неописанный. Чтобы лучше понять эффектъ, произведенный имъ, надобно знать, что въ то время, съ самаго удаленія Г-жи Альберъ, никто (за исключеніемъ, впрочемъ, Пурра) на сценѣ Королевской Академіи Музыки не считалъ нужнымъ вокализировать. Тамъ всѣ кричали, на перерывъ одинъ передъ другимъ. Артисты прежней школы, въ челѣ которыхъ находился Деревисъ старшій, не смотря на измѣненія, происшедшія въ искусствѣ, упрямо слѣдовали той методѣ пѣнія, которую Италіянцы такъ забавно прозвали *urlo francese*. Но Г-жа Даморо доказала, что даже и на обширной сценѣ пѣть ни какой надобности оглушать публику для того, чтобы заслужить рукоплесканія. Примѣру, поданному ею, къ счастію послѣдовали, и представленіе *Соловья* произвело благодѣтельную реформу. Лэ (Lays), который, постаравшись, еще могъ пѣть хорошо, начиналъ по временамъ

восхищать публику звуками, нѣсколько подобными прелестнымъ звукамъ голоса нашего Ферзинга, а потомъ и всѣ прочіе перестали переходить за предѣлы умѣренности, въ отношеніи къ пѣнію. Артисты Академіи будто бы боялись испугать милую птичку, которая прилетѣла къ нимъ съ Италіянскаго Театра. Этотъ-то переворотъ произвелъ тотъ магическій эффектъ, о которомъ упоминули мы выше.... Дирекція Академіи, раздѣлившая общій восторгъ, предложила Г-жѣ Даморо перейти на свой театръ.

Г-жа Даморо не вдругъ рѣшилась принять предложеніе дирекціи; она три мѣсяца пѣла попеременно на томъ и на другомъ театрѣ, и только одинъ неслыханный успѣхъ, который заслужила она въ роли *Амазили*, въ операѣ Фернандо Кортесъ, заставилъ ее перейти въ труппу Академіи.

Съ той поры все измѣнилось на Театрѣ Оперы. Прежняя дурная метода пѣнія исчезла и, какъ будто въ замѣнъ ея, тамъ появились произведенія многихъ другихъ знаменитыхъ композиторовъ. Это были: *Осада Коринѳа*, *Письмо изъ Портичи*, *Моисей*, *Графъ Ори*, *Вильгельмъ Тель*, *Роберть Клятва*, и пр. Каждая изъ этихъ операъ была новымъ торжествомъ для чуднаго таланта Г-жи Даморо.

Между тѣмъ, Г-жу Даморо ждало другое поприще: ей суждено было воскресить театръ Комической Оперы, находившійся въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отъ пагубнаго для него соперничества Театра Водевилей. Г-жа Даморо замѣтила, что образцовыя произведенія, успѣху которыхъ на сценѣ Академіи она столь много содѣйствовала, уже не удовлетворяли жадному любопытству публики. Это убѣжденіе склонило знаменитую пѣвицу принять предложеніе Г. Кронье, директора Комической Оперы, который, съ давняго времени, старался привлечь ее на свой театръ. Г-жа Даморо дебютировала на сценѣ Комической Оперы въ *Актеонѣ*, Обера, который, зная всю цѣну таланта дебютантки, написалъ для нея въ послѣдствіи *Посланницу*, *Черное Домино* и *Занетту*. Адамъ ввѣрилъ ей судьбу своей *Перонской розы*, и, мало по малу, прелестный Театръ Комической Оперы, котораго была она душою, снова началъ привлекать многочисленныя толпы любителей. Но, къ несчастію, иногда разрываются самыя тѣсныя дружескія связи. Оберъ, столько облизанный Г-жѣ Даморо, вдругъ пересталъ писать для нея роли. Г-жа Даморо скорбилась этимъ, и оставила Комическую Оперу, не смотря на всѣ просьбы, на всѣ убѣжденія. На послѣднее представленіе, въ которомъ участвовала она, публика собралась въ необычайномъ множествѣ. Вотъ что было сказано о немъ въ одной Французской газетѣ:

«Г-жа Даморо вчера простилась съ нами: малиновка наша въ послѣдній разъ восхитила насъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ. Надобно думать, однако жъ, что желанія публики будутъ услышаны, и что мы разстаемся съ нашею пѣвицею не на всегда. Поклонники таланта Г-жи Даморо собрались вчера въ Фаварскомъ Театрѣ, чтобы еще разъ привѣтствовать тотъ неподражаемый вкусъ, ту вѣрную и прелестную методу, и наконецъ ту чистоту звуковъ, которые столь рѣдко встрѣчаются въ наше время. Въ этотъ вечеръ, съ живѣйшимъ восторгомъ соединились самыя искреннія сожалѣнія. Никогда ни одна пѣвица не передавала роли *Амазилы*, въ Черномъ Домино, столь увлекательно, столь мило, какъ передала ее, въ этотъ разъ, Г-жа Даморо. Она, какъ будто, создала ее вновь. Рукоплесканія потрясли театральную залу, цвѣты потокомъ посыпались на сцену.»

Потомъ въ газетѣ присовокупляли:

«Теперь остается намъ протестовать противъ столь преждевременнаго оставленія театра. Г-жа Даморо еще во всей зрѣлости своего таланта. Если она же-

лаетъ поберечь свои силы, отдохнуть отъ трудовъ, — о чемъ старалась она такъ усердно, — пусть же исполнятъ ея желаніе; но легко сохранить для комической оперы этотъ, столь совершенный талантъ; надобно только щадить его, считая его образцомъ изящнѣйшей граціи, гибкости, неподражаемой вѣрности сценической и крайней нѣжности. Г-жа Даморо, навѣрное, не отказалась бы разъ въ недѣлю, или, по крайней мѣрѣ, три раза въ мѣсяцъ, участвовать къ представленіяхъ Театра Фейдо, дабы примѣръ ея драгоцѣнныхъ качествъ не былъ утраченъ для дебютантокъ.»

Это новое предложеніе принято не было: Г-жа Даморо, какъ и выше замѣчено, оставила Комическую Оперу. Но, покинувъ ее, Г-жа Даморо, безъ сомнѣнія, не покинетъ искусства, не перестанетъ пѣть въ публикѣ. Она еще слишкомъ молода для этого; голосъ ея еще не лишился ни своей прелести, ни своей первоначальной гибкости. И притомъ, вѣдь искусство заключается не въ одномъ только Парижѣ. Дарованіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ всей Европѣ, можетъ ожидать блестящихъ успѣховъ въ каждой другой столицѣ. Поблагодаримъ же стеченіе обстоятельствъ, безъ котораго мы, быть можетъ, никогда не видали бы у себя этой знаменитой артистки. Поблагодаримъ ее за пріѣздъ въ Петербургъ, и если она останется у насъ только въ продолженіе одного *сезона*, докажемъ ей, что она не ошиблась, надѣясь на благосклонность Русской публики, которая умѣетъ цѣнить истинное дарованіе.

І. Гилью.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ОПЕРЫ, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Королевскій Берлинскій Оперный Театръ праздновалъ недавно столѣтній юбилей заложенія, въ 1741 году, перваго опернаго театра въ Берлинѣ. Стеченіе публики было чрезвычайное. Представленіе, данное по этому случаю, было названо на афишѣ *Историческою музыкальною Антологіею*, и состояло изъ отрывковъ и сценъ знаменитѣйшихъ Нѣмецкихъ оперъ, написанныхъ въ теченіе вѣка; оно раздѣлялось на двѣ части, изъ коихъ первая была посвящена композиціямъ отъ 1741 до 1790 года, а вторая композиціямъ новѣйшимъ. Два первые нумера первой части имѣли неравную судьбу: въ началѣ была исполнена увертюра оперы Il Re pastore, написанной Фридрихомъ Великимъ, въ царствованіе котораго построенъ первый Берлинскій театръ; за тѣмъ слѣдовала сцена изъ *Клеопатры и Цесаря*, оперы Грауна, игранной при открытіи этого театра, въ 1742 году. Увертюру Великаго Короля приняли съ восторгомъ, и по общему требованію повторили; но сцена изъ оперы Грауна, хотя исполненная музыкальныхъ красотъ, не произвела ни какого впечатлѣнія: причиною тому были театральные костюмы той эпохи, соблюденные во всей точности. Римскіе герои появились въ красныхъ Французскихъ кафтанахъ, шитыхъ золотомъ, въ напудренныхъ парикахъ à l'oiseau royal, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ красными каблуками, и сверхъ всего этого въ древнихъ шлемахъ; Царица Египетская вышла въ парчевомъ платьѣ, съ шелковыми цвѣтами и арабесками, съ бочками въ пять футовъ ширины, прическою непомѣрной высоты, на самой вершинѣ которой гнѣздилась крошечная пастушеская шляпка, и притомъ съ скипетромъ въ рукѣ! Публика не могла удержаться отъ смѣха, и захохотала такъ громко, что заглушила и пѣніе и оркестръ; актеры и особенно актрисы совершенно потерялись, сбились, удалились за кулисы, и должно было опустить завѣсу.—Прочіе нумера первой части, хотя избранные съ знаніемъ дѣла и разсудительно между творепіями Гассе, Фукса, Рейхарда и даже Генделя и Глука, не понравились публикѣ. За то, всѣ піесы второй части, заимствованныя у Моцарта, Винтера, Бетговена, Аббата Фоглера, Вебера, Мейербера и Мендельсона-Бартольди, были осыпаны рукоплесканіями. Эта часть началась увертюрою, написанною покой-

нымъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, и поразившею тѣмъ пріятнѣе, что въ музыкальномъ свѣтѣ дошлые были извѣстны изъ композицій покойнаго Короля только нѣсколько военныхъ маршей, напечатанныхъ въ общемъ собраніи Прусскихъ маршей. Рукопись этой замѣчательной композиціи найдена въ бумагахъ покойнаго Мопарха, и утверждаютъ, что она никогда еще не была исполнена, даже въ семейномъ кругу вѣнчаннаго композитора.

СТРОГОСТЬ ПУБЛИКИ ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Старинные посѣтители театровъ не могли терпѣть, когда въ какой нибудь драмѣ невинность не торжествовала надъ злою судьбою, и когда злодѣи оставались безнаказанными. Въ слѣдствіе этого общепринятаго мнѣнія, котораго очень боялись всѣ директоры театровъ, въ минувшемъ столѣтіи долгое время не рѣшались умерщвлять на сценѣ любимаго публикою Принца Гамлета; окруженный мертвецами и умирающими, онъ читалъ длинный монологъ, въ которомъ давалъ обѣщаніе царствовать кротко и милостиво, и сверхъ того воздвигнуть монументъ надъ могилою Офеліи, для успокоенія души своей.—Хуже всего поступили въ этомъ отношеніи *наши дѣды и отцы* при представленіи драмы *Агнесы Бернской*, слѣдовательно уже за 60 лѣтъ предъ симъ. Большая часть публики была ожесточена всѣми несправедливостями, заключавшимися въ этой піэсѣ, и на перекоръ истинному происшествію, послужившему сюжетомъ драмы, рѣшила, что интересная Агнесса не должна погибать въ волнахъ, а *жестокій тиранъ*, весьма слабо наказанный въ піэсѣ, долженъ непремѣнно подвергнуться уголовной казни. Публика забушевала, и актеръ, представлявшій тирана, не смѣлъ показываться ни въ одномъ трактирѣ, изъ опасенія получить, если не казнь, то, по крайней мѣрѣ, побои, слѣдовавшіе, по общему приговору публики, ненавистному тирану. Нѣмецкаго актера Валлершенка, игравшаго эту роль въ Зальцбургѣ, едва не закололи, за ужиномъ въ трактирѣ, обыкновенными столовыми ножами, и его спасла только подоспѣвшая на крикъ стража. Неизвѣстно до чего бы дошло это ожесточеніе публики, если бы не явился избавитель для артистовъ, Нѣмецкій писатель Шикенедеръ, который измѣнилъ окончаніе піэссы, на перекоръ историческому происшествію, и вдругъ явилась на афишѣ надпись: Сегодня, при представленіи *Агнесы Бернской*, не она, а тиранъ Вицедомъ будетъ свергнутъ съ моста въ воду.» — Публика была въ восторгѣ, и при представленіи плакала отъ всей души!

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ: И. А. ДМИТРЕВСКІЙ ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ ПАНТЕОНѢ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Эта Біографія Дмитревскаго или, справедливѣе, повѣсть, написана Г-мъ Кони. Не входя въ разбирательство ея литературнаго достоинства, я замѣчу только, что она наполнена множествомъ ошибокъ и промаховъ, доказывающихъ только смѣлость Г-на сочинителя статьи, который берется писать о томъ, чего не знаетъ. Мы, коренные жители Ярославля, знакомые съ мѣстностію города и обычаями его жителей, только посмѣялись надъ вздоромъ, который разсказываетъ Г-нъ сочинитель, но другіе могутъ ему повѣрить и — обмануться, а потому я покорнѣйше прошу Редакцію *Репертуара*, берущаго въ будущемъ году и *Пантеонъ* подъ свою опеку — къ общему удовольствію любителей Театра, напечатать мои замѣчанія.

а) Въ Біографіи сказано, что» *первоначальное открытіе Русскаго Театра было въ Праздникъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, въ кожевенномъ амбарѣ купца Полушкина, когда онъ праздновалъ свое рожденіе.*» — Неужели Г. Кони не знаетъ, что Русскіе купцы вообще, и Ярославскіе въ особенности, день сво-

его рожденія не празднуютъ даже и теперь, а въ 1750 году и подавно не праздновали, а празднуютъ они день имянинъ — это другое дѣло, празднуютъ, начиная отъ бѣдняка до богача, всегда по силѣ и возможности каждаго? Такъ было и у Полушкина: онъ исправлялъ день своихъ *имянинъ*, а не *рожденія*. О томъ я слышалъ отъ старожиловъ Ярославскихъ; то же самое писалъ П. Н. Сумароковъ, вѣроятно, слышавшій объ этомъ событіи отъ самихъ Волкова и Дмитревскаго, но котораго числа и мѣсяца былъ этотъ праздникъ, не извѣстно.

б) «*Весь переулокъ, обхваченный заборомъ селитряныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ уличанъ (?) любопытнымъ*. Здѣсь Г. сочинитель всѣ заведенія Полушкина смѣшалъ въ одно мѣсто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они находились въ разныхъ мѣстахъ, а именно: домъ и при ономъ кожевенный заводъ находились внутри такъ называемаго Земляного Города, въ приходѣ Николо-Надейской Церкви. Каменный домъ, въ которомъ жилъ Полушкинъ, существуетъ понынѣ на *Пробойной Улицѣ*, возлѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и принадлежитъ Г. Холмогорову; онъ теперь внутри и снаружи перестроенъ, но стѣны и подвалы тѣже. Нынѣшній лицевой фасадъ, при Полушкинѣ былъ обращенъ на дворъ, а дворовый на улицу, ибо тогда Пробойной Улицы не было, а находилась другая, *Ильинская*, по ту сторону дома (нынѣ застроенная присутственными мѣстами). Слѣдовательно, часть нынѣшней Пробойной Улицы и противолежащее мѣсто, нынѣ принадлежащее Г. Шишкину и мѣщанину Узденкову, вплоть до Николо-Надейской Церкви, составляло собственность Полушкина. На этомъ-то мѣстѣ находился кожевенный заводъ, знаменитый по рожденію въ немъ Русскаго Театра. До 1831 года, на землѣ, принадлежащей теперь Г. Шишкину, существовало большое, продолговатое со сводами каменное зданіе, судя по архитектурѣ, построенное около 1700 года. Это былъ тотъ самый амбаръ, гдѣ въ первый разъ устроенъ былъ храмъ Мельпоменѣ и Таліи. Въ послѣдствіи времени, заводъ уничтоженъ, земля Полушкина, при новой планировкѣ города (по Высочайше утвержденному плану 1778 года), раздѣлена улицей на двѣ части, и поступила къ разнымъ владѣльцамъ, каменный же амбаръ долго служилъ складочнымъ мѣстомъ для хлѣбнаго вина, и наконецъ, для распространенія двора, предшественникомъ Г. Шишкина, Г-мъ Пономаревымъ сломанъ. Вотъ настоящее и подлинное мѣсто рожденія Русскаго Театра. Селитряный и сѣрно-купоросный заводы находились за городомъ, на берегу рѣки Волги, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома Полушкина; нынѣ это мѣсто принадлежитъ Г. Мойкову; прежніе селитряный и сѣрно-купоросный заводы замѣнены теперь водочнымъ и пивоваренымъ. Напротивъ завода, за оврагомъ, существуетъ чистая древняя сосновая роща, принадлежавшая прежде тоже Полушкину; она донынѣ сохраняетъ названіе *Полушкиной*, и служитъ, въ лѣтнее время, мѣстомъ пріятной прогулки для жителей Ярославля, куда они пріѣзжаютъ цѣлыми семействами, съ самоварами, чаемъ, закусками и проч., повеселиться и подышать чистымъ воздухомъ, на берегу величественной Волги.

в) Что касается до утвержденія Г-мъ сочинителемъ статьи, будто бы Полушкинъ угощалъ гостей своихъ «*Кизляркой и домашнимъ пивомъ*». Это утвержденіе до казываетъ, что Г. сочинитель не только плохо знаетъ тогдашній бытъ Русскій, но вообще весьма не далекъ въ самыхъ простыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ: довольно сказать одно, что городъ Кизляръ, откуда привозится Кизлярская водка, только не задолго до того времени основанъ, слѣдовательно и не могъ снабжать Россію своей водкой; притомъ же, Кизлярскую водку пьютъ только съ чаемъ, а

о чаѣ въ то время и помину не было! Вмѣсто всего этого, у Русскихъ купцовъ были въ большомъ употребленіи разноягодныя домашнія наливки, разнородныя варенья и мореные пива и меды, а какъ Полушкинъ былъ богатый и извѣстный, не только въ Ярославлѣ, но и въ Петербургѣ купецъ, и притомъ Русскій хлѣбосолъ, слѣдовательно, у него недостатка не было не только въ отличныхъ наливкахъ, крѣпкихъ пивахъ и сладкихъ медахъ, но и въ заморскихъ винахъ.

г) «*Полушкинъ, въ смазныхъ Нѣмецкихъ сапогахъ, поглаживая рыжую бо-родку, стоялъ у входа и низко кланялся.*» — И нынѣ брадатые наши купцы привержены болѣе къ козловымъ, нежели къ смазнымъ сапогамъ; а въ то время смазныхъ сапоговъ и вовсе не носили, слѣдовательно, Полушкинъ былъ въ козловыхъ сапогахъ, и гладилъ не *бородку*, а *окладистую бороду*, ибо бородки носятъ только нынѣшніе Французско-Русскіе щеголи, а мы, Русскіе купцы, носили *бороды*.

д) «*Безпрестанно изъ маленькихъ дверей, гдѣ жилъ главный прикащикъ заво-ды Ѳ. Г. Волковъ, съ братьями, прибѣгали въ сарай люди.*» — Не знаю, съ чего вздумалось Г. Коню именовать Ѳедора Григорьевича Волкова съ братьями *прикащиками Полушкина*, когда они были его *пасынки* или *почти усыновленныя дѣти*, ибо старикъ Полушкинъ женатъ былъ на вдовѣ, Костромской купчихѣ Волковой, у которой отъ перваго мужа были три сына, Ѳедоръ, Григорій и Гаврило; старшій завѣдывалъ всѣми дѣлами своего отчима, бывалъ каждогодно въ Петербургѣ для продажи и покупки товаровъ, и тамъ-то, при видѣ Италіянскаго, Нѣмецкаго и Французскаго театровъ, родилась въ немъ мысль основать въ Ярославлѣ Русскій Театръ, что и исполнилъ онъ, не смотря на предразсудки многихъ изъ своихъ сограждапъ, называвшихъ заведеніе театра дѣломъ еретическимъ, безполезнымъ и проч. Впрочемъ Волковъ былъ истинный Христіанинъ и примѣрный сынъ Церкви; онъ дѣлалъ отъ своего усердія многіе вклады въ свою приходскую Николо-Надѣинскую церковь, которые и теперь можно видѣть въ разныхъ вещахъ. Особенно заслуживаетъ вниманія по красотѣ, тщательной отдѣлкѣ и позолотѣ иконостасъ въ холодной церкви, по его рисунку и его стараніемъ устроенный, нѣсколько похожій на Петро-Павловскій, что въ С. Петербургской Крѣпости, который, должно полагать, и взятъ въ образецъ, но въ меньшемъ размѣрѣ и со многими измѣненіями. Этотъ иконостасъ вполнѣ доказываетъ изящный вкусъ Волкова.

Въ заключеніе скажу, что Н. А. Дмитревскій родился въ Ярославлѣ, 28-го Февраля 1734 года, слѣдовательно онъ умеръ 87-ми лѣтъ 8-ми мѣсяцовъ, а не 93-хъ, какъ сказано въ біографической повѣсти.

С. С.

Ярославскій купецъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Недавно скончался въ Парижѣ извѣстный драматическій писатель, Г. Теолонъ, долгое время съ любовью и усердіемъ трудившійся для Французской сцены. Жюль-Жаненъ, театральный критикъ *Журнала Преній* (Journal des Débats), слѣдующимъ образомъ говоритъ о кончинѣ этого писателя:

«Г. Теолонъ скончался на прошедшей недѣлѣ, вдругъ, сочинивъ и прочтя послѣдній куплетъ свой. Онъ былъ человѣкъ ума необыкновеннаго, тонкаго, развязнаго, пламеннаго, дѣятельнаго, творческаго. Никого изъ самыхъ искусныхъ театральныхъ *Журнала забавниковъ* (amuseurs) нашего времени нельзя сравнить съ Г. Теолономъ. Онъ родился изобрѣтателемъ, и обладалъ многими свойствами писателя комическаго: наблюдательностью, насмѣшкою, веселіемъ, непринужденностію. Подобно старинпымъ драматическимъ писателямъ, онъ жилъ со дня на день, и конечно, употребилъ болѣе усилій, чтобъ умереть въ бѣдности, нежели

бы стоило ему постараться, чтобъ скончаться въ замкѣ, который бы принадлежалъ ему.

«Часто говорятъ о Лопе-де-Вегѣ, Кальдеронѣ и ихъ удивительной плодовитости; но что она такое въ сравненіи съ плодовитостью Теолона (*)? До чего онъ ни прикасался, все превращалось въ водевиль или комедію. Въ одинъ мигъ назначалъ онъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, всегда послушныхъ голосу своего повелителя. Разговорный языкъ его былъ простъ, естественъ и легокъ; онъ постыдился бы заимствовать острыя слова изъ книгъ, или списывать готовыя сцены изъ забытыхъ комедій. Веселіе его было не шумное, и не принуждало васъ смѣяться во что бы ни стало; онъ былъ недальновиденъ, но за то смотрѣлъ на вещи съ должной точки. — Таковъ былъ этотъ человѣкъ, многочисленные успѣхи котораго увлечены временемъ гораздо скорѣе, нежели можно было предполагать. Онъ, однако же, не дорожилъ своими произведеніями, и даже часто забывалъ названія самыхъ лучшихъ піесъ своихъ. Однажды, я самъ видѣлъ Теолона, хохотавшаго отъ всей души и рукоплескавшаго при представленіи комедіи, сочиненной имъ задолго предъ тѣмъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что самъ былъ ея авторомъ.

«Вокругъ Теолона, въ продолженіе его жизни, появлялось множество громкихъ именъ и репутацій. Многіе пріобрѣтали успѣхи блистательнѣе, но не многочисленнѣе его. Изъ области, принадлежавшей ему по всѣмъ правамъ, начиная отъ Французской Комедіи до Комической Оперы, отъ Большой Оперы до Водевиля, отъ Театра des Variétés до Gymnase, онъ былъ изгнанъ мало по малу, и замѣненъ другими, но не замѣненъ ими. Онъ, однако же, никогда не замѣчалъ этой несправедливости. Нисколько не защищаясь, онъ уступалъ мѣсто свое первому, изъявлявшему на то желаніе. Рождалась ли въ немъ новая идея — драгоцѣнная рѣдкость въ нашемъ вѣкѣ, — онъ не скрывалъ ее ни отъ кого, и ею обыкновенно пользовались другіе. Окончивъ прекрасную сцену, онъ ее разсказывалъ встрѣчному - поперечному. Какъ часто отдавалъ онъ, за безцѣнокъ — за женскій эшарпъ, за золотую пряжку, за розовую шляпку — половину водевиля, за который могъ бы пріобрѣсть нѣсколько десятинъ земли! — Изъ всѣхъ людей, продающихъ умъ свой первому покупщику, изъ всѣхъ изобрѣтателей, не сохраняющихъ ничего для самихъ себя; изъ всѣхъ счастливыхъ поэтическихъ *бродягъ*, довольныхъ малымъ, имени которыхъ не знаетъ ни одинъ банкиръ, ни одинъ нотаріусъ или маклеръ, словомъ, изъ всей беззаботной литературы, живущей и мыслящей на удачу, и изгладившей изъ своего словаря безпокойное слово: *завтра*, Теолонъ былъ послѣднимъ. За то, какъ онъ улыбался, когда ему показывали карету А*, его товарища, домъ Б*, другаго товарища его, помѣстье В*, также товарища его, академическія кресла Д*, товарища же его, Что! фермы, домы, мызы, Академія! восклицалъ Теолонъ. О Панаръ, о Пиронъ, и ты, Лесажъ, нашъ общій наставникъ, гдѣ вы, и что скажете вы о томъ?

«И такъ, во Вторникъ, несчастнаго Теолона отвезли въ послѣднее жилище, а на слѣдующій за тѣмъ день возвѣщали на Театрѣ Водевиля послѣднюю піесу Теолона. Какое малое разстояніе между прощальнымъ куплетомъ и литіей de profundis! Что дѣлать: театръ подобенъ смерти — его не остановитъ ничто. Подавайте намъ ежедневно и смѣхъ и горе. Ты умеръ, хорошо: тебя похоронятъ поутру, но вечеромъ, по обязанности, ты долженъ насъ смѣшить. Поутру мы приготовимъ для

(*) Замѣчательнѣйшія изъ его піесъ суть: La Clochette, les Rosières, le Chaperon Rouge, le Roi et le Laboureur, Jeanne d'Arc, Partie et Revanche (Усы), Partie carrée, les Maris ont tort, la Mère au bal et la fille à la maison, la Suite du Folliculaire, M. Jovial, ou l'huissier chansonnier (Стряпчій подъ столомъ), le Barbier Chatelain, Jovial en prison, le Bénéficiaire, le Centenaire, Kean, le Perè de la Débutante (Левъ Гурычъ Синичкинъ) и пр. и пр.

твоего гроба яму аршина въ три, и засыпемъ тебя землею, а вечеромъ, для твоего ума, нарядимся, будемъ хлопать и улыбаться. И такъ, любезнѣйшій другъ, завѣсь чело свое крепомъ чернымъ, а тѣло крепомъ розовымъ.

«Послѣдняя піеса Теолона называется: l'Ingénue de Paris, т. е. *Парижская невинная дѣвочка*. Эрнестина, при всей своей невинности, влюбляется въ Альберта, не отвергаетъ любви Г. Ришара, успокоиваетъ припадки ревности степеннаго Жермини, и утѣшаетъ молодую тетушку свою Дельфину... Однимъ словомъ, она настоящая Парижская невинная дѣвочка! — Слѣдя за драматическимъ ходомъ піесы, слушая радостный хохотъ, остроумныя шуточки, сладкія любовныя рѣчи, намъ не вѣрилось, что видимъ предмогильную шутку, что за этою театральною маскою скрывается мертвая голова, и что только наканунѣ того дня преданы землѣ послѣдніе останки нашего автора. Дождь лилъ ливмя, вѣтеръ дулъ пронзительно; послѣдніе листья плачущей ивы жалостно носились надъ могилами. Бѣдный трупъ нашего автора замерзалъ въ саванѣ; рука его, не мало написавшая на своемъ вѣку костенѣла навсегда; уста его, издававшія столько радостныхъ пѣсень, уже леденѣли — точащій червь проникалъ въ сердце, не разъ ощущавшее пламенную любовь. А между тѣмъ, всѣхъ насъ еще смѣшила его радость, его умъ, его доброе и веселое расположеніе, вновь распустившееся на самомъ краю могилы. Какія противоположности бываютъ въ нашей жизни, и какъ былъ бы радъ самъ Теолонъ, если бъ могъ быть свидѣтелемъ этого контраста!»

— Сверхъ того умерла въ Парижѣ недавно Г-жа Жеводанъ, извѣстная въ драматическомъ свѣтѣ подъ именемъ Г-жи Девіень. Она родилась въ Лионѣ въ 1765 г., дебютировала 7-го Апрѣля 1785 въ Парижѣ, въ роли Дорины, въ *Тартюфѣ*, и была принята на театръ въ томъ же году. Въ 1793 г. она была заключена въ темницу, наравнѣ съ прочими артистами и артистками, и потомъ, въ 1794 г., поступила въ труппу, изъ которой со временемъ образовался Французскій Театръ. Г-жа Девіень особенно отличалась въ роляхъ субретокъ, и сошла съ театра въ 1815 г.

— Германская сцена понесла недавно тяжкую потерю: 28-го Ноября скончался, послѣ продолжительной болѣзни, Дрезденскій актеръ Паули. Онъ пріобрѣлъ извѣстность на всѣхъ Нѣмецкихъ театрахъ, мастерскою игрою въ характерныхъ роляхъ, и отличался и въ драмѣ и въ высокой комедіи.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Театральный Телеграфъ начнетъ вполнѣ дѣйствовать въ *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ* только съ 1-го Января 1842 года, сообщая, *дважды* въ мѣсяцъ, всѣ извѣстія, вѣсти и слухи объ Европейскихъ Театрахъ и артистахъ. Въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара* и *Пантеона* представляется только *перечень* любопытнѣйшихъ театральныхъ извѣстій конца 1841 года, не взирая на то, было ли упомянуто о томъ въ другихъ Русскихъ журналахъ. Съ 1-го Января 1842 года, каждая почта будетъ приносить новѣйшія извѣстія изъ-за границы, а корреспонденты *Репертуара* и *Пантеона*, въ Москвѣ и другихъ Русскихъ городахъ, гдѣ находятся театры, станутъ сообщать отечественныя новости.

— Какъ чрезвычайно пріятно украсить первую книжку нашего изданія новымъ доказательствомъ высокаго вниманія и милости, которыхъ удостоился лучшій артистъ нашъ, В. А. Каратыгинъ, по ходатайству попечительнаго Театральнаго начальства,—вниманія и милости, не менѣе лестныхъ заслужившему ихъ артисту, какъ и лицамъ, предстательствовавшимъ за него при Августѣйшемъ Покровителѣ изящныхъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Россійскій Придворный Актеръ, Г. Каратыгинъ 1-й, получилъ отъ Его Превосходительства, Г. Директора Императорскихъ С Петербургскихъ Театровъ, А. М Гедеонова, бумагу слѣдующаго содержанія:

«Согласно всеподданнѣйшему представленію моему о примѣрномъ усердіи и отличномъ талантѣ вашемъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по окончаніи вашей выслуги, въ благодарность за пожалованный пенсіонъ, то есть: съ 19-го Мая будущаго 1842 года, сверхъ прежде получаемаго вами отъ Дирекціи жалованья, производить вамъ, не въ примѣръ другимъ, еще изъ Кабинета Его Величества, по тысячѣ шести сотъ пятидесяти семи рубл. ежегодно, во уваженіе отличнаго таланта и усердія вашего.

«Поздравляя васъ съ симъ знакомъ Монаршаго благоволенія, я прошу васъ быть увѣреннымъ, что Высочайшее вниманіе, по ходатайству моему, истинно осчастливило меня, доставивъ мнѣ случай отдать дань справедливости первому отечественному таланту, и докончить вамъ мое совершенное уваженіе.»

— Можемъ порадовать любителей драматургіи надеждою на много новаго и важнаго по части драматической литературы. Два даровитые и дѣятельные драматическіе писатели написали или оканчиваютъ столько прекрасныхъ вещей, что самая взыскательная сцена могла бы довольствоваться ими въ теченіе года. П. А. Полевой совершенно кончилъ превосходную драму свою: *Елена Глинская*, которая еще въ нынѣшнюю зиму, и даже очень скоро, будетъ играна на здѣшнемъ театрѣ; она будетъ напечатана во *второй* книжкѣ Репертуара и Пантеона. Кромѣ того, у Н. А. Полеваго кончены и ждутъ только окончательной отдѣлки: 1) *Мать Испанка*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 2) *Государственная тайна*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ. 3) *Неразлучные*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. 4) *Нашъ-Невѣста*, водевиль-шутка въ одномъ дѣйствіи. 5) *Вампировъ*, комедія изъ современныхъ нравовъ, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Въ

работѣ: 6) *Сарданапалъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 7) *Саконтала*, Индѣйская драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 8) *Массинисса*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 9) Переводъ Шекспирова *Тимона*. 10) *Ломоносовъ*, трилогія въ прозѣ: *Рыбакъ, студентъ и профессоръ*.—П. Г. Ободовскій, который оказалъ незабвенныя услуги Русской Драматургіи въ частности и Русской Словесности вообще, перенося изъ малоизвѣстной Нѣмецкой и почти вовсе неизвѣстныхъ Италіянской и Испанской Словесностей лучшія сокровища на Русскую почву удачными переводами и передѣлками, въ которыхъ блеститъ самородный талантъ искуснаго передѣлывателя, П. Г. Ободовскій столько же восхищаетъ насъ своимъ дарованіемъ, сколько удивляетъ дѣятельностію. Онъ окончилъ новый переводъ: 1) *Донъ Карлоса*, трагедіи Шиллера, исправивъ и передѣлавъ многое противъ прежняго перевода. 2) Перевелъ трагедію Шиллера, въ стихахъ: *Димитрій Самозванецъ*, конченную послѣ смерти Шиллера Баронемъ Мальтицемъ. 3) Передѣлалъ, въ стихахъ, драму соч. Гальма (автора Гризельды) *Адептъ*, давъ ей болѣе понятное заглавіе: *Талисманъ искуситель*. Окапчиваются и отдѣлываются у П. Г. Ободовскаго: 4) *Игра счастья*, драма переведенная съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ Тепперомъ; 5) Оригинальная драма, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Князья Шуйскіе*, съ прологомъ: *Сдача Кекгольма*; 6) *Жена Воеводы Морозова*, или *Русская хльбъ-соль*, оригинальная драма, въ прозѣ, въ двухъ дѣйствіяхъ. 7) *Ѳедотъ, да не тотъ, или Не хочу быть купчихой*, комедія въ прозѣ, подражаніе Испанской комедіи: No mas mastrador (т. е. не хочу вывѣски), соч. Дона Маріано Хозе де Лара. Комедія эта имѣла колоссальный успѣхъ на Мадритскомъ Театрѣ де ла Крусс. Почтенные авторы всѣхъ поименованныхъ здѣсь сочиненій, изъ особенной благосклонности своей къ *новой* редакціи *Репертуара и Пантеона*, предоставили всѣ свои творенія въ полное распоряженіе редакціи, и эти превосходныя піесы будутъ напечатаны въ этомъ изданіи, для славы Русской Драматургіи и для наслажденія ея любителей.

— Кромѣ того, лучшіе наши водевилисты: Д. Т. Ленскій, И. А. Коровкинъ, П. А. Каратыгинъ, П. С. Ѳедоровъ и П. И. Григорьевъ, предоставили на выборъ редакціи труды свои, желая, какъ любви къ искусству, содѣйствовать успѣху *Репертуара и Пантеона*, послѣ ихъ *перерожденія* съ тѣкущаго 1842 года, подъ благоустроенною редакціею, состоящею изъ литераторовъ, уже извѣстныхъ публикѣ и заслужившихъ ея благосклонное вниманіе.

— На этомъ же основаніи многіе недраматическіе писатели изъявили готовность свою содѣйствовать также успѣху *перерожденнаго* изданія. Н. И. Гречъ, между прочимъ, пишетъ для *Репертуара и Пантеона: Взглядъ на современное состояніе театровъ въ Италіи*. П. А. Корсаковъ, возвратившійся вынѣшнею осенью изъ чужихъ краевъ, обѣщалъ сообщить: *Русскій взглядъ на театры въ Парижѣ и Лондонѣ*. П. А. Корсаковъ долгое время служилъ при Дирекціи Театровъ, много переводилъ для сцены, и знаетъ хорошо это дѣло. Ѳ. В. Булгаринъ сообщилъ въ редакцію нѣсколько *юмористическихъ статей, въ своемъ родѣ*. Одна изъ этихъ статей помѣщена въ этой книжкѣ, другія будутъ напечатаны въ послѣдствіи. П. А. Полевой также обѣщалъ театральную повѣсть для Репертуара. Многіе другіе литераторы также обѣщали украсить это изданіе своими трудами, но мы не можемъ назвать ихъ, потому что еще не знаемъ заглавія статей.

Вообще всѣ благомыслящіе литераторы, истинные любители Русскаго Слова и Драматургіи, приняли искреннее участіе въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ*, и редакція имѣетъ полное право надѣяться, что это изданіе будетъ соотвѣтствовать своей цѣли и нынѣшнему состоянію Европейской Литературы. Литературная фирма редакціи: *новость, точность, выборъ и разнообразіе*.

— Намъ сообщаютъ изъ Ярославля извѣстія о вновь открытомъ тамъ, 27-го Ноября, Театрѣ, построенномъ С. Петербургскимъ купцемъ Михайломъ Яковлевичемъ Алексѣевымъ,— безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ чистой любви къ искусству. Постройка театра начата въ 1841 году, и весь онъ поспѣлъ въ шесть мѣсяцевъ. Зала вмѣщаетъ въ себѣ 74 кресла, до 80-ти мѣстъ за креслами, два яруса ложъ, устроенныхъ безъ колоннъ, и надъ ними галерею и парадисъ. Полный сборъ простирается до 1000 р. асс. Для открытія театра, Г. Алексѣевъ со всею труппою своею, состоящею человѣкъ изъ двадцати, на сценѣ пропѣлъ народный гимнъ, и за тѣмъ начался спектакль. Давали водевиль: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*. На слѣдующій день представлена драма: *Иголкинъ* и водевиль *Домъ на Петербургской Сторонѣ* и *Представленіе Французскаго водевиля въ Русской провинціи*. 30-го числа давали драму: *Стенька Разинъ*. Въ труппѣ Г. Алексѣева хвалятъ комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Соловьеву. На Ярославскомъ Театрѣ есть и танцовщица, съ Московскаго Театра, Г-жа Кузнецова, танцовавшая въ одномъ изъ спектаклей *каучуку*. Но, всего достойнѣе удивленія, что труппа Г-на Алексѣева ставитъ оперы: къ Декабрю она приготавливала *Дампу*, и, мало того, намѣрена приступить къ постановкѣ *Роберта*.

— Французскій Театръ въ Парижѣ, на которомъ все еще не рѣшена борьба между актрисами Рашель и Максимъ, давалъ въ послѣднее время Митридата, Марію Стюартъ и Ифигенію, въ которыхъ объ эти артистки играютъ вмѣстѣ. Въ Маріи Стюартъ Рашель выше своей соперницы, но въ Расиновыхъ піессахъ онѣ почти равны. На этомъ же театрѣ дебютировалъ недавно молодой трагическій артистъ, Г. Дарисъ, рѣдкость въ наше время, когда всѣ молодые артисты предпочитаютъ эффектную непстовую драму обдуманной и трудной трагедіи. Г. Дарисъ еще не совсѣмъ увѣренъ на сценѣ, но все таки составляетъ пріятное появленіе для театра, гдѣ съ юными трагическими артистками, какова Рашель и Максимъ, играютъ одни старички старинной школы. — Сверхъ того дебютировала на томъ же театрѣ Г-жа Бурбье, бывшая долгое время на нашемъ Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ. Она явилась въ роли Тисбы, въ *Венеціанской Актрисѣ*, и вообще понравилась Парижской публикѣ.

— Весьма замѣчательна новая комедія Скриба, Une Chaine, имѣвшая огромный успѣхъ на Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ.

— На томъ же театрѣ рѣшился недавно старинный споръ, продолжавшійся лѣтъ двадцать—о достоинствѣ трагедіи *Арбогастъ*, соч. Академика и Члена Палаты Перовъ, Г. Віене. Трагедія эта упала при первомъ представленіи, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ автора ея, имѣвшаго какую-то непреодолимую слабость къ послѣднему изъ драматическихъ произведеній своихъ. Болѣе двадцати лѣтъ носились въ публикѣ слухи объ этой трагедіи, сочиненной еще въ то время, когда были въ модѣ трагедіи Люсъ де Лансеваля, Легуве, Баурь-Лорміана, Ренуара, Жуи и Лебрена, и паденіе *Арбогаста* произвело столь сильное впечатлѣніе на автора ея, что онъ запемогъ, и немедленно взялъ свою піесу обратно, хотя, по законамъ театра, имѣлъ право требовать трехъ представленій ея. По этому, въ Парижскихъ журналахъ напечатали, что трагедія Г-на Віене была представлена *лишній разъ*. Г. Віене не ограничился этимъ. Оправившись отъ сильнаго и неожиданнаго потрясенія, онъ явился въ собраніе Коммиссіи драматическихъ писателемъ, а просить объ увольненіи. Ничто не могло отклонить его отъ этого отчаяннаго рѣшенія, и во-

ротясь домой, онъ послалъ просьбу объ увольненіи его изъ Палаты Перовъ и изъ Французской Академіи. Результатъ еще не извѣстенъ, но, во всякомъ случаѣ, это первый примѣръ добровольнаго отреченія отъ академическихъ креселъ. — Для утѣшенія заслуженнаго литератора, къ нему явилась депутація актеровъ Французскаго Театра, для объявленія, что они, безъ тяжбъ и процессовъ, совершенно добровольно, поставятъ на сцену, тщательно и съ роскошью, одну изъ трехъ трагедій его, находящихся въ рукописи, и лежавшихъ въ Комитетѣ, вмѣстѣ съ Арбогастомъ, болѣе двадцати лѣтъ. При этомъ случаѣ, невольно вспоминаемъ анекдотъ. Когда Г. Віене отдалъ на разсмотрѣніе театральнаго Комитета четыре трагедіи вдругъ, еще при Лудовикѣ XVIII, извѣстный поэтъ Беранже только что былъ выпущенъ изъ тюрьмы за одну изъ пѣсень своихъ противъ дурныхъ и пристрастныхъ судей. Віене, встрѣтивъ его, спросилъ: «Что, любезнѣйшій? Въ шесть мѣсяцевъ заточенія, вы, я думаю, написали множество пѣсенокъ!» — Какъ множество? возразилъ поэтъ. Неужели вы думаете, что пѣсеньки писать такъ же легко, какъ трагедіи?

— Весьма замѣчательнымъ явленіемъ на Театрѣ Большой Оперы, въ Парижѣ, были въ послѣднее время, дебюты новаго тенора, Руанскаго бочара Путье (Poultier). Занимаясь своимъ мастерствомъ, онъ давно восхищалъ товарищей своихъ рѣдкимъ, высокимъ голосомъ. Слухи о томъ дошли до Парижскихъ любителей музыки, которые немедленно рѣшили образовать изъ него пѣвца, достойнаго самой взыскательной публики въ мірѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ не щадили издержекъ для перевоспитанія простаго ремесленника въ артиста; не забыли ничего, начиная отъ грамматики и сольфеджей, до верховой ѣзды и фехтованья. Онъ наконецъ дебютировалъ—съ успѣхомъ посредственнымъ. Однако же, послѣдующіе дебюты его, въ *Нѣмой* (Фенеллѣ), увѣнчали старанія его, и роль Мазаніелло была пропѣта и сыграна имъ удачнѣе всѣхъ другихъ. Кромѣ того дебютировалъ на томъ театрѣ другой теноръ, Г. Делаге (Delahaye), въ трудной и опасной роли Роберта. Голосъ его вѣренъ, чистъ, метода весьма хорошая. Къ сожалѣнію, послѣ перваго дебюта онъ захворалъ, и долженъ былъ отложить на нѣкоторое время дальнѣйшіе дебюты. Въ оперѣ la Favorite дебютировала Г-жа Речіо (Recio), обладающая чистымъ и пространнымъ сопрано. Впрочемъ, Большая Опера ограничивалась Вильгельмомъ Теллемъ, Донъ Жуаномъ, Робертомъ, Жидовкою, Гугенотами и Фавориткою, въ ожиданіи двухъ новыхъ оперъ, *Кипрской Царицы* (la Reine de Chypre), музыка Галеви, и *Пертская Красавица*, музыка Адана. Первая изъ этихъ оперъ играна 22-го Декабря, съ блистательнымъ успѣхомъ.—Мейербера ожидаютъ со дня на день; по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ онъ займется партиціею новой оперы *Пророкъ*.

— Парижская Комическая Опера, вѣрная принятой ею однажды системѣ, т. е. зная, что въ Парижѣ должно ежеминутно подавать алчущей публикѣ все новости да новости, придумала, за неимѣніемъ новостей, прибѣгнуть къ старому, забытому, и вновь поставила на сцену оперы, которыми восхищались наши родители. Появились: *Камилла*, *Ричардъ Львиное Сердце*, наконецъ даже *Жокондъ* и *Жанъ Парижскій*, и всѣ онѣ были приняты публикою съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ бы она приняла оперы новыя. Въ нихъ отличалась молодая пѣвица Росси-Качія, которой предвѣщаютъ Европейскую извѣстность, наравнѣ съ бывшею примадонною того же театра, Г-жею Даморо-Чинти.—Въ Декабрѣ, играны, однакоже, на этомъ театрѣ двѣ новыя оперы. Первая изъ нихъ: *Юность Карла V* (la Jeunesse de Charles-Quint), соч. Мелесвиля и Дюверье, музыка Монфора. Сюжетомъ этой піесы служитъ любовное приключеніе изъ неистощимаго источника

похожденій, приписываемыхъ великому Императору. Музыка легкая, пріятная и правильная, и заключаетъ въ себѣ множество очень счастливыхъ мелодій. Вторая опера, M-lle de Mérange, соч. Левена и Брунсвика, музыка Генриха Потье. Эта M-lle de Mérange съ родни дѣвицѣ де Бель-Иль, съ тою разницею, что опера въ одномъ дѣйствіи, а извѣстная комедія Дюма въ пяти. Музыку написалъ новичекъ въ дѣлѣ, подающій самыя утѣшительныя надежды, хотя слѣдуетъ вслѣдствіе времени, и не щадитъ тромбоновъ, даже въ аккомпаниментѣ простой пѣсеньки.

— На Италіянскомъ Театрѣ въ Парижѣ, поставили вновь оперу *Лучія Ламермурская*, Доницзетти, и Turco in Italia, вѣчнозеленаго Россини. Въ его же неподражаемомъ Barbiere di Siviglia дебютировалъ недавно съ успѣхомъ сынъ извѣстнаго пѣвца Лаблаша, въ роли Фигаро, которую допыпѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ игралъ его отецъ. Самъ Лаблашъ занималъ роль Бартоло, и придалъ ей, игрою и пѣніемъ, совершенно новый характеръ.

— На Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, гдѣ играютъ главнѣйшіе трагики нынѣшней Французской сцены, Фридерикъ Леметтръ и Бокажъ, ставятъ на сцену множество замѣчательныхъ піесъ: *Антони*, оставленнаго съ нѣкотораго времени, большую драму Леона Гослана, и трагедію молодаго поэта Адольфа Дюма, подъ заглавіемъ: *Моліеръ, Людовикъ XII и Г-жа де ла Валіеръ*. Сверхъ того, надѣются получить отъ Виктора Гюго драму *Анна Австрійская*.

— Изъ послѣднихъ новостей на Парижскихъ Театрахъ назовемъ Lucienne, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, основанный на безконечныхъ любовныхъ похожденіяхъ маркизовъ прошедшаго столѣтія; далѣе, Pour mon fils (*Для сына*), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра, очень понравился игрою Г-жи Дежазе; Les Enfans Blancs, драма въ пяти актахъ, соч. Малефиля; Claire Champrosé, драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, основанная на Варѳоломеевой Ночи; Les Fées de Paris (*Парижскія Феи*), водевиль Баяра; Le Vicomte de Letorière, водевиль того же автора, и множество другихъ водевилей, появляющихся на одно мгновеніе на меньшихъ Парижскихъ Театрахъ.

— Знаменитый комикъ *Брюне*, любимецъ Парижской публики въ теченіе сорока лѣтъ, наконецъ рѣшительно оставляетъ сцену. Въ Декабрѣ прошлаго года, назначенъ былъ ему *послѣдній* бенефисъ, въ которомъ взялись участвовать всѣ комики и фарсеры Парижскихъ театровъ. Достойный соперникъ Брюне. *Потье*. также старый и заслуженый актеръ, взялся играть роль *канатнаго плясуна* (sa timbanque), которою онъ прилекалъ нѣкогда весь Парижъ. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на двухъ первыхъ фарсеровъ нашего вѣка. Ужъ вѣрно, что такихъ комиковъ какъ Брюне, Потье и покойный Варшавскій актеръ Жулковскій, производятъ вѣки, какъ Гарика, Тальму, Каратыгина.... Отъ благороднаго, умнаго фарса до каламбуровъ, вставляемыхъ въ водевиль: *Ложа 1-го яруса*, каламбуровъ, не принадлежащихъ автору Каратыгину, такъ далеко, какъ отъ солнца до города Зашиверска!

— Директоръ оркестра Большой Парижской Оперы изобрѣлъ способъ для сохраненія хоровъ на сценѣ въ одинаковомъ темпѣ съ оркестромъ; онъ придѣлалъ къ своему пульпету ножку, посредствомъ которой, при весьма простомъ механизмѣ, начало каждаго такта обозначается ударомъ о каждую кулису, такъ, что хористамъ отвынѣ будетъ легко находиться въ постоянной связи съ оркестромъ, даже не смотря на капельмейстера.

— На Лондонскихъ Театрахъ новостей въ послѣднее время было не много. Послѣ смерти Директора Италіянскаго Театра Лапорта, дирекцію принялъ на себя Лумлей, и немедленно отправился на твер-

дую землю — вербовать новыхъ пѣвцовъ. Извѣстный трагикъ Макреди, получившій привилегію на Дрюри лейскій Театръ, намѣревался въ концѣ Декабря начать свои попытки къ возстановленію старой драматической Литературы Англіи. На Ковентъ-Гарденскомъ Театрѣ появились двѣ новыя комедіи въ пяти актахъ: What will the world say? (*Что скажутъ въ свѣтѣ*), соч. Англійскаго водевилиста Меркъ-Лемона, и *Старыя Дѣвы*, соч. Шеридана Нольса. Онѣ не имѣли большаго успѣха. На томъ же театрѣ поставленъ въ большою роскошью новый балетъ, содержаніе котораго заимствовано изъ романа *Гань-Исландецъ*, Виктора Гюго.

— Очень замѣчателенъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ дебютъ пѣвицы Миссъ Аделанды Кембль, прославившей уже въ Италіи. «Эта молодая пѣвица,» говоритъ одинъ журналъ, «вполнѣ достойна своего знаменитаго имени. У ней превосходная трагическая головка Кембля, классическій профиль, пріятная и величественная наружность и превосходная способность съ величайшею истиною и изяществомъ оттѣнять всякое чувство, всякую страсть. Къ этимъ достоинствамъ присоединяется совершенно Италіянская метода пѣнія, такъ что Г-жа Кембль чрезвычайно напоминаетъ намъ Г-жа Пасту. Г-жа Кембль лучшая Норма изъ всѣхъ, доселѣ видѣнныхъ нами. Съ силою и величіемъ Гризи у Г-жи Кембль соединяется нѣжность, не доступная для первой. На Англійскихъ пѣвицъ она не походитъ нисколько; она, какъ мы сказали, Итальянская пѣвица на Англійской сценѣ; чистый, нѣжный голосокъ ея невольно уноситъ васъ въ Италію.»

— Въ Вѣнѣ играна съ большимъ успѣхомъ новая комическая опера, или лучше сказать фарсъ съ пѣніемъ: Das Mädel aus der Vorstadt, oder: Ehrlich währt am längsten (*Дѣвушка изъ предмѣстья*), написанный (въ подражаніе Поль-де-Коку) извѣстнымъ Вѣнскимъ комикомъ и писателемъ Нестроемъ, сочинителемъ піесъ: Zu ebener Erde, Das liedorliche Kleeblat, der Talisman и пр.

— Извѣстный Германскій артистъ Зейдельманъ, одержимый долгое время тяжкою болѣзнію, и даже о смерти котораго разнеслись было слухи прошедшею осенью, недавно явился вновь на Берлинской сценѣ, въ первый разъ послѣ выздоровленія, въ роли Герцога Альбы, въ трагедіи *Эгмонтъ*, Гете. Любимый трагикъ былъ принятъ публикою съ восторгомъ.

— Въ Мюнхенѣ давали 3-го Декабря новую трагическую оперу тамошняго капельмейстера Лахнера: *Катарина Корнаро*, съ танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ. Опера имѣла блистательный успѣхъ. Нынѣ, трауръ по вдовствующей Королевѣ прекратилъ въ Мюнхенѣ спектакли, которые подавали великія надежды на всю зиму. Такъ, напримѣръ, недавно играна тамъ же, въ первый разъ, трагедія Гуцкова: *Патькуль*, которая при тщательной обстановкѣ и раздачѣ главныхъ ролей лучшимъ артистамъ, имѣла успѣхъ.— Въ Мюнхенѣ же представлена въ первый разъ по возобновленіи, опера *Фиделіо*, Бетговена. Заглавную роль занимала Г-жа Стекль-Гейнефеттеръ, сестра Сабины Гейнефеттеръ, бывшей у насъ прошлою зимою.

— Кстати о Гейнефеттеръ. Другая сестра Сабины, Катинька Гейнефеттеръ, дебютировавшая въ Парижской Операѣ съ блистательнымъ успѣхомъ, гнѣтъ чѣмъ-то прогнѣвила фельетониста газеты Temps. Послѣ непродолжительнаго отпуска являлась она недавно вновь въ *Гугенотахъ*, Мейербера. Въ Temps, по этому случаю, сказано: «Катинька Гейнефеттеръ прекрасно пѣла нѣкоторые пассажи своей роли, и между прочимъ: Ah t'aujourd'hui tout mein sank est à fous! Или: Seigneur Dieu, seul soutient, и т. д Сверхъ того: Une femme qui l'adore, et qui mourra, mais en saufant ses chours. Изъ этого видно, продолжаетъ критикъ, что Катинька Гейнефеттеръ посвящена во всѣ таинства

Французскаго языка, и больше не нуждается въ упражненіяхъ.»

— Въ Копенгагенѣ учреждается Итальянская Опера, для которой ангажирована примадонною Г-жа Фаркони, пользующаяся въ Италіи значительною извѣстностію.

— Въ Бреславлѣ открытъ, въ Ноябрѣ, новый театръ, по закрытіи, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, стариннаго, существовавшаго уже 60 лѣтъ. Новый театръ вообще хвалятъ въ архитектоническомъ отношеніи. Зала бѣлаго цвѣта, съ золотыми украшеніями и красною драпировкою. Надъ сценою видишь бюсты семи замѣчательнѣйшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ писателей и композиторовъ. Боковыя ложи (называемыя у насъ литерными) освѣщены цвѣтными лампами. По произнесеніи пролога режиссеромъ труппы, публика вызвала архитектора Лангганса, строителя театра, котораго тутъ же режиссеръ увѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ.

— Въ Больнѣ недавно давали, на театрѣ Корсо, оперу, представленную питерскими дѣтьми, изъ коихъ младшему еще не минуло пяти лѣтъ, а старшему не болѣе четырнадцати. Они играли цѣлыя оперы, подъ руководствомъ ихъ отца, и въ операхъ Betty, Elisir d'Amore, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ Севильскаго Цирюльника и въ комическомъ дуэтѣ изъ Chiara di Rosenberg, возбудили неподдѣльныя рукоплесканія слушателей.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ представленій Вильгельма Теля, въ Брюсселѣ, произошелъ случай, совершенно разстроившій главную трогательную сцену, когда Тель стрѣляетъ въ яблоко. Именно, съ Теля свалился парикъ: отъ этого расхохоталась не только публика, но и самъ грозный Гесслеръ. Когда же кто-то изъ свиты Ландфогта поднялъ парикъ и унесъ его за кулисы, взглянувъ притомъ двусмысленно на лысину Теля, въ залѣ поднялся такой хохотъ, что едва не были принуждены опустить завѣсу.

— Знаменитый Римскій банкиръ, Князь Торлонія выписалъ на свой собственный счетъ, на нынѣшнюю зиму, труппу Французскихъ актеровъ и пѣвцовъ, которые будутъ представлять комедіи, водевили и комическія оперы на домашнемъ театрѣ Князя, въ его дворцѣ, въ Римѣ. На этихъ представленіяхъ будутъ присутствовать только особы, приглашенныя хозяиномъ.

— Свободныя искусства и художества скорѣе смягчатъ нравы Азіятцевъ, нежели регламенты, которыхъ никому не понимать, ни приводить въ исполненіе. Вспомнимъ древній миѳъ объ Орфеѣ, который звуками своей лиры усмирялъ не только дикарей, но чудовища, и заставлялъ плясать камни! Грубые и кровожадные соотчичи Магомета, Арабы, приявъ Греческое просвѣщеніе, были въ свое время образованнѣйшимъ народомъ въ Европѣ. Надѣемся хорошихъ послѣдствій отъ заведенія въ Константинополѣ *Италіянскаго Театра*. Открытіе происходило 7/19-го Ноября, 1841 года, представленіемъ *Нормы*, соч. Беллини. Примадонна труппы называется Г-жа Серафина Рубини, а контральто Г-жа Джульста Маччи. Бассъ, Северино Джіорджіо, имѣетъ слабый голосъ. Оркестръ и декораціи изрядные, суди по мѣстности. Европейская публика довольна этою оперою, Турецкіе чиновники въ восторгѣ. Не знаемъ, позволено ли прекраснымъ обитательницамъ гаремовъ посѣщать представленія оперы. Можно бы для этого сдѣлать ложи съ рѣшетками!

— Независимо отъ монумента, воздвигаемаго Моцарту въ Зальцбургѣ, его-мѣстѣ рожденія, Австрійское Правительство рѣшило сооружить памятникъ этому знаменитому композитору на кладбищѣ Св. Максимиліана въ Вѣнѣ, гдѣ Моцартъ погребенъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ письменно обратился къ вдовѣ Моцарта, (вышедшей въ послѣдствіи за мужъ за Г. Нисена), и просилъ ее указать могилу ея перваго супруга. Она отвѣчала ему, что не знаетъ точнаго мѣста, гдѣ погребенъ Моцартъ, такъ какъ въ то вре-

мя, когда онъ скончался (5-го Декабря 1791), въ Вѣнѣ хоронили простыхъ гражданъ безъ всякой церемоніи и безъ проводовъ. Немедленно послѣ смерти мужа, она выѣхала изъ Вѣны, и возвратилась туда только черезъ двадцать два года, когда уже не было возможности дознаться, гдѣ именно погребенъ ея супругъ. Въ слѣдствіе того, постановили воздвигнуть памятникъ этотъ какъ можно ближе къ дому, въ которомъ Моцартъ умеръ.

— Въ улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, на углу улицы Траверсіеръ, гдѣ донынѣ стоялъ полуразрушенный фонтанъ, обклеваемый афишками и объявленіями, теперь воздвигаютъ фонтанъ въ честь Мольера. Эта постройка уже готова въ чернѣ; остается устроить бассейнъ, и за тѣмъ приступятъ къ скульптурнымъ украшеніямъ. Весь этотъ фонтанъ сооруженъ изъ тесанаго камня, и достигаетъ до четвертаго этажа сосѣднихъ домовъ. Онъ состоитъ изъ обширной ниши, или углубленія, съ отдѣльными колоннами по сторонамъ. Фронтонъ, простирающійся надъ ними, будетъ украшенъ статуею генія, держащаго вѣнецъ, и разными изваяніями, съ атрибутами драматическаго искусства. Въ углубленіи будетъ находиться статуя Мольера, представленнаго сидящимъ, въ положеніи мечтающаго; по сторонамъ его будутъ поставлены статуи комедіи, серіозной и веселой. Изъ основанія будутъ выливаться каскады въ полукруглый бассейнъ. На фронтонѣ будетъ надписано только: A. Molière (Мольеру); На сторонахъ піедестала будетъ начертано: «Родился въ Парижѣ, 15-го Января 1622,» и «Скончался въ Парижѣ, 17-го Февраля 1673.» Домъ, въ которомъ онъ скончался, находится въ этой улицѣ, насупротивъ воздвигаемаго нынѣ памятника.—На піедесталѣ будутъ красоваться названія всѣхъ его піесъ.